

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 1 (67), № 3

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2015

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, протокол № 17 от 4 декабря 2015 г.

Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

1. **Непомнящий Андрей Анатольевич** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского – главный редактор.
2. **Манаев Александр Юрьевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; заместитель декана исторического факультета по научной работе – ответственный секретарь.
3. **Герцен Александр Германович** – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, заведующий кафедрой древнего мира и средних веков.
4. **Ишин Андрей Вячеславович** – доктор исторических наук, доцент, кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
5. **Латышева Елена Владимировна** – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой документоведения и архивоведения Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
6. **Науменко Валерий Евгеньевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
7. **Петрова Элеонора Борисовна** – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
8. **Платонова Надежда Игоревна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург).
9. **Романько Олег Валентинович** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
10. **Тихонов Игорь Владимирович** – доктор исторических наук, заведующий музеем истории Санкт-Петербургского университета (г. Санкт-Петербург).
11. **Тункина Ирина Владимировна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, директор Петербургского филиала Архива Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).
12. **Филимонов Сергей Борисович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
13. **Храпунов Игорь Николаевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
14. **Щевелев Сергей Стефанович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

Подписано в печать 07.12.2015. Формат 70x100 1/16
6,91 усл. п. л. Заказ № НП/12.

Отпечатано в издательском отделе КФУ имени В. И. Вернадского
295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

<http://sn-histor.cfuv.ru>

УДК 908 «18/19»

**«ЗОЛОТОЕ ДНО» ТАВРИДЫ: ТРУД ЖЕНЩИН
НА ТАБАЧНЫХ ПЛАНТАЦИЯХ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Задерейчук А. А., Масленникова В. А.

***Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: zadereychuka@mail.ru; Bloodmindedart@gmail.com***

Рассматривается положение трудящихся женщин в Таврической губернии. Обозначаются проблемы, с которыми сталкивались молодые работницы, попадая на плантации. Проанализированы условия жизни, труда, моральные аспекты трудовой деятельности. Приведены свидетельства врачей о медицинских последствиях для губернии отхожего женского промысла. Показана реакция общественности на проблемы трудящихся женщин, а также обозначены основные пути решения сложившейся ситуации.

Ключевые слова: Таврическая губерния, табачные плантации, женщины-работницы, Крым, экономика

В современной науке четко прослеживаются тенденции к развитию и совершенствованию гендерных исследований. На первый план выдвигается «история женщин», рассматривающая совершенно разнообразные аспекты жизни «слабого» пола. Однако «женская» тема в историографии не нова. Исследования, посвященные неравенству полов, самостоятельному труду женщин, изменению их социального статуса, семейных отношений и другие активно обсуждались исследователями и активистами общественных движений уже во второй половине XIX в. Изначально проблемы женщин в работах исследователей носили лишь фрагментарный характер. С конца XIX – начала XX вв. отношение к «женской» истории изменилось, стали появляться обобщающие труды о женщинах в общественном движении [2], о женском труде [5], биографические очерки выдающихся женщин [14] и другие. После революционных событий 1917 года и вследствие изменения социального строя исследование женской истории на длительный период было практически прекращено. Лишь в середине XX в. появились вновь труды, посвященные отдельным аспектам жизни женщин. Это работы В. Л. Бильшай [4], В. Н. Смирновой [24], Н. П. Ефремовой [10] и других. Анализируя работы советского периода, можно смело говорить о том, что они, прежде всего, выполняли пропагандистскую функцию, раскрывая активную революционную деятельность женщин.

Отношение к женской проблематике в исторических исследованиях резко начало меняться в перестроечные годы, были пересмотрены старые постулаты и выработаны новые подходы к изучению женской истории. Подобные изыскания особо актуальны в наши дни. Современные исследователи зачастую объединяются под эгидой Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ), журнала «Женщина в российском обществе» и других известных общественных организаций, объединяющих работников и работниц науки и образования. В наше время особого внимания среди ученых заслуживают вопросы гендерной истории в России,

соотношения гендера и власти, осмысления женщиной исторического процесса в разные эпохи, гендерных изменений в культурно-историческом развитии, изменений в частной и общественных сферах. Кроме того, внимание акцентируется на изменениях в повседневной жизни и быте женщин. Одно из центральных мест в исследованиях, посвященных «женской» истории, отводится феномену «работающей женщины» – аспектам трудовой деятельности [17], психологическим проблемам и особенностям женского труда [13], карьерному росту женщины [1] и другим. Однако работ, посвященных анализу женского труда и связанных с ним социальных проблем в различные исторические эпохи, очень мало. Чаще всего в исследованиях по социальной истории перед нами предстают обезличенные фабрично-заводские и сельскохозяйственные рабочие, без учета гендерной специфики. А она не только имела, но и беспокоила современников, особенно в XIX в.

Одним из регионов, привлекавших внимание правозащитников и общественников, сочувствовавших трудящимся женщинам, была Таврическая губерния. В XIX в. основной отраслью экономики в губернии было сельское хозяйство, в котором было занято около 80 % населения и огромное количество приехавших рабочих из различных губерний Российской империи. В южных уездах преобладала культура табака и табаководство, активно начавшее развиваться с 80-х годов XIX века. Согласно статистическим данным Таврической губернии, в середине 80-х гг. XIX в. на ее территории насчитывалось 4463 табачных плантации [7, с. 4], а всего через 10 лет их число увеличилось практически в два раза и составляло уже 7729 плантации [6, с. 11] и оставалось практически неизменным вплоть до революции 1917 года. Так, в 1913 г. в специализированном сборнике было опубликовано общее количество плантаций в губернии – 6, 556, а городов и селений в которых они были расположены – 219 [21, с. 34]. Прежде всего, табаководством занимались в Симферопольском, Ялтинском и Феодосийском уездах, посевные площади в которых распределялись следующим образом: около 53% всей площади, 27% и 11% соответственно [19, отд. V, с. 4]. Табаководство находилось преимущественно в руках поселян и приехавших табаководов, чаще всего – малоазийских турок и греков [3, с. 78]. Большой долей плантаций владели татары в Симферопольском, Феодосийском и Ялтинском уездах, особенно в окрестностях Бахчисарая и Алушты [8, с. 56]. Кроме табаководства, в Таврической губернии решающую роль в экономике играли также садоводство и виноградарство. Например, в Ялтинском уезде изначально доминировало виноградарство, и лишь с 90-х гг. XIX в. одну из ведущих ролей в экономике заняло табаководство [23, с. 25].

Наличие в губернии подобных сельскохозяйственных отраслей требовало от их хозяев значительного числа рабочих рук, особенно ловких женских. Наиболее остро этот вопрос стоял в малонаселенных уездах. Плантаторы вынуждены были прибегать к услугам наемных сезонных рабочих, которых зачастую нанимали на самом большом рынке вольнонаемного труда в г. Каховке [23, с. 26–27]. В свою очередь, Таврическая губерния всегда привлекала рабочий народ возможностью заработать. Анализ заработной платы в Новороссии позволяет говорить о том, что именно здесь в Таврической губернии она достигала максимума. «Таврія – золотое дно», – говорила народная поговорка того времени [26, с. 7].

Прежде всего, как это ни странно, на заработки спешили молодые женщины. Исследователь рабочего вопроса на Юге России, А. Ярошко обратил внимание на то, что в общем количестве рабочих женщины составляли «чуть ли не половину» [26, с. 124]. Кроме того, автор объяснял и причины подобного стремления молодых женщин на заработки в Таврию. Именно здесь, удачно устроившись на работы, молодая девушка получала возможность в отличие от своих сверстниц заработать средства на приданное и прочие личные расходы. За три года работы можно было заполнить доверху сундук. Чем больше времени девушка пребывала в Таврии, тем существеннее приумножалось ее богатство. Многие работницы, пробыв на заработках несколько лет, запасались сукном и одеждой «чуть ли не на всю последующую жизнь» [26, с. 206]. И даже несмотря на то, что, в частности, церковь критиковала подобный заработок, девушки селами уходили на плантации [8, с. 186]. Экономические перспективы отодвигали на второй план даже проблемы здоровья и нравственные аспекты, являвшиеся следствием отхожих заработков.

В некоторых случаях стимулом для занятия отхожим промыслом становилась невозможность найти работу в собственном селе и желание родных избавиться от лишнего рта. Автор статьи «Девушки на табачных плантациях» описывал это так: табаковод плантатор, делая заманчивые обещания о будущих перспективах работ на него, предлагает родным задаток. После чего «отец, мать или братья, не колеблясь, берут задаток и с легким сердцем снаряжают в путь свои лишние рты, которые с этой минуты переходят в распоряжение крымского плантатора» [18, с. 3].

Уже в 14–15 лет девушка отпрашивалась у родных на работу. Известны случаи, когда тратились двугривенные на писаря, для того, чтобы тот прибавил в паспорте год или два. Однако, уход «на заробітки» в таком юном возрасте не был массовым явлением. Исследования, опубликованные в сборнике Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами, свидетельствуют о том, что, по сравнению с мужчинами, женщины отправлялись на заработки в более зрелом возрасте. Например, если большинство мужчин вступало в производство в возрасте до 16 лет, то среди женщин лишь около трети (а именно 33,1 %) уходили на заработок в этом возрасте; 38,1 % представительниц женского пола начинали участвовать в отхожем промысле в возрасте свыше 18 лет. К 1911 г. средний возраст женщин-работниц был невысок и колебался от 27 до 28 лет [25, с. 121].

Попадали молодые девушки на плантации несколькими путями. В частности, автор путеводителя по Крыму А. Бесчинский, уделив несколько абзацев табачным плантациям, сделал акцент на том, что мужчины для работ на плантациях нанимались на месте, а девушки – в материковых уездах Таврической губернии [3]. Аналогичную информацию о найме женской рабочей силы на табачные плантации приводит и автор статьи газеты «Салгир». В ней он пишет следующее: весной «табачные плантаторы появляются в Мелитопольский уезд, преимущественно в села, расположенные у полотна железной дороги для вербовки дивчат на плантации. <...> Наезжающие плантаторы, преимущественно, турецко-подданные татары или греки из Крыма вербуют много девок, причем в ход пускают всевозможные соблазнительные приемы: дается задаток, обещается сверх заработной платы в подарок платок, несколько аршин ситцу и прочее» [15, с. 1]. Далее он указывал, что крестьянские де-

вушки не только сами соглашались идти на заработки, но и прихватывали с собой товаров-односельчанок, которыми «словно гурт скота набиваются целые вагоны».

Значительная часть будущих работниц для плантаций нанимали на самом большом рынке труда в Каховке. Сортировка происходила следующим образом: помещик или его приказчик объявлял цены и набор людей. Далее брались паспорта и выдавались задатки, при этом, набирающий обязательно смотрел возраст и пристально оглядывал человека, оценивая навскидку его возможную зарплату. Небольшие и средние экономии строго сортировали трудяг на категории: мужчины, парубки, девушки, полурабочие и подростки. Соответственно, зарплата в каждой отдельной группе назначалась разная. Женский труд – предмет данного исследования – был привлекателен своей сравнительной дешевизной, а также табачные плантации нуждались в быстроте и ловкости женских рук. Тем более, заинтересованные в рабочем месте девушки охотно откликались на предложения.

Тут же, на месте, составлялся и договор на последующие работы: оговаривались срок найма, обеспечение продуктовым набором, заработок. Доставка до плантации осуществлялась за счет нанимателя.

Заработная плата, прежде всего, зависела от сезонности работ. В основном рабочие сезоны подразделялись на летний срок (09.05.–01.10.) и зимний (01.10–09.05), также, выделялся рабочий год – с 1.04. по 01.03. следующего года. Сезоны отличались стоимостью продуктового содержания и заработной платой. К примеру, в 1892 г. стоимость продовольствия работницы Таврической губернии в год составляло около 43 руб., а работника – 59 руб. [23, с. 114–115].

Ценовая политика в отношении заработной платы различных экономий варьировалась. Это зависело, в основном, не от характера хозяина и его отношения к рабочим, а напрямую от производства и его окупаемости. От стоимости табака напрямую зависела прибыль плантатора, от которой, в свою очередь, попадали в зависимость заработная плата рабочих, их питание и прочие факторы.

Как отмечали современники, «в срок от летнего Николая до Покрова (4,5 месяца)» девушка получала 40–45 рублей [15, с. 2]. В 1894 г. предлагаемый девушкам за 11 месяцев (годовой срок) заработок варьировался от 40 до 100 руб. Кроме этого, девушки обычно выговаривали себе 9–10 аршин ситца или платок [3]. В сельскохозяйственном обзоре Таврической губернии за 1909 г. назывались следующие цифры касаясь заработной платы женщин за год: полному рабочему в год выплачивали от 70,6 руб. (Бердянский уезд) до 101,67 руб. (Симферопольский уезд), полурабочему – от 41, 03 руб. (Бердянский уезд) до 73,13 руб. (Евпаторийский уезд). Оплата труда подростка варьировалась от 19,89 руб. (Днепровский уезд) до 37,5 руб. (Перекопский уезд) [22, с. 13].

Существовала возможность работать и поденно. Источники сообщают, что, работая поденно, рабочий находился на «хозяйских харчах». В сборнике по основной статистике за 1906 г. заработная плата при поденном найме вместе со стоимостью харчей составляла 71 коп. Однако на «хозяйские харчи», в среднем, ежедневно вычиталось около 21 коп., колебания составляли от 15 коп. до 40 коп. за день [20, с. 145–146].

Если, проанализировав данные статистик за несколько лет, соотнести maximum и minimum заработной платы и районы, то становится очевиден тот факт, что район полуострова – место широкого распространения виноградников, садов и плантаций, которые нуждаются в рабочей силе – принадлежит к районам с зарплатой maximum.

Даже несмотря на то, что уже с начала XX в. табаководство в Крыму постепенно приходило в упадок и заработная плата, соответственно, уменьшалась, она продолжала оставаться привлекательной для незамужних девушек.

Несмотря на то, что все ключевые моменты договора о найме оговаривались сразу, случаи их нарушения, как со стороны работника, так и работодателя, не являлись редкостью. Каждая из сторон имела для этого свои причины. Основные мотивы таких поступков со стороны нанимающихся: желание либо возможность устроиться на более выгодное место, нарушение работодателем условий договора, несоблюдение им обязанностей [23, с. 117]. Со стороны хозяина – неудовлетворенность рабочей силой либо же обычное желание не выдавать обещанную заработную плату. Упомянутые случаи не были редки, привлекали внимание общественности и отражались на страницах местной прессы. Например, в заметке в разделе Местной хроники Таврических губернских ведомостей описывался случай, когда рабочие экономии «Карауль Джага» Феодосийского уезда пытались разгромить экономию. Акцент в публикации был сделан на том, что «рабочие требовали от владельцев каких-то денег» [11, с. 42]. О «нецеремонном отношении помещичьих экономий к рабочим» сообщал и корреспондент «Крымского вестника». Его заметка повествовала о том, что «большая партия рабочих, преимущественно женщин громадьщиц (занимались сгребанием скошенной травы), бросили Александровскую экономию, где они работали, и возвратились обратно в Алешки, Херсон и проч., изнуренные, оборванные, не докончив работ, и, как говорят, не получив как следует расчета. Работницы жаловались на то, что кормили скверно, воды выдавали недостаточно. Требования и просьбы более сносной пищи у администрации вызывали лишь крики и брань» [26, с. 49].

Естественно, что несоблюдение сторонами договоренности имело определенные юридические или же общественные последствия. Так, жалобы на работодателей рассматривались в судах. Пристального внимания в крымской прессе заслужило дело грека Чингалиди, которое рассматривалось в камере городского судьи 30 апреля 1897 года. Суть его заключалась в том, что часть девушек, работавших на грека, бросили работать и ушли с плантации, обвинив хозяина в плохом отношении к себе. Однако в суде выступила оставшаяся часть работниц, охарактеризовав плантатора как хозяина со всех сторон положительного. Корреспондента заинтересовало такое несоответствие показаний, и он, разобравшись в сути дела, пришел к выводу о том, что причина недовольства ушедших заключалась, прежде всего, в их неловкости в работе и отсутствии должного опыта (работницы попали на плантацию впервые), что приводило к нареканиям со стороны Чингалиди. Заключая, он говорил о том, что: «при достаточном навыке и опытности рабочие девушки у таких плантаторов, как Чингалиди, находят свое положение сносным; но при отсутствии навыка и опытности это положение становится тяжелым, даже невыносимым, и у рабочих

девушек не является желанием продлить его даже при обещании надбавки жалования» [18, с. 3].

Вопросы о надзоре за безопасностью рабочих ставились на различных конференциях. Особую тревогу вызывали сообщения, поступающие в соответствующие комитеты о бедственном положении работающих на плантациях женщин.

Неудобства молодых работниц начинались сразу же по прибытии (если девушка проживала на материковой части) в Каховку. Добирались до места рабочие, в основном, сами, занимало это примерно 3–4 дня, в эти дни пищу им никто не предоставлял [26, с. 124]. Подобные длительные переходы босыми ногами по сырой земле становились впоследствии причиной возникновения ревматизма. Не улучшалось положение девушек-работниц и на самих плантациях. Попав туда, они оказывались зачастую в полной антисанитарии. Дело усугубляло отсутствие какого бы то ни было медицинского персонала для оказания первой медицинской помощи. Земские врачи Таврической губернии фиксировали высокий процент заболеваемости среди пришедших на работы женщин. В ряде случаев нанятые работницы заболели уже в пути, а после прибытия на место заболевание настолько развивалось, что они возвращались домой «без гроша денег и без здоровья».

Зачастую вернувшиеся с плантаций женщины приносили в свои родные деревни лихорадки, горячки и даже тиф, заражая при этом всех окружающих. Но самым большим злом «в физическом и нравственном отношениях являлся, конечно, сифилис». «По свидетельству земского врача, – писал автор статьи газеты Салгир, – из 20 душ «крымских девушек» одна непременно заболевает первичным сифилисом, но, так как первичные формы никогда не попадают к врачу, то болезнь развивается, проходит беспрепятственно все стадии своего развития, заражая население, и неудивительно, что некоторые из таврических сел поголовно сифилизованы» [15, с. 2].

Достаточно тяжелыми были и сами условия работ и проживания работниц на плантациях. Встречались случаи, когда молодым девушкам, между которыми в том числе были и несовершеннолетние, приходилось работать при свете фонарей всю ночь с 9 вечера до 6 утра. Затем у них был небольшой перерыв на завтрак, после которого они вновь отправлялись на работы до 12 часов дня, после обеда и трехчасового отдыха работницы шли на вечерние работы до 8 часов вечера, затем снова часовой перерыв, и все повторялось по кругу. По свидетельству очевидца, после таких изнурительных трудов девушки были бледными, изможденными и с трудом передвигали ноги. Плантаторы же, стремясь заставить девушек работать бойчее, принуждали их к пению песен. Другой очевидец отмечал, что усталость женщин от работ на плантациях доходила до такой степени, что женщины могли просто-напросто заснуть, стоя с привешенным на груди фонариком. От сна они пробуждались вследствие подзатыльника от надсмотрщика или толчка в подбородок [25, с. 82].

Условия проживания были не лучшими. Спали чаще всего в том же сарае, где хранился табак и где, собственно, девушки работали. Питались скудно: хлеб с чесноком, чай, шурпа, чаще всего – с прокисшим молоком. Мясной и рыбной пищи практически никогда не давали. Хлеб был житный или ячменный, в большинстве случаев плохо пропеченный. Иногда по праздникам давали сало.

Кроме того, довольно часто девушки испытывали на себе не только физические (избиения), но и нравственные издевательства: постоянную брань надсмотрщиков, словесные надругательства над русской верой.

Особое беспокойство среди современников вызывал вопрос падения нравственности среди женщин – работниц плантаций. Значительное число работниц по собственной воле или по принуждению плантаторов предавалось разгульному поведению. В ряде случаев такие отступления от общепринятой морали оборачивались трагедией. Об одном из таких случаев, в назидание остальным, было заявлено на страницах местной прессы. Описывался случай произошедший с некоей Улитой Рошко. Красивая молодая девушка 19 лет, работавшая на плантации ялтинского мещанина Константинова приглянулась приказчику, который разнообразными уговорами и обещаниями жениться склонил ее к сожительству. О связи стало известно всем окружающим, и Улита постоянно подвергалась насмешкам со стороны своих товарок. Не выдержав, она исчезла с плантации, а через полгода ее скелет нашли висющим на суку дерева. Полиция пришла к выводу о том, что девушка покончила жизнь самоубийством, не выдержав моральных переживаний. В ходе статьи автор говорит о том, что большинство работниц плантаторов подвергаются соблазнам со стороны как самих плантаторов, так и их приказчиков, «которые имеют в своем распоряжении целую утонченную систему заставить строптивую покориться их воле. В этом случае все пускается в ход, начиная с целых заманчивых предложений, обещаний жениться, подарков, облегчения в труде вплоть до ужасных притеснений и грубого насилия» [9].

Естественно, столь бедственное положение женщин не могло не вызывать реакции со стороны общественности. Об этом писалось в исследованиях [16, с. 11–12], газетах [9; 11; 12; 18], это обсуждалось в собраниях различных обществ [25]. В частности, на страницах «Херсонского листка» в августе 1903 года была опубликована заметка, в которой, как указывал ее автор, снова подымали вопрос о тяжелом положении девушек, работающих на табачных плантациях в Крыму. В качестве примера было приведено дело крестьянки Марьи Стреляевой, рассматривавшееся в Ялтинском суде. В заметке говорилось о том, что ее самовольный уход с табачной плантации Юсуфа-Дервиш-Оглы, доказал, что незащитные девушки не только подвергаются страшно утомительной работе, дурному питанию, но еще и безнравственному насилию от своего хозяина [12, стб. 1151].

Сохранились и доклады на собраниях общественных организаций о положении трудящихся женщин на плантациях, которыми их авторы стремились побудить общественность к принятию мер по защите прав работающих женщин на общегосударственном уровне. С подобным докладом на заседании Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинам выступил председатель Севастопольского отделения Российского общества защиты женщин П. Д. Лескевич. Он не только описал бедственное положение работниц, но и указал на пути и средства решения проблем. В частности, он говорил о необходимости законодательной охраны рабочих женщин на табачных плантациях, в садах, при полевых и домашних работах; установлении института женских инспектрис, которые должны будут объез-

жать места работ, заботиться о точном исполнении законов в отношении работающей женщины [25, с. 83]

Таким образом, рассмотрев основные моменты, связанные с положением работающих женщин на крымских табачных плантациях, следует указать в первую очередь на их полную социальную незащищенность, отсутствие подходящих условий труда и жизни, но вместе с тем – их безграничное стремление на заработки с целью получения определенного материального благосостояния. Невозможность найти работу в пределах собственной местности, желание заработать средства на покупку приданного, стремление родных отправить «лишний рот» из дома приводили к массовому уходу молодых девушек на крымские табачные плантации, что приводило чаще всего не только к моральным, но и к физическим негативным последствиям для них. В большинстве случаев Таврия становилась для них «золотым дном».

Список использованных источников и литературы

1. Авдулова Т. П. Гендерные аспекты управленческой деятельности / Т. П. Авдулова. – [Электронный ресурс]: статья, Центр дистанционного образования «Элитариум», 2010. URL: elitarium Avdulova T. P. Gendernye aspekty upravlencheskoj deyatelnosti / T. P. Avdulova. – [Elektronnyj resurs]: stat'ya, Tsentr distantsionnogo obrazovaniya «Elitarium», 2010. URL: elitarium
2. Амфитеатров А. В. Женщина в общественных движениях России / А. В. Амфитеатров. – СПб.: Живое слово, 1907. – 81 с.
Amfiteatrov A. V. Zhenshhina v obshhestvennykh dvizheniyakh Rossii / A. V. Amfiteatrov. – SPb.: Zhi-voe slovo, 1907. – 81 s.
3. Бесчинский А. Я. Путеводитель по Крыму. / А. Я. Бесчинский. – М.: т-во И. Н. Кушнерев и К., 1904. – 468 с.
Beschinskij A. Y. A. Putevoditel' po Krymu. / Y. A. Beschinskij. – M.: t-vo I. N. Kushnerev i K., 1904. – 468 s.
4. Бильшай В. Л. Решение женского вопроса в СССР / В. Л. Бильшай – М., 1959.
Bil'shaj V. L. Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR / V. L. Bil'shaj – M., 1959.
5. Благосветлов Г. Е. Женский труд и вознаграждение за него / Г. Е. Благосветлов // Сочинения. – СПб, 1882. – С. 73–114.
Blagosvetlov G. E. Zhenskij trud i voz-nagrazhdenie za nego / G. E. Blagosvetlov // Sochineniya. – SPb., 1882. – S. 73–114.
6. Бойко В. В. Размещение производительных сил в Таврической губернии во второй половине XIX в. / В. В. Бойко // Размещение производительных сил в Таврической губернии во второй половине XIX в. // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 84. – С. 10–18.
Bojko V. V. Razmeshhenie proizvoditel'nykh sil v Tavricheskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX v. / V. V. Bojko // Razmeshhenie proizvoditel'nykh sil v Tavricheskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX v. // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2006. – № 84. – S. 10–18.
7. Всеподданнейший отчет Таврического губернатора за 1885 год. – Симферополь, 1886. – 26 с.
Vseroddannejsij otchet Tavricheskogo gubernatora za 1885 god. – Simferopol', 1886. – 26 s.
8. Добронравин К. П. Таврическая епархия / К. П. Добронравин. – Псков: Тип. губ. правл., 1887. – 520 с.
Dobronravin K. P. Tavricheskaya eparkhiya / K. P. Dobronravin. – Pskov: Tip. gub. pravl., 1887. – 520 s.
9. Е. Д. Жертва табачных плантаций / Е. Д. // Салгир. – 1899. – 10 февраля. – С. 1–2.
E. D. Zhertva tabachnykh plantatsij / E. D. // Salgir. – 1899. – 10 fevralya. – S. 1–2.
10. Ефремова Н. П. Шестидесятницы / Н. П. Ефремова // Вопросы истории. – 1978. – № 9. – С. 78–91.
Efremova N. P. Shestidesyatnitsy / N. P. Efremova // Voprosy istorii. – 1978. – № 9. – S. 78–91.
11. Заметка : Отд. «Местная хроника» // Вестник Таврического земства. – 1906. – 26 января
Zametka : Otd. «Mestnaya khronika» // Vestnik Tavricheskogo zemstva. – 1906. – 26 yanvarya.
12. Заметка : Отд. «Хроника» // Юрист. – 1903. – 24 августа. – стб. 1151.
Zametka : Otd. «Khronika» // Yurist. – 1903. – 24 avgusta. – stb. 1151.

13. Куликова Т. Ф. Психологическое содержание кризиса середины жизни работающей женщины: дис.... канд. психол. наук: 19.00.01. – Краснодар, 2004. – 160 с.
Kulikova T. F. Psikhologicheskoe sodержanie krizisa serediny zhizni rabotayushhej zhenshhiny: Dis.... kand. psikhol. nauk: 19.00.01. – Krasnodar, 2004. – 160 s.
14. Мордовцев Д. Л. Русские женщины нового времени / Д. Л. Мордовцев. – СПб., 1874. – Т 3.
Mordovtsev D. L. Russkie zhenshhiny novogo vremeni / D. L. Mordovtsev. – SPb., 1874. – T 3.
15. На крымских плантациях // Салгир. – 1897. – 19 февраля. – С. 1–2.
Na krymskikh plantatsiyakh // Salgir. – 1897. – 19 fevralya. – S. 1–2.
16. Новиков А. Женщина – товарищ / А. Новиков. – Ростов на Дону: «К свету», 1907. – 40 с.
Novikov A. Zhenshhina – tovarishh / A. Novikov. – Rostov na Donu: «K svetu», 1907. – 40 s.
17. Новикова Н. В. Социально-философский анализ феномена «деловая женщина»: дис.... кандидата философских наук: 09.00.11: ГОУВПО «Донской государственный технический университет». – Ростов-на-Дону, 2009. – 188 с.
Novikova N. V. Sotsial'no-filosofskij analiz fenomena «delovaya zhenshhina»: dis.... kandidata filosofskikh nauk: 09.00.11: GOUVPO «Donskoj gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet». – Rostov-na-Donu, 2009. – 188 s.
18. П. Девушки на табачных плантациях / П. // Салгир. – 1897. – 4 мая. – С. 3–4.
P. Devushki na tabachnykh plantatsiyakh / P. // Salgir. – 1897. – 4 maya. – S. 3–4.
19. Памятная книжка Таврической губернии. – Симферополь: Стат. бюро губ. земства, 1889. – 698 с.
Pamyatnaya knizhka Tavricheskoy gubernii. – Simferopol': Stat. byuro gub. zemstva, 1889. – 698 s.
20. Сборник по основной статистике. Оценочная часть. Симферопольский уезд. Выпуск II. Издание Таврического губернского Земства. Симферополь. Тип. Тавр. губ. земства, 1906. – 212+46 с.
Sbornik po osnovnoj statistike. Otsenchnaya chast'. Simferopol'skij uезд. Vypusk II. Izdanie Tavricheskogo gubernskogo Zemstva. Simferopol'. Tip. Tavr. gub. zemstva, 1906. – 212+46 s.
21. Сборник статей и материалов по табачному делу / С. А. Эгиз. – Петербург: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1913. – 354+157 с.
Sbornik statej i materialov po tabachnomu delu. / S. A. Ehgiz. – Peterburg: Tip. V. F. Kirshbauma, 1913. – 354+157 s.
22. Сельскохозяйственный обзор Таврической губернии за 1909 г. – Симферополь: Тип. Тавр. губ. земства, 1910. – 155 с.
Sel'skokhozyajstvennyj obzor Tavricheskoy gubernii za 1909 g. – Simferopol': Tip. Tavr. gub. zemstva, 1910. – 155 s.
23. Сельскохозяйственные и статистические сведения, полученные от хозяев. Вып. V-й: Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих и передвижение рабочих в связи со статистико-экономическим обзором Европейской России в сельско-хозяйственном и промышленном отношении / С. А. Короленко. – СПб.: В. Киршбаума, 1892. – 455 с.
Sel'skokhozyajstvennye i statisticheskie svedeniya, poluchennye ot khozyaev. Vyp. V-j: Vol'nonaemnyj trud v khozyajstvakh vladel'cheskikh i peredvizhenie rabochikh v svyazi so statistiko-ehkhekonomicheskom obzorom Evropejskoj Rossii v sel'sko-khozyajstvennom i promyshlennom otnosheniyakh / S. A. Korolenko. – SPb.: V. Kirshbauma, 1892. – 455 s.
24. Смирнова В. Н. Женский вопрос на демократическом и социалистическом этапах революции: дис.... док. ист. наук. – Воронеж, 1971. – 345 с.
Smirnova V. N. Zhenskij vopros na demokraticheskom i sotsialisticheskom ehtapakh revolyutsii: dis.... dok. ist. nauk. – Voronezh, 1971. – 345 s.
25. Труды Первого всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами, происходившего в Санкт-Петербурге с 21 по 25 апреля 1910 года. – СПб.: Тип. СПб. одиночной тюрьмы, 1912. – 335+624 с.
Trudy Pervogo vsrossijskogo s'ezda po bor'be s torgom zhenshhinami i ego prichinam, proiskhodivshego v Sankt-Peterburge s 21 po 25 aprelya 1910 goda. – SPb.: Tip. SPb. odinochnoj tyur'my, 1912. – 335+624 s.
26. Ярошко А. Рабочий вопрос на Юге / А. Ярошко. – М.: Тип. И. Н. Кушневева и К., 1894. – 217 с.
Yaroshko A. Rabochij vopros na Yuge / A. Yaroshko. – M.: Tip. I. N. Kushnevev i K., 1894. – 217 s.

Zadereychuk A. A., Maslennikova V.A. «Gold mine» of Taurida / A. A. Zadereychuk, V. A. Maslennikova // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science. – 2015. – Vol. 1, No. 3. – P. 3–12.

In article position of workers of women in the Taurian province is considered. Problems which young workers faced are designated, getting on a plantation. The reasons of aspiration of young girls on earnings to the Crimea speak. The average salary of workers of plantations is designated. It is said that economic prospects overshadowed even problems of health and moral aspects which were a consequence the otkhozhikh of earnings. Living conditions and work, moral aspects of work are analysed. It is specified moral falling of considerable number of the young women coming to earnings to the Crimea and consequences of such falling. Certificates of doctors on medical consequences for the province of seasonal female work are provided. In particular, territorial doctors fixed high percent of incidence among the women who came to works. Reaction of the public to problems of the working women is shown. Examples of reports at meetings of public organizations on position of the working women on plantations are given. The desire of the Russian society of protection of women actively to participate in the solution of social problems of women is noted, and also the main ways of their decision are designated. Work a basis on a wide range of sources. For an illustration of material excerpts from newspapers of that time are given.

Keywords: Taurian province, tobacco plantations, female workers

УДК 908(1-924.71)+82-94(728.03+929)ДЕ ЛА МОТТ)

**«ДОМ, ГДЕ ЖИЛА МАДАМ ДЕ ЛА МОТТ»
И ВОСПОМИНАНИЯ БАРОНЕССЫ М. А. БОДЕ**

Петрова Э. Б.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: petrova_eleonora@mail.ru*

Раскрываются некоторые подробности жизни и смерти в городе Старый Крым знаменитой французской авантюристки графини Жанны де Ла Мотт-Валуа-Гаше (1756–1826), прославившейся благодаря скандалу с кражей бриллиантового ожерелья королевы Франции Марии Антуанетты, супруги Людовика XVI. В основу публикации положены: рисунок известного крымского архитектора, археолога и реставратора П. И. Голландского (1861–1939) с изображением дома в Старом Крыму, в котором жила графиня де Гаше (из фондов Центрального музея Тавриды, Симферополь); воспоминания баронессы М. А. Бодэ; сочинение Луи де Судака (Л. А. Бертрена) «Героиня процесса “Ожерелье королевы”»; история поиска могилы графини де Гаше, осуществлённого Л. П. Колли и Л. А. Бертреном, а также другие материалы.

Ключевые слова: Старый Крым, Судак, графиня Жанна де Ла Мотт-Валуа-Гаше, барон А. К. Бодэ, баронесса М. А. Бодэ, Л. П. Колли, Л. А. Бертрена, П. И. Голландский.

*Жизнь ничего не дает бесплатно, и всему,
что преподносится судьбой, тайно определена своя цена.*

Стефан Цвейг.

Мария Антуанетта. 1932 г.

Тему этой публикации навеял мне рисунок из альбома Павла Ивановича Голландского (1861–1939), известного крымского архитектора, художника, археолога, реставратора, педагога (рис. 1). Этот альбом с карандашными рисунками, представляющими виды и архитектурные памятники Крыма, в 1971 г. передала в Крымский областной краеведческий музей (ныне Центральный музей Тавриды) вдова П. И. Голландского [1]. (Мой интерес к живописным произведениям Павла Ивановича вылился в работу над книгой, посвящённой жизни и творчеству этого замечательного человека, увидевшей свет в 2013 г. и приуроченной к 150-летию со дня рождения П. И. Голландского и к 90-летию Центрального музея Тавриды [2].) Рисунки датированы июнем – августом 1927 г. и июлем 1932 г., они сделаны Павлом Ивановичем во время его деловых поездок по городам и посёлкам полуострова с целью выявления памятников архитектуры, нуждавшихся в охране, ремонте и реставрации (многие из воспроизведённых им произведений зодчества в те времена находились в ведении или на учёте Крымохриса и Главнауки – организаций, в которых Голландский работал).

Среди привлечённых его внимание старых построек была одна, явно не представлявшая какой-либо художественной ценности, но интересная с точки зрения исторической, и он её зарисовал, оставив потомкам память о жизни в Крыму «мадам де Ла Мотт» [1, л. 7; 2, с. 68] – знаменитой французской авантюристки, прославившей-

ся благодаря скандалу с кражей бриллиантового ожерелья королевы Франции Марии Антуанетты, супруги Людовика XVI, скандалу, вызвавшему бурное обсуждение в литературе – главным образом художественной и публицистической. Широкой читающей публике неблаговидная биография графини известна из романов Александра Дюма «Ожерелье королевы» и «Три мушкетёра», Стефана Цвейга «Мария Антуанетта», а также из произведений других известных писателей.

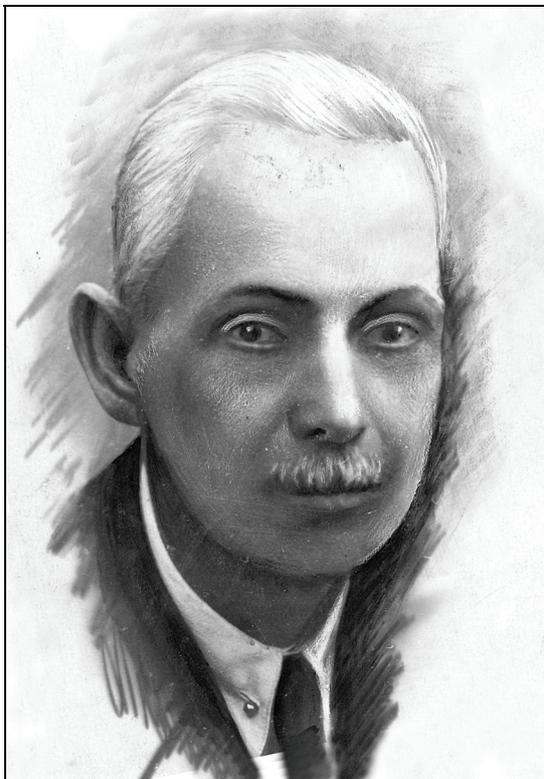

Рис. 1. Павел Иванович Голландский. Фото 1910-х гг.

Голландский запечатлел в своем альбоме весьма убогое жилище француженки Жанны де Ла Мотт-Валуа-Гаше в маленьком городе Старый Крым, до нашего времени не сохранившееся, но, как это ни удивительно, ещё существовавшее в 1927 г. (рис. 2). В Старом Крыму Павел Иванович бывал неоднократно и оставался там подолгу в связи с работой в крупнейшей по тем временам этнографо-археологической экспедиции 1925–1926 гг., организованной Всесоюзной научной ассоциацией востоковедения совместно с Бахчисарайским музеем при поддержке КрымЦИК, КрымСНК и Крымнаркомпроса; экспедицию возглавлял заведующий историко-этнологическим отделом ассоциации востоковедения, член Российского общества по изучению истории Крыма профессор И. Н. Бороздин. Эти исследования были продолжены в 1928 г. В обязанности П. И. Голландского входили обмеры, планы, зарисовки наиболее значительных архитектурных сооружений средневекового Сол-

**«ДОМ, ГДЕ ЖИЛА МАДАМ ДЕ ЛА МОТТ»
И ВОСПОМИНАНИЯ БАРОНЕССЫ М. А. БОДЕ**

хата: караван-сарая, мечети Бейбарса, мечети Куршум-Джами (или Свинцовой), так называемой мечети золотоордынского хана Узбека и примыкающего к ней медресе (мусульманского духовного училища). И. Н. Бороздин отмечал: «Проблемы солхатской архитектуры на основании данных экспедиции разрабатываются профессором П. И. Голландским» [3, с. 23, прим. 1].

Рис. 2. П. И. Голландский. Старый Крым. Дом, где жила мадам де Ла Мотт, известная по истории с ожерельем королевы Марии Антуанетты. 1927 г. Карандашный рисунок из альбома П. И. Голландского (Центральный музей Тавриды, Симферополь)

По экспедиционным делам Павлу Ивановичу приходилось выезжать в Старый Крым и в 1927 г. 12 июня этого года он зарисовал в своём альбоме архитектурные детали из раскопок мечети Узбека и медресе и, надо полагать, тогда же – дом, в котором жила графиня де Ла Мотт под именем де Гаше (урожд. Сен-Рени; 1756–1826) (рис. 3, 4) [1, л. 5–7; 2, с. 40–41, 66–68, рис. 5–7]. Этот рисунок для нас ценен, так как о нем, насколько мне известно, не упоминал никто из авторов многочисленных статей и книг с рассказами о графине и крымском периоде её жизни (ничего удивительно в этом нет, ведь альбом Голландского хранится в музейных фондах, известен очень ограниченному кругу специалистов и лишь в 2013 г. был мною опубликован [2, с. 62–89, рис. 1–28]).

*Comtesse de Valois
de la Motte.*

Рис. 3. Графиня Жанна де Ла Мотт-Валуа-Гаше (из интернета)

© poluoostrov-krym.com

Рис. 4. Графиня Жанна де Ла Мотт-Валуа-Гаше (из интернета)

История жизни княгини, как она обычно излагается в литературе (впрочем, мнения авторов не всегда сходятся, в особенности относительно её жизни в России, в частности в Крыму), в конспективном изложении выглядит примерно так. Жанна, «бедная сиротка из дома Валуа» (так она сама себя называла), жена жандармского офицера Николя де Ла Мотта, оказавшись в Париже, сумела найти подходы ко двору короля Франции Людовика XVI, но была замешана в мошенничестве с безумно дорогим ожерельем Марии Антуанетты. Судебное разбирательство 1785–1786 гг. завершилось заключением графини в Бастилию, наказанием её кнутами и клеймением предплечья «королевской лилией». Из тюрьмы она вскоре ухитрилась бежать, пряталась, через некоторое время появилась в Лондоне и якобы умерла там в 1791 г. – умерла для того, чтобы спустя несколько лет появиться в свете под другим именем: она стала графиней де Гаше (по фамилии её второго мужа).

Совершив ещё не одну аферу, уже не в молодом возрасте графиня принимает решение навсегда покинуть небезопасную для неё Европу, уезжает в Россию, куда в те времена устремилось немало французских эмигрантов, и даже ухитряется получить российское подданство (по свидетельству М. А. Боде, это произошло в 1812 г. [4, с. 128]). Живёт в Санкт-Петербурге, заводит знакомства. Среди тех, с кем она была наиболее дружна, – англичанка Мария Бирх (Бирч; урожд. Казале), бывшая придворной дамой в свите императрицы. Но и тут вскоре начали поговаривать, что графиня – не та, за кого себя выдаёт. Ей довелось беседовать с Александром I, после чего осторожный император, не рискнув оставлять в столице французенку с загадочной (а вернее – скандальной) биографией, назначил местом её жительства Крым, в те времена мало еще кому известный и в России, и тем более в Европе.

Трудно сказать, всё ли достоверно в этой истории, но вот крымский период жизни некой графини де Гаше (в прошлом де Ла Мотт-Валуа? Над доказательством тождества между графиней де Гаше и графиней де Ла Мотт-Валуа в своё время немало потрудился Луи Алексис Бертрэн, вице-консул в Феодосии, писатель и историк, автор сочинений «Графиня Ла Мотт-Валуа, её смерть в Крыму» (1899) и «Героиня процесса “ожерелье королевы”» (1902) [5. См. также: 6; 7]) весьма реалистично описан в мемуарной литературе. Хотя, нужно признать, рассказы мало отличаются друг от друга, что наводит на мысль о легенде, сложившейся в Крыму вскоре после смерти графини.

Весной 1824 г. Жанна де Гаше отнюдь не по собственной воле отправляется из Петербурга в далёкое путешествие в составе большой миссионерской экспедиции, возглавляемой княгиней Анной Сергеевной Голицыной (урожд. Всеволожская; 1779–1837; в некоторых изданиях годами её жизни названы 1774–1838) и баронессой Варварой Юлианой фон Крюденер (Криденер; урожд. Фитингоф; 1764–1824), проповедницей и прорицательницей, оказавшей, как обычно отмечалось авторами мемуарной литературы, существенное влияние на религиозные и даже политические воззрения императора Александра I, обладательницей громкой, впрочем, мимолетной славы в Европе и в России. Княгиня и баронесса намеревались основать в Крыму колонию, дабы активно распространять христианскую веру в этом сравнительно недавно приобретённом Россией крае. Графиню же миссионерская деятельность мало интересовала, её присутствие в экспедиции пиетистов было случайным.

Путешественники прибыли в Крым в августе 1824 г. Баронесса Крюденер не успела выполнить свою миссию: она умерла уже в конце этого года и была похоронена на армянском кладбище в Карасубазаре (ныне г. Белогорск) [8]. Де Гаше прожила на полуострове тоже недолго. Возможно, сначала она обосновалась в Кореизе, в имении княгини А. С. Голицыной, затем на короткое время – в Гурзуфе (где предположительно жила в маленьком доме, находившемся на территории нынешнего «Артека»; этот дом сохранился до нашего времени) (рис. 5). Последним (или единственным в Крыму) пристанищем для нее стал небольшой наёмный дом в Старом Крыму, в котором она жила со своей служанкой из местных армян. Его-то и изобразил в своем альбоме П. И. Голландский столетие спустя после смерти графини.

Рис. 5. Дом на территории «Артека», в котором предположительно жила графиня де Гаше.
Фото Л. М. Авсеева. 2011 г.

Некоторые небезыңтересные детали из жизни де Гаше в Старом Крыму и дом, в котором она поселилась, довольно подробно и ярко были описаны баронессой Марией Александровной Бодe (Розен, впоследствии игуменья Митрофания) в её воспоминаниях, опубликованных в журнале «Русский архив» за 1882 г. (вскоре после смерти баронессы в 1878 г.) и дополненных записками Храповицкого с рассказом об ожерелье Марии Антуанетты, а также Луи Бертреном (под псевдонимом Луи де Судак), опиравшимся на рассказы крымских старожилов и имевшиеся в его распоряжении письменные свидетельства [4, с. 123–129; 9, с. 130–132; 5].

Мария Александровна была дочерью барона Александра Карловича Бодe – личности, известной многим в Крыму и за его пределами. Большое семейство Бодe, судя по всему, неплохо знало Жанну де Гаше, хотя и было с ней знакомо, в общем, недолго. Скорее всего, из-за семьи Бодe графиня и переехала в Старый Крым, стремясь найти в чужом для неё крае людей для общения.

Наиболее полное из недавно опубликованных исследований, посвящённых жизни барона А. К. Бодe в Крыму, принадлежит А. Д. Тимиргазину [10, с. 169–178. См.

также: 11, с. 159–160; 12, с. 269 (имен. указ.]). Александр Карлович Боде (1780–1855) был сыном французского эмигранта, имевшего российское подданство и получившего от Екатерины II два поместья – в Херсонской губернии и в Крыму. Один из его четырёх сыновей – Карл, приняв православие, стал именоваться Александром. Александр Карлович владел прекрасным садом и хорошим каменным домом в Старом Крыму, землями в Судаке и Судакской долине. Он серьёзно занимался садоводством и виноградарством, в 1924 г. был назначен смотрителем училища виноделия в Судаке и всего себя посвятил любимому делу. Публиковал статьи по сельскому хозяйству.

А ещё барон писал стихи. У него было много друзей, в том числе люди известные. Общение с ним и его семьёй было интересным и приятным. Путешествовавший по Крыму в 1825 г. Павел Петрович Свиньин, издатель журнала «Отечественные записки», вспоминал о своём посещении Судака: «Здесь познакомился я с бароном Александром Карловичем Боде, директором казённого сада. Он человек с большими сведениями по части виноделания, и нет сомнения, что в скором времени доведёт сие заведение до образцового, в то же время почтенное семейство его может послужить образцом гостеприимства» [Цит. по: 10, с. 170]. Последнее для нас важно, так как гостеприимство семьи Боде по отношению к француженке де Гаше, кажется, было беспредельным. Она это прекрасно осознавала, но, к сожалению, не умела должным образом ценить.

Марии Александровне Боде графиня запомнилась так: «Я была ещё очень молоденькой девочкой, когда вся эта компания приезжала к моим родителям, но и живо помню всех их: и сухую, грозную княгиню Голицыну, и нежную блондинку баронессу Беркгейм (дочь баронессы Крюденер. – Э.П.), но более всех графиню де Гаше... я как теперь вижу старушку среднего роста, довольно стройную, в сером суконном рединготе (сюртук, длинный пиджак прилегающего силуэта. – Э.П.). Седые волосы её были прикрыты черным бархатным беретом с перьями; лицо, нельзя сказать кроткое, но умное и приятное, украшалось живыми блестящими глазами. Она говорила бойко и увлекательно изящным французским языком. С родителями моими она была чрезвычайно любезна, со своими спутницами насмешлива и резка, а с несколькими бедными французами своей свиты, которые раболепно прислуживали ей, повелительна и надменна без всякой деликатности. Многие перешёптывались об её странностях, намекали, что в судьбе её есть что-то таинственное. Она это знала и молчала, не отрицая и не подтверждая догадок; иногда она даже любила возбуждать их, будто не нарочною обмолвкой с людьми образованными, а легковесных и простых местных жителей нарочно сама запутывала таинственными намёками. О графе Калиостро, о разных личностях двора Людовика XVI говорила она как о людях своего знакомого кружка, и долго каждый разговор её переходил из уст в уста и служил темой для догадок и толкований» [4, с. 125].

Жанна де Гаше поселились в глуши, и это ей, графине, француженке со столь богатой биографией, повидавшей немало блестящих европейских столиц, совсем не нравилось. Да, Старый Крым тогда мало напоминал город. Для Луи Бертрена он по тем временам был деревней и «просто хутором, заселённым армянами» [5, с. 11, 14]. Анатолий Николаевич Демидов, побывавший здесь во время своего путешествия, совершённого в 1837 г., констатировал: «От этого города, некогда первенствовав-

шего в Крыму, остались лишь незначительные развалины, в которых поселилось несколько болгарских выходцев. Эти люди живут здесь среди разрушенных мечетей, бань, городских укреплений и могил. Город был, кажется, хорошо укреплен: мы видели здесь много обрушенных башен; ров, простиравшийся вокруг стен, и до сих пор не засыпан. Одна баня и одна мечеть ещё уцелели (имеется в виду т. н. мечеть золотоордынского хана Узбека, ныне отреставрированная и являющаяся действующей. – Э. П.), хотя обе очень повреждены от времени. И та, и другая, по видимому, отличались особенным великолепием» [13, с. 468; 14, с. 213].

Мало того, что графиня жила в таком Богом забытом месте, ей ещё приходилось ютиться в маленьком неказистом домишке. М. А. Бодэ называет его землянкой, находившейся рядом с садом барона, а Луи Бертрен, ссылаясь на воспоминания француженки Ларгье, – простым крестьянским домиком в деревне Старый Крым [4, с. 126; 5, с. 11]. Конечно, Жанна де Гаше мечтала о более приличном жилище, пусть даже в столь далёком от цивилизации крае. Она, как свидетельствует баронесса Бодэ, намеревалась купить у её отца их сад, в котором было много фруктовых деревьев, орехов, великолепных роз и хороший дом (место это весьма примечательное: некогда оно принадлежало крымским ханам, в нём якобы сохранились развалины Монетного двора, где можно было найти древние монеты, кувшины, а в подземелье, по слухам, был зарыт клад [4, с. 125–126]. Барон продавал имение в Старом Крыму, так как намеревался перебраться с семьёй в Судак), но не сошлась с бароном в цене, обманывала его и затягивала решение дела так, что он долго не мог найти покупателя его имения. Дело закончилось тем, что, тяжело заболев и предчувствуя скорую кончину, графиня написала Александру Карловичу письмо, в котором раскаивалась в причинённом ему убытке, просила её простить и принять «в знак дружбы и вознаграждения несколько вещей на память» и «прекрасную библиотеку» [4, с. 126–127]. Их отношения наладились и даже стали дружественными. Когда семья Бодэ переехала в Судак, барон навещал графиню в Старом Крыму, подолгу с ней беседовал, «был очарован её разговорами, полными наблюдательности, знания света и нечуждыми некоторой таинственности» [4, с. 127].

Жизнь в Старом Крыму была скучной и однообразной. Едва ли не единственным развлечением графини было посещение семейства Бодэ да гуляние по их саду. А когда Бодэ перебрались в Судак, де Гаше решила последовать за ними, попросив барона подыскать ей в Судаке подходящий, но недорогой домик с садом, за что обещала сообщить ему много полезных и интересных сведений, помогать его жене по хозяйству, а главное – заняться образованием их дочери Марии (автора интересующих нас воспоминаний), которой в скором времени предстояло возвращаться в свете. Однако этим планам не суждено было осуществиться: графиня тяжело заболела и в мае 1826 г. умерла в Старом Крыму (где прожила немногим больше года), предварительно предав огню все свои бумаги и оставив завещание, в котором назначила барона Бодэ своим душеприказчиком.

По словам служанки, перед смертью де Гаше «запретила трогать своё тело, а велела похоронить себя, как была; говорила, что тело её потребуют и увезут, что много будет споров и раздоров при её погребении» [4, с. 128]. Ничего этого, однако, не случилось: её похоронили на армянском кладбище в Старом Крыму, «а надгроб-

ный камень, – пишет М. А. Боде, – не тронут доньше» [4, с. 128]. Имущество почившей, среди которого оказалось четыре шкатулки, описали; одним из тех, кто выполнял это дело, был барон А. К. Боде.

Служанка рассказала об одной странности своей госпожи: она всегда одевалась сама [4, с. 128]. Филипп Филиппович Вигель, керченский градоначальник в 1826–1828 гг., знавший всё и вся не только в Крыму, но едва ли не во всей России, в своих «Записках» рассказывал, что за госпожой Крюденер последовала в Крым «одна примечательная француженка»: она «никогда не снимала лосиной фуфайки, которую носила на теле, и требовала, чтобы в ней и похоронили её. Ее не послушались, и оказалось по розыскам, что это жившая долго в Петербурге под именем графини Гашет сечёная и клеймёная Ламотт, столь известная до революции (Французской революции 1789–1794 гг. – Э.П.), которая играла главную роль в позорном процессе о королевином ожерелье» [15, с. 1146].

Служанка всё-таки омыла тело усопшей графини и «заметила на спине её два пятна, очевидно, выжженные железом», что «подтверждало догадки, – пишет М. А. Боде, – потому что графиня Ламотт, как известно, была осуждена на клеймение и сколько ни билась в руках палача, но приняла позорное клеймо, хотя и неявственно» [4, с. 128].

Вскоре от графа А. Х. Бенкендорфа, шефа жандармов и Главного начальника III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, в Старый Крым прибыл курьер «с требованием её (графини де Гаше. – Э.П.) запертого ларчика, который был немедленно отправлен в Петербург». Далее у М. А. Боде: «губернатор (тогда должность Таврического гражданского губернатора исполнял князь Дмитрий Васильевич Нарышкин. – Э. П.) сказал моему отцу, что имел поручение наблюдать за этою женщиною и что она точно была графиня Ламотт-Валуа, укрывшаяся в России» [4, с. 128].

В своём завещании де Гаше поручала А. К. Боде продать её имущество и отослать вырученные средства во Францию, в город Тур, некоему Лафонтену (то ли родному брату де Гаше, то ли опекуну её детей [См. об этом: 16, с. 302–303]). В переписке с бароном Лафонтен называл графиню своей «почтенною родственницею», но не упоминал её настоящего имени. Боде выполнил завещание, однако ни он и никто другой, кто вместе с ним обыскивал в доме де Гаше шкатулки и потайные ящики, перелистывал книги, не смог найти каких-либо документов, которые открыли бы тайну почившей графини [4, с. 129].

Известный крымский учёный Арсений Иванович Маркевич полагал, что «как правительство, так и высшая местная администрация знали, что под именем графини Гаше проживает в Крыму более знаменитая особа, и следили за ней, не стесняя ни в чём её образа жизни. Но окружавшие её лица и в Крыму, как и в Петербурге, полагали, что графиня Гаше – простая эмигрантка, жертва революции» [6, с. 223–224].

Маркевич вслед за Бертреном сообщает некоторые интересные подробности о той ситуации, которая сложилась после смерти графини, опираясь на документы из архива Канцелярии Таврического губернатора [5, с. 65 слл.; 6, с. 225–230]. Это дело (на 40 листа) «Об отыскании в имуществе покойной графини Гашет тёмно-синей шкатулки». Эта шкатулка более всего интересовала петербургские и местные власти:

искали бумаги, «кои заслуживают особенное внимание правительства» (а быть может, ещё и бриллианты из ожерелья королевы Франции). В деле имеется отношение барона И. И. Дибича, начальника штаба Его Императорского Величества, от 4 августа 1826 г., отправленное из Москвы Таврическому гражданскому губернатору князю Д. В. Нарышкину. В нём говорится о необходимости передать шкатулку «в таком виде, в каком она осталась по смерти графини Гашет», нарочному, который прибудет от Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора. В Судаче нарочному вручили две шкатулки (обе графиня завещала своей петербургской приятельнице Марие Бирх), но бумаг в них не оказалось. Заподозрили их хищение – подозреваемым оказался в первую очередь барон Боде. Началось долгое расследование, в общем, ни к чему не приведшее. Но то, что содержимое шкатулок так интересовало центральные и местные власти, более того – самого императора, говорит и о важности искомых документов, и об особом статусе их обладательницы.

Итак, графиню де Гаше похоронили в Старом Крыму на армянском кладбище, ныне уже не существующем. Могила не сохранилась, но предполагаемое место захоронения графини и сейчас показывают местные жители [см.: 17]. Есть фотография надгробия, некогда венчавшего могилу (рис. 6). Надгробие описано Людвигом Петровичем Колли (рис. 7), заведовавшим Феодосийским музеем древностей в 1900–1917 гг. Фотографию надгробия можно увидеть, например, в Старокрымском литературно-художественном музее.

Рис. 6. Предполагаемое место захоронения графини де Гаше в Старом Крыму. Фото 2013 г.

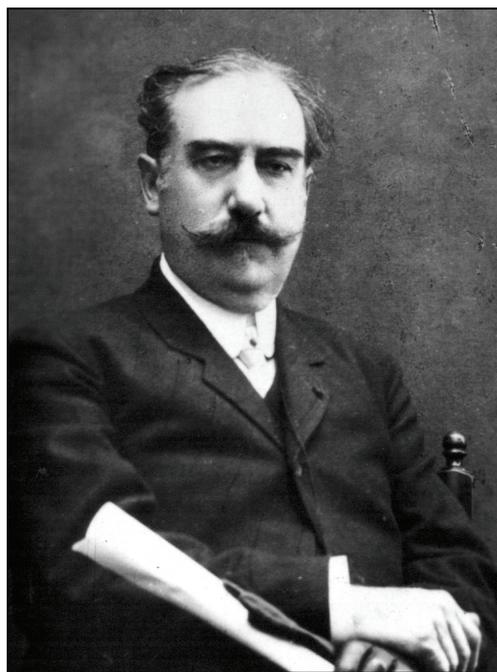

Рис. 7. Луи Алексис Бертрэн. Фото из фондов Феодосийского музея древностей

Л. П. Колли проявлял интерес к старым захоронениям известных людей, живших и умерших в Крыму. Такие захоронения он искал совместно со своим другом Луи Бертреном (рис. 8). Людвик Петрович согласился с предположением Бертрена, что де Гаше – не кто иная, как графиня Жанна де Ла Мотт-Валуа. Два десятка лет Колли и Бертрэн искали могилу графини и таки нашли её в июне 1913 г. Вениамин Давидович Гейман, ученик Колли и его преемник по заведованию музеем, вспоминал, как Колли и Бертрэн произвели «тщательный осмотр разрытой в Старом Крыму на армянском кладбище необычной могилы, признанной обоими за место упокоения Жанны де Ламот – графини де Гаше» [7, с. 169].

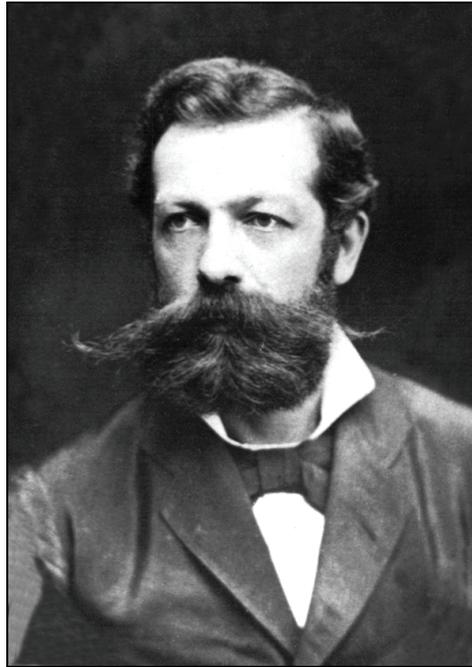

Рис. 8. Людвик Петрович Колли. Фото из фондов Феодосийского музея древностей

Л. П. Колли сообщает в Таврическую учёную архивную комиссию (ТУАК) о результатах своих поисков, и в протоколе заседания ТУАК от 25 сентября 1913 г. появляется пространная запись: «Доложено отношение земского начальника 3-го участка Феодосийского уезда от 6 июня 1913 г. за № 278 с уведомлением, что в городе Старом Крыму, в ограде армянской церкви, была найдена могила с плитой на ней, в которой, по некоторым догадкам, была похоронена известная “французская авантюристка, именовавшая себя графиней де Ламотт”. В связи с этим донесением земского начальника доложено письмо Л. П. Колли к председателю Комиссии, посвящённое той же находке. Л. П. Колли пишет, что 7-го июня к нему явился староста армяно-григорианской церкви г. Старого Крыма г<осподин> Бенклиев и, предъявив фотографический снимок надгробия, заявил, что он открыл надгробную эпитафию и могилу г<оспо>жи де Ламотт Валуа. На другой день г<осподин> Колли совместно с г<осподином> Бертреном отправились в Старый Крым, чтобы осмотреть ту могилу,

которую они оба тщетно искали в течение более 20 лет. “На месте, – говорит Колли, – приняв во внимание положение могилы по отношению к зданию церкви, согласно литературным данным, наружный вид камня и замысел рисунка скульптуры, отличающие совершенно от всех окружающих его на кладбище надгробий, мы пришли к заключению, что если этот камень не есть надгробие над могилой г<оспо>жи де Гаше, то, ввиду исключительной отделки его среди его многочисленных соседей, многое заставляет предполагать, что это действительно надгробие, которое мы так долго и часто искали”. Далее Л. П. Колли говорит, что плита была на аршин покрыта землей; несмотря на все старания, нельзя было даже установить, каким шрифтом были написаны буквы эпитафии и представляют ли они из себя монограмму или целую фамилию; одно установлено точно, что буквы, безусловно, не армянские. На камне нет никакой даты. Нижняя половина плиты вся почти занята щитом, очевидно, предназначенным для подписи, но он так и остался совершенно гладким. Выше – неясные буквы или монограмма в венке стиля *rococo*, а ещё выше – ваза с высеченными акантовыми листьями и орнаментом грубой работы. Наверху плиты небольшой крест. На вопрос Л. П. Колли, следует ли делать раскопку могилы, председатель Комиссии ответил, что это следует сделать, с чем согласился и г<осподин> Бертрэн. Между прочим, Л. П. Колли высказывает догадку, что о существовании могилы старокрымское население, вероятно, знало давно, и могила, наверное, была уже вскрыта искателями драгоценностей г<оспо>жи Гаше. По крайней мере, сам староста церкви г<осподин> Бенклиев признался, что о месте нахождения надгробия г<оспо>жи Гаше он знал три года тому назад и тогда же приказал сторожу зарыть найденную плиту: “он был, наверное, уверен, что этот камень (антик) имеет великую цену, не подозревая, что эта ценность чисто научная”. Г<осподин> Колли распорядился закрыть плиту досками в предупреждение порчи её. К письму г<осподин> Колли приложил фотографический снимок найденного надгробия, который председатель Комиссии передал в музей Комиссии» [16, с. 300–301].

Далее следует сообщение председателя ТУАК А. И. Маркевича о личности госпожи де Гаше, базирующееся на материалах дела Таврического губернского архива за 1827 г. («По предписанию Управляющего Министерством Внутренних Дел. С препровождением просьбы иностранки Марии Бирч о должных ей умершею графинею де Гашет 20 тыс. рублях») и сведениях Л. Бертрена, добытых им в архиве французского консульства в Одессе [16, с. 301–304. См. также: 18, с. 336–338].

(Кстати сказать, Колли и Бертрэн занимались также поисками могилы Варвары-Юлианы Крюденер. Чтобы проверить разные версии о месте захоронения баронессы, они в 1910 г. побывали на кладбищах в Кореизе и Карасубазаре. На армянском кладбище в Карасубазаре Людвику Петровичу пришлось «проникнуть ползком в мрачное подземелье» – склеп генерала Шица с тремя гробами, в одном из которых, по мнению Колли, и могли находиться останки баронессы [8, с. 220].)

Вот такая, можно сказать, детективная история почти два столетия тому назад произошла в Старом Крыму – история, благодаря которой городок на далёкой южной окраине Российской империи приобрёл едва ли не мировую известность. (Впрочем: «Было ли так на самом деле, мы, видимо, не узнаем никогда, но легенда о том, что Жанна де Ламотт провела последний год жизни в Старом Крыму под име-

нем де Гаше, прочно утвердилась в сознании крымчан» [19, с. 258].) И воспоминания баронессы Марии Александровны Боде, которые мы теперь можем сопроводить рисунком Павла Ивановича Голландского, изобразившего старокрымский дом графини де Гаше, сыграли в этом далеко не последнюю роль.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ БАРОНЕССЫ М. А. БОДЕ

(Русский архив. М., 1882. № 3. С. 123–129)

/с. 123/ В двадцатых годах нынешнего столетия, то есть с прибытием в этот (Новороссийский. – *Прим. издателя*) край графа (впоследствии князя) М. С. Воронцова, Крым начал входить в моду. Одни за другими приезжали путешественники знакомиться с краем, как бы вновь открытым; их принимали, угощали усердно, наперерыв приглашали купить имение, поселиться. Всякому хотелось приобрести образованных соседей; но общества-то именно и недоставало в то время в Крыму, населённом татарами, греками, армянами. Немногие, однако, увлекались красотами Тавриды до того, чтобы поселиться в ней; большею частью приезжали, любовались и уезжали!.. Много, много перебывало у нас путешественников интересных, знаменитых впоследствии: Норов, Грибоедов, А. Н. Муравьёв и многие другие.

В то время приехала в Крым замечательная компания, исключительно дамская; по крайней мере, дамы были в ней главными лицами, а мужчины играли весьма второстепенные роли. Эту компанию составляли следующие особы:

1) Княгиня Анна Сергеевна Голицына, рождённая Всеволожская. Она разошлась с мужем своим (князем Иваном Александровичем Голицыным. – *Э. П.*) тотчас же по совершении брачного обряда; выходя из церкви, она подала ему портфель и сказала: «Вот половина моего приданного, а я княгиня Голицына, и теперь всё кончено между нами!». Эта характеристическая черта довольно ясно обрисовывает женщину. В Крым она приехала уже старухой, лет шестидесяти, и поражала всех своим мужественным видом и повелительными манерами. Она купила имение и поселилась на Южном берегу Крыма; ходила в длинном сюртуке и суконных панталонах, с плетью /с. 124/ в руках, которою собственноручно расправлялась со своими подвластными и даже окрестными татарами. Не только они, но исправники, заседатели и прочие трепетали перед деспотическою старухой...

2) Баронесса Крюденер, сочинительница «Валерии», знаменитая своею красотою, своим мистицизмом, своими воззваниями к народам, своим влиянием на Императора Александра I, который любил проводить вечера в мирной беседе с нею в стенах покоренного Парижа... С нею была целая свита немецких и швейцарских семейств – все мистики, духовидцы, ясновидцы; все они толковали Апокалипсис, пророчествовали. Всё это так живо занимало моё детское воображение! Но восторженные германские мечты не принялись на крымской почве; баронесса Крюденер скоро умерла в Карасубазаре, а экзальтированные мистики сделались добрыми колонистами, земледельцами, винодельцами; прозелитов в Крыму не нашлось, и они остались людьми обыкновенными.

3) Дочь баронессы Крюденер, баронесса Юлия Беркгейм, со своим мужем. Он и она были молоды и очень хороши собою – белокурые, нежные, высокие, стройные, настоящий тип лифляндской красоты. Эта чета вызывала много любопытства и

молвы. Говорят, что они женились по страсти. Через год или два после свадьбы барон должен был ехать за границу на несколько месяцев. В это время кн. А. С. Голицына познакомилась с молодой женщиной, подружилась, совершенно овладела ею, и барон по возвращении нашёл жену свою в доме княгини в полной зависимости и раболепном повиновении. С тех пор молодая баронесса уже не возвращалась в дом своего мужа и видалась с ним только при свидетелях... /с. 125/ Общество единогласно её осуждало.

Самая замечательная женщина из всей этой компании, по своему прошедшему, была графиня де Гаше (de Gachet), рождённая Валуа, в первом замужестве графиня де ля Мотт (de la Motte), героиня известной истории «Ожерелья королевы».

Я была ещё очень молоденькой девочкой, когда вся эта компания приезжала к моим родителям, но и живо помню всех их: и сухую, грозную княгиню Голицыну, и нежную блондинку баронессу Беркгейм, но более всех графиню де Гаше. Всю её замечательную историю узнала я гораздо позже; не знаю отчего, она тогда поразила меня; но я как теперь вижу старушку среднего роста, довольно стройную, в сером суконном рединготе. Седые волосы её были прикрыты чёрным бархатным беретом с перьями; лицо, нельзя сказать кроткое, но умное и приятное, украшалось живыми блестящими глазами. Она говорила бойко и увлекательно изящным французским языком. С родителями моими она была чрезвычайно любезна, со своими спутницами насмешлива и резка, а с несколькими бедными французами своей свиты, которые раболепно прислуживали ей, повелительна и надменна без всякой деликатности. Многие перешёптывались об её странностях, намекали, что в судьбе её есть что-то таинственное. Она это знала и молчала, не отрицая и не подтверждая догадок; иногда она даже любила возбуждать их, будто не нарочною обмолвкой с людьми образованными, а легковесных и простых местных жителей нарочно сама запутывала таинственными намёками. О графе Калиостро, о разных личностях двора Людовика XVI говорила она как о людях своего знакомого кружка, и долго каждый разговор её переходил из уст в уста и служил темой для догадок и толкований.

Она желала купить в Старом Крыму сад, принадлежавший отцу моему. Это было жилище весьма приличное для такой таинственной особы. Он принадлежал некогда крымским ханам, и в нём были /с. 126/ развалины Монетного двора, подземелье, которого передняя часть служила нам погребом, остальная же была завалена большими камнями, и народное предание говорило, что там ханский арап сторожит сокровища. В развалинах мы находили старые монеты, кувшины. Вообще утверждали, что в подземелье зарыт клад; но жители не позволяли искать его вследствие какого-то поверья, что с его открытием сопряжено большое несчастье для города. Отец мой делал, однако, попытку отвалить камень; об этом как-то узнали, сбежался народ, сад окружили, с криком требовали прекращения работ; камни полетели в работающих – насилу могли усмирить суеверное народонаселение. Отец мой хотел было возобновить попытку ночью; но тут уже свои люди отказались работать: суеверный страх мнимого стража арапа сковал все руки. В этом саду было много фруктов, абрикосов, слив, орехов – чудесные старые деревья; никогда впоследствии, в самых богатых садах, не видала я такого множества и таких великолепных белых роз, как в нашем старокрымском саду; много связано с этим садом лучших моих детских воспомина-

ний! Отец мой купил этот сад в совершенно одичалом состоянии; для жилья была татарская мазанка; он сам построил с возможным в то время комфортом домик, в котором и помещалось всё наше семейство.

Отец мой просил за этот сад три тысячи рублей, графиня же давала две с половиной; но отец не хотел уступить, потому что надеялся продать его выгодно кому-нибудь из множества иностранцев, находившихся тогда в Крыму. Между тем в то же время он купил землю в Судаке и начал разводить виноградник; на устройство нового имения понадобились деньги, и он написал графине, что уступает за предложенную ею цену; тогда она отступилась и стала давать только две тысячи. Посердившись за такую недобросовестность месяца три-четыре, отец мой согласился; тогда графиня предложила полторы тысячи, между тем жила по соседству нашего сада в землянке и отбивала всех покупателей, говоря, что сама покупает или даже купила его. Эта история продолжалась с год. В одно прекрасное утро, проснувшись, мы очень удивились, увидев во дворе несколько подвод с поклажею. Посланный подал отцу моему письмо от графини; она писала отцу, что очень больна и предчувствует близкую кончину, что на смертном одре раскаивается в том, что причинила ему значительный убыток, не допустив его продать с выгодой своё имение, просит его простить её и принять в знак дружбы и вознаграждения несколько вещей на память. Это /с. 127/ были: красивый туалет для моей матери, итальянская гитара для меня и прекрасная библиотека для отца.

Не зная как понять этот странный поступок и боясь обидеть графиню отказом, отец мой послал ей ящик лучших вин, ценою равняющийся её подаркам, для подкрепления её сил и здоровья, и просил по выздоровлении снова взять обратно свои подарки. Она выздоровела, но не хотела слышать о возвращении вещей, и мы остались в дружеских отношениях. Отец мой в поездках своих в Феодосию всегда заезжал к графине, много и долго беседовал с нею и всегда был очарован её разговорами, полными наблюдательности, знания света и нечуждыми некоторой таинственности. Она полюбила моего отца; он был, подобно ей, эмигрант и хотя был гораздо моложе её и менее знаком с событиями страшной эпохи (Французской революции 1789–1794 гг. – Э. П.), которая застигла его ещё ребёнком, но мог понимать её; у них были общие воспоминания, общая родина, общие бедствия.

Однажды отец мой получил от графини письмо, в котором она писала, что задумала селиться в Старом Крыму, а желает переехать в Судак, чтобы быть нашею соседкою; что наше семейство ей очень понравилось и она рада будет делить своё время с образованными людьми, а что полудикие армяне Старого Крыма ей опротивели; обещала сообщить ему много полезного и интересного, помогать матери моей в хозяйстве и образовать меня для света, в который некогда придётся мне вступить; поручала отцу моему нанять ей домик с садом и прочее. Но цена, назначенная ею, была так мала, а условия квартиры так несообразны с нею, что найти что-нибудь подобное было невозможно. Между тем отец мой чрезвычайно ею заинтересовался. Он вздумал построить в своём имении домик по сообщённому графинею плану и предложить ей жить в нём безвозмездно; он надеялся, что сведения, полученные от неё, общество бывалой и прекрасно образованной женщины, польза, которую я могла извлечь из этого близкого знакомства, вознаградят его за издержки. Он сооб-

щил план свой моей матери; ей он также понравился: образованные люди были тогда в Крыму такую редкостью, что их ловили наперерыв, за них ссорились.

Графиня приняла предложение отца с восхищением, и немедленно было приступлено к постройке домика. Это было в конце осени, а к весне он приходил уже к окончанию. В апреле к отцу моему прискакал нарочный с известием, что графиня очень больна и желает его видеть; он немедленно отправился, но уже не застал её в живых. Она оставила завещание, которым назначала отца своим душеприказчиком. Служившая ей старая армянка сказала только, что, /с. 128/ почувствовав себя худо, графиня провела всю ночь, разбирая и бросая в огонь свои бумаги; запретила трогать своё тело, а велела похоронить себя, как была; говорила, что тело её потребуют и увезут, что много будет споров и раздоров при её погребении. Эти предсказания, однако, не оправдались: по определению ратуши, русский православный и армянский арианский священники, за неимением католического, согласно похоронили графиню, а надгробный камень не тронут доньше. Служившая ей армянка мало могла удовлетворить общему любопытству: покойница редко допускала её к себе, одевалась всегда сама и употребляла её лишь для чёрной работы и на кухне; только омывая её после кончины, армянка заметила на спине её два пятна, очевидно, выжженные железом. Это подтверждало догадки, потому что графиня Ламотт, как известно, была осуждена на клеймение и сколько ни билась в руках палача, но приняла позорное клеймо, хотя и неявственно.

Едва успел дойти в Петербург до правительства слух о кончине графини, как прискакал от графа Бенкендорфа курьер с требованием её запертого ларчика, который был немедленно отправлен в Петербург, и в то время губернатор сказал отцу моему, что имел поручение наблюдать за этой женщиною и что она точно была графиня Ламотт-Валуа, укрывшаяся в России; имя де Гаше она получила, кажется, от эмигранта, за которого вышла где-то в Италии или Англии, и которое послужило ей впоследствии щитом и покровительством. Долго жила она в Петербурге под этим именем, в 1812 году приняла даже русское подданство, и никто не подозревал её настоящего, столь известного имени.

В числе петербургских знакомых графини была англичанка м-ме Бирч, также не подозревавшая её печальной знаменитости, но принимавшая в ней участие просто как в одной из жертв революции, вынужденной добывать себе пропитание трудами рук своих. Возвратившись однажды от графини де Гаше, м-ме Бирч узнает, что Императрица Елизавета Алексеевна присылала за нею; она на другой же день отправилась к Императрице с извинениями, что не была дома.

«Где же Вы были?» – спросила Императрица.

«У графини де Гаше».

«Кто это такая, графиня де Гаше?»

М-ме Бирч отвечает, что это французская эмигрантка, и старается заинтересовать Императрицу рассказом о её затруднительном положении. Во время этого разговора входит Император Александр; имя графини де Гаше вырывает у него восклицание: «Она здесь?! А /с. 129/ сколько раз меня о ней спрашивали, и я всегда отвечал, что её нет в России. Где она? Почему вы её знаете? Я желаю видеть её, – говорит Государь. – Привезите её завтра сюда». М-ме Бирч отправляется к графине с

этим известием. «Что вы наделали?! Вы меня погубили! – с отчаянием восклицает графиня. – Зачем вы говорили обо мне Государю? Тайна составляла моё спасение; теперь он выдаст меня врагам моим, и я погибла». Но всё отчаяние было бесполезно: должно было повиноваться.

На следующий день в назначенный час обе они были в покоях Императрицы Елизаветы Алексеевны. Государю доложили о них. Он подошел к графине: «Вы не та, кем называется; скажите мне ваше настоящее имя!»

«Я должна сказать его, но открою только Вам, Государь, и без свидетелей».

Государь сделал знак, Императрица и m-ме Бирч вышли. Государь оставался с графиней более получаса, и она возвратилась успокоенная и очарованная его благосклонностью. «Он обещал мне тайну и защиту», – вот всё, что она сказала m-ме Бирч, от которой я знаю эти подробности. Вскоре после того графиня отправилась в Крым.

Деньги, оказавшиеся после кончины таинственной графини и вырученные от продажи её имущества, были, по завещанию её, отправлены во Францию, в город Тур, какому-то г. Лафонтену; отец мой по этому случаю был с ним в переписке, но он в уклончивых ответах своих ни разу не дал догадаться, знал ли настоящее имя графини, которую просто называл своею почтенною родственницею. Отец мой купил с аукциона бóльшую часть вещей графини; но напрасно обыскивали мы все шкатунки и потайные ящики, перелистывали все книги; ни один лоскуток бумаги, случайно забытый, не изменил глубоко скрытой тайне. Император Александр, граф Бенкендорф, губернатор Нарышкин – те, которым она была известна, теперь уже в могиле; остались ещё немногие: князь Воронцов, отец мой, m-ме Бирч. И они сойдут в неё и унесут тайну с собою.

Участь этой женщины покрыта непроницаемою завесою; она исчезла, как исчезло знаменитое искусительное ожерелье, причина её падения, одна из причин смерти несчастной королевы Марии Антуанетты. Писатели долго будут говорить о Жанне Валуа, и никто не догадается искать на безвестном кладбище старокрымской церкви её одинокой могилы!

Список использованных источников и литературы

1. ЦМТ. КП-13894.
TsMT. КР-13894.
2. Петрова Э. Б. Павел Иванович Голландский и его крымская эпопея / Э. Б. Петрова. – Феодосия : ИД «Коктебель» ; Симферополь : Н. Орианда, 2013. – 120 с.
Petrova E. B. Pavel Ivanovich Gollandskiy i ego krymskaya epopeya / E. B. Petrova. – Feodosiya : ID «Koktebel'»; Simferopol' : N. Orianda, 2013. – 120 s.
3. Бороздин И. Н. Солхат : предварительный отчёт о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, Крымсика и Научной ассоциации востоковедения Союза ССР в 1925 году / И. Н. Бороздин. – М. : Искра революции, 1926. – 32 с.
Borozdin I. N. Solkhat : predvaritel'nyy otchet o rabotakh arkheologicheskoy ekspeditsii Krymsovnarkoma, Krymsika i Nauchnoy assotsiatsii vostokovedeniya Soyuzha SSR v 1925 godu / I. N. Borozdin. – M. : Iskra revolyutsii, 1926. – 32 s.
4. [Бодэ М. А.] Из воспоминаний баронессы М. А. Бодэ / М. А. Бодэ // Русский архив. – М., 1882. – № 3. – С. 123–128.
[Bode M. A.] Iz vospominaniy baronessy M. A. Bode / M. A. Bode // Russkiy arkhiv. – M., 1882. – № 3. – S. 123–128.

5. Судак де Луи [Бертрен Л. А.]. Героиня процесса «Ожерелье королевы» / Луи де Судак // Луи де Судак. Фернан де Мели. Альфред Рамбо. Французские путешественники в Крыму : XIX век / пер. с франц. Г. И. Беднарчика. – Симферополь : Н. Орианда, 2014. – С. 9–124.
 Sudak de Lui [Bertren L. A.]. Geroinya protsessa «Ozherel'e korolevy» / Lui de Sudak // Lui de Sudak. Fernan de Meli. Al'fred Rambo. Frantsuzskie puteshestvenniki v Krymu : XIX vek / per. s frants. G. I. Bednarchika. – Simferopol' : N. Orianda, 2014. – S. 9–124.
6. Маркевич А. И. К биографии графини де Ла Мот Валуа-Гаше / А. И. Маркевич // ИТУАК. – 1912. – № 48. – С. 222–230.
 Markevich A. I. K biografii grafini de La Mot Valua-Gashe / A. I. Markevich // ITUAK. – 1912. – № 48. – S. 222–230.
7. Гейман В. Д. Луи Бертрен : некролог / В. Д. Гейман // ИТУАК. – 1919. – № 56. – С. 167–170.
 Geyman V. D. Lui Bertren : nekrolog / V. D. Geyman // ITUAK. – 1919. – № 56. – S. 167–170.
8. Колли Л. П. Могила баронессы Крюденер в Крыму / Л. П. Колли // ИТУАК. – 1912. – № 48. – С. 212–221.
 Kolli L. P. Mogila baronessy Kryudener v Krymu / L. P. Kolli // ITUAK. – 1912. – № 48. – S. 212–221.
9. [Храповицкий]. По поводу воспоминаний баронессы Бодэ [Записки Храповицкого. Процесс королева ожерелья] / Храповицкий // Русский архив. – М., 1882. – № 3. – С. 130–132.
 [Khrapovitskiy]. Po povodu vospominaniy baronessy Bode [Zapiski Khrapovitskogo. Protsess korolevina ozherel'ya] / Khrapovitskiy // Russkiy arkhiv. – M., 1882. – № 3. – S. 130–132.
10. Тимиргазин А. Д. Смотритель Судакского училища виноградарства и виноделия барон Александр Карлович Бодэ / А. Д. Тимиргазин // Воронцовы и русское дворянство : между Западом и Востоком : сб. науч. статей и докладов. – Симферополь : Н. Орианда, 2012. – С. 169–178.
 Timirgazin A. D. Smotritel' Sudakskogo uchilishcha vinogradarstva i vinodeliya baron Aleksandr Karlovich Bode / A. D. Timirgazin // Vorontsovy i russkoe dvoryanstvo : mezhdru Zapadom i Vostokom : sb. nauch. statey i dokladov. – Simferopol' : N. Orianda, 2012. – S. 169–178.
11. Петрова М. М. Путешествие по Крыму А. М. Фадеева / М. М. Петрова // Пилигримы Крыма-98 : материалы междунар. науч. конф. – Симферополь : Крымский архив, 1998. – С. 154–162.
 Petrova M. M. Puteshestvie po Krymu A. M. Fadeeva / M. M. Petrova // Piligrimy Kryma-98 : materialy mezhdunar. nauch. konf. – Simferopol' : Krymskiy arkhiv, 1998. – S. 154–162.
12. Казначеев А. И. Партикулярные письма графу М. С. Воронцову. 1828–1837 гг. / А. И. Казначеев ; сост. А.К. Афанасьев. – М. : Новый хронограф, 2015. – 280 с.
 Kaznacheev A. I. Partikulyarnye pis'ma grafu M. S. Vorontsovu. 1828–1837 gg. / A. I. Kaznacheev ; sost. A.K. Afanas'ev. – M. : Novyy khronograf, 2015. – 280 s.
13. [Демидов А. Н.] Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершённое в 1837 году Анатолием Демидовым. – М. : в тип. А. Семена, 1853. – 543 с.
 [Demidov A. N.] Puteshestvie v Yuzhnyu Rossiyu i Krym cherez Vengriyu, Valakhiyu i Moldaviyu, sovershennoe v 1837 godu Anatoliev Demidovym. – M. : v tip. A. Semena, 1853. – 543 s.
14. Петрова Э. Б. Крымские путешествия : Н. Н. Мурзакевич, А. Н. Демидов / Э. Б. Петрова, Т. А. Прохорова. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2011. – 328 с.
 Petrova E. B. Krymskie puteshestviya : N. N. Murzakevich, A. N. Demidov / E. B. Petrova, T. A. Prokhorova. – Simferopol' : Biznes-Inform, 2011. – 328 s.
15. Вигель Ф. Ф. Записки : в 2-х кн. / Ф. Ф. Вигель. – М. : Захаров, 2003. – Кн. 2. – 752 с.
 Vigel' F. F. Zapiski : v 2-kh kn. / F. F. Vigel'. – M. : Zakharov, 2003. – Kn. 2. – 752 s.
16. Протокол заседания ТУАК 25 сентября 1913 г. // ИТУАК. – 1913. – № 50. – С. 297–307.
 Protokol zasedaniya TUAК 25 sentyabrya 1913 g. // ITUAK. – 1913. – № 50. – S. 297–307.
17. Лезинский М. Тайная миссия французской графини в Крыму : [электрон. ресурс] / М. Лезинский // Вечера на Мюльгаузеновской. – Режим доступа : <https://sites.google.com/site/veceranamulgauzenovskoj/home/tajnaa-missia-francuzskoj-grafini-v-krymu>.
 Lezinskiy M. Taynaya missiya frantsuzskoy grafini v Krymu : [elektron. resurs] / M. Lezinskiy // Vechera na Myul'gauzenovskoy. – Rezhim dostupa : <https://sites.google.com/site/veceranamulgauzenovskoj/home/tajnaa-missia-francuzskoj-grafini-v-krymu>.
18. Протокол заседания ТУАК 3 сентября 1914 г. // ИТУАК. – 1914. – № 51. – С. 333–341.
 Protokol zasedaniya TUAК 3 sentyabrya 1914 g. // ITUAK. – 1914. – № 51. – S. 333–341.

19. Коньков П. В. Ламотт Жанна де / П. В. Коньков // Крым в лицах и биографиях. Античность. Средневековье. Новое время. – Симферополь : Атлас-Компакт, 2008. – С. 254–258.

Kon'kov P. V. Lamott Zhanna de / P. V. Kon'kov // Krym v litsakh i biografiyakh. Antichnost'. Srednevekov'e. Novoe vremya. – Simferopol' : Atlas-Kompakt, 2008. – S. 254–258.

Список сокращений

Главнаука	– Главное управление научными, музейными, учебными и научно-художественными учреждениями Народного комиссариата просвещения РСФСР
ИТУАК	– Известия Таврической учёной архивной комиссии (Симферополь)
Крымнаркомпрос	– Крымский народный комиссариат просвещения
Крымохрис	– Крымский областной комитет по делам музеев и охране памятников искусства, истории, старины и народного быта
КрымСНК	– Крымский Совет народных комиссаров
КрымЦИК	– Крымский Центральный исполнительный комитет
ТУАК	– Таврическая учёная архивная комиссия (Симферополь)
ЦМТ	– Центральный музей Тавриды (Симферополь)

Petrova E. B. “The house, where Madame de La Motte lived” and the memoirs of the baroness M. A. Bode / E. B. Petrova // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science. – 2015. – Vol. 1, No. 3. – P. 13–31.

Throwing light on some details of life and death in the town of Sary Krym of the famous French adventuress Countess Jeanne de La Motte-Valois-Gachet (1756–1826), famous because of the scandal with the theft of a diamond necklace of the Queen of France Marie Antoinette, wife of Louis XVI. The publication is based on: the design of the famous Crimean architect, archaeologist and restorer P. I. Gollandsky (1861–1939) with the image of a house in Sary Krym, where the Comtesse de Gachet lived (from the collections of the Central Museum of Tavrida, Simferopol); memoirs of the Baroness M. A. Bode; the essay of Louis de Sudak (L. A. Bertran) «The heroine of the process "the Queen's Necklace"»; the history of the search of the grave of the Countess de Gachet, implemented by L. P. Collie and L. A. Bertran, as well as other materials.

Keywords: Sary Krym, Sudak, Countess Jeanne de Lamotte-Valois-Gachet, A. K. Baron Bode, Baroness M. A. Bode, L. P. Collie, L. Bertran, P. I. Gollandsky.

УДК 908(047.2):910.4(1–924.71):929(=1.73)«18»

**«ДРУГОЙ КРЫМ»: РЕТРАНСЛЯЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ МИФОВ
О РОССИИ В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ О ПУТЕШЕСТВИЯХ
ПО КРЫМУ В XIX ВЕКЕ**

Прохорова Т. А.

*Историко-археологический заповедник «Херсонес Таврический»
г. Севастополь, Российская Федерация
E-mail: grejprut@mail.ru*

На рубеже XVIII–XIX веков в России и в Крыму – на юге огромной Российской империи – появились первые путешественники из Америки. Молодое государство США испытывало значительный интерес к северопрichernоморскому региону в свете потенциальных политических и экономических выгод для американского континента. В статье рассмотрены сочинения, вышедшие из-под пера двух американских авторов, Г. Дирборна и Дж. Дитсона, на страницах которых был создан особый образ Крыма – далёкого и некогда великого региона, места существования и расцвета великих цивилизаций древности. Автором сделана попытка проанализировать схему наложения общеисторических мифов о России на крымскую реальность. В своих сочинениях вояжеры рассказывали современникам о своём пребывании на полуострове, что делает их труды ценным историческим источником, переносящим нас в Крым двухсотлетней давности.

Ключевые слова: путешественники по Крыму конца XVIII – первой половины XIX века, исторические мифы о России, Крым, Симферополь, Америка.

В XVIII столетии в Европе, которая переживала необыкновенный культурный и интеллектуальный рост, особую популярность приобретают путешествия. Испокон веков европейцам была свойственна жажда странствий, но особенно остро тягу к новым знаниям и открытиям они стали испытывать именно в эпоху Просвещения. Исследователей привлекали малоизученные и неизведанные земли – загадочные страны Востока, а также Россия, которая в глазах европейцев издавна выглядела как дикая полуварварская страна. На протяжении всего столетия в страну приезжали тысячи людей из разных стран мира: купцы, ремесленники, инженеры, военные, учёные, дипломаты, разведчики, авантюристы и просто туристы. Вышедшие из-под их пера записки, мемуары, доклады и тайные репортажи были посвящены этой огромной стране, её экономике, культуре, населению, быту, религии.

Стереотип о варварской России укрепился в сознании европейцев во времена Петра I. В XVIII веке в России наступила эпоха коренных изменений: проводились реформы, появились новые государственные институты, менялось само общество и его структура. Но иностранцы в просвещённую Российскую империю приезжали с мыслями об отсталой Московской Руси – и тогда отмечали значительный подъём экономики, общественного движения, расцвет науки и искусства. Однако все добрые начинания перечёркивались в их глазах отсутствием либеральных свобод в сознании самих людей. Самодержавие, господство помещиков, дворян и чиновников, крепостное право – вот что, по их мнению, могло свести на нет все усилия раскрыть материальные и духовные богатства России.

В XVIII столетии европейские библиотеки пополнились новыми книгами о России: «Путешествие через Московию в Персию и Индию» голландского художника, этнографа, писателя Корнелиса де Брюйна (1652–1727), записки о пребывании в России первого испанского посла в России Якобо Франсиско Фитцджереймса Стюарта, герцога де Лириа-и-Херика, или просто герцога Лирийского (1696–1738), сочинение «История и анекдоты революции в России в 1762 г.» секретаря французского посла в России шевалье Клода Карломана де Рюльера (1735–1791), записки французского посла графа де Сегюра (1753–1830); дорожные дневники академиков П. С. Палласа, С.-Г. Гмелина, И. П. Фалька; «Записки о России» маркиза Астольфа Луи Леонора де Кюстина (1790–1857). Некоторые авторы, восхищаясь величиим России, всё же жёсткой критикой обрушивались на пороки русского общества, делали категоричные выводы. В таком же ключе о России писал английский путешественник Э. Д. Кларк. Увидев лишь неприглядную наружность русской жизни, они не попытались понять общество, в которое попали, поэтому с дотошностью отмечали все изъяны и дисгармонию уклада жизни русских.

Под влиянием сложившихся консервативных взглядов иностранные авторы, впоследствии писавшие о России, о русском народе и его национальных качествах, в абсолютном своём большинстве говорили о ней предвзято. Помимо известных образов России – грубого русского мужика или раболепного крепостного крестьянина – в начале XIX века всё чаще стал эксплуатироваться образ свободного и воинственного казака. Именно этот образ стал определяющим для американских читателей, активно познававших Россию с начала XIX века.

В конце XVIII – начале XIX века в американском общественном сознании наметился определённый перелом: если ранее интересы жителей Нового Света замыкались на внутренние проблемы, то теперь огромный интерес представляли путешествия за океан и использование лучших результатов трансатлантического опыта. Зарубежные поездки осуществлялись американцами ради изучения европейского изобразительного искусства, литературы, науки, культуры; к этим мотивам следует добавить торгово-экономические интересы, деятельность религиозных миссий, поездки дипломатов и участников экспедиций, а также простых искателей счастья. В критической литературе пропагандировалась мысль о том, что публикация книг с описаниями европейских путешествий является свидетельством интереса граждан Нового Света по отношению к зарубежным странам; а это, в свою очередь, могло способствовать их интеллектуальному и социальному прогрессу, не говоря уже о решающем влиянии *«добрых плодов американской демократии на подверженные деспотическому правлению народы»* [1, p. 171].

Знакомство жителей Нового Света с Северным Причерноморьем происходило постепенно, в основном через прочтение сочинений об этих странах. В начале XIX века вышел посвящённый этим землям содержательный труд Генри Дирборна (1783–1851), американского юриста и государственного деятеля.

Сын генерал-майора Генри Дирборна (1751–1829), прославившегося в годы войны за независимость в США, Генри Александр Скаммель Дирборн (1783–1851), уроженец города Эксетер в Нью-Хэмпшире, получил юридическое образование, занимался юридической практикой в Сэйлеме (рис. 1). Там же он познакомился с двумя

джентльменами, чьи знания и опыт оказались для него полезными. Первый – капитан и корсар Джозеф Роупс (1770–1850), руководитель первого американского судна, вошедшего в Красное море и открывшего торговлю кофе с Африкой; второй – капитан Джеймс Холмэн (1786–1857), прозванный «слепым путешественником», странствовавший по Европе и Сибири [2, р. xviii–xx]. Этих джентльменов Дирборн избрал в качестве своих «информаторов», используя сведения о Северном Причерноморье, полученные от них, при написании своего труда о торговле на Чёрном море.

Рис. 1. Генри Александр Скаммель Дирборн (1783–1851)

В дальнейшем карьера Дирборна складывалась не менее удачно: в 1806 году он открыл юридический офис в Портленде, штат Мэн, был назначен руководителем

строительства фортов в Портленде, а затем стал офицером на таможне в Бостоне, где до этого его отец был сборщиком податей. В 1812 году Дирборн командовал войсками в Бостонской гавани во время англо-американской войны (1812–1815), в 1822 году был членом государственной конституционной конвенции. В 1829–1831 годах он был представителем от Роксбери в законодательный орган штата Массачусетс, сенатором от графства Норфолк и конгрессменом, а в 1847 году избран мэром Роксбери и ежегодно переизбирался на эту должность вплоть до своей смерти в 1851 году.

Г. Дирборн оставил своим соотечественникам в наследство многочисленные труды: «Научное исследование о коммерции и мореходстве на Чёрном море. Торговля и морская география Турции и Египта» в трёх томах; «История навигации и морского строительства с обзором береговой линии США» в двух томах; из неопубликованных: «Журнал 1816–1851 годов» в 39 томах; «Жизнь генерал-майора Дирборна» в 11 томах; «Поездки в Иллинойс в 1839 и 1840 году»; «Жизнь командора Бейнбриджа»; «Жизнь полковника Уильяма Рэймонда» в двух томах и другие [3, р. 769–777; 4, р. 45].

В 1819 году из-под пера Генри Дирборна вышел содержательный труд под названием «Научное исследование о коммерции и мореходстве на Чёрном море. Торговля и морская география Турции и Египта» (Бостон, 1819). Работа появилась на волне всеобщего интереса к Таврике (рис. 2). Генри Дирборн, осознавая необходимость для США контролировать торговлю на Чёрном море [5, р. xv], полагал, что в отличие от Америки, европейские страны рано обнаружили ресурсы Востока и не жалели усилий и затрат на то, чтобы получить последние географические, статистические и гидрографические сведения относительно этих регионов. *«Наша мощная Республика, – писал Дирборн, – странным образом забыла про эти воды как о своего рода пустоте на карте, и, кажется, не была подробно осведомлена о важности доступа к самому сердцу цивилизованной части восточного континента, предоставляемого этим проходом (черноморскими проливами. – Т. П.). [...] Американцы всегда опережали своих конкурентов, но вместо того, чтобы носить титул “нации пионеров” и охранять свои окольные маршруты, они оставили всё, чтобы полюбоваться пылом соперников и порадоваться их успеху; но это время закончилось, делом занялось правительство, и отныне американцы должны стремиться освоить эту торговлю, которая содержит такие заманчивые перспективы коммерческой деятельности. Наша нация достигла определённого величия, что требует уважения. Государи Европы, окончив войну, амбициозно культивируют более почётное искусство мира и проявляют искреннее расположение для поддержания дружеских отношений с США. Дипломатическая миссия в Оттоманскую Порту не будет теперь рассматриваться с ревностью или возбуждать всеобщую вражду, что ранее могло бы иметь больший резонанс»* [5, р. XVII–XVIII].

Молодое государство Нового Света не могло смириться с подобным просчётом. Непонятным для Генри Дирборна оставалось и то, как ведущие умы Нового Света не заметили такого количества работ, начиная с древности написанных о Северном Причерноморье. Именно по итогам их научного, как выражается автор, осмысления он написал свой труд. Примечательно, что Дирборн был страстным путешественником и много ездил по Америке, зато в Европе и в описанном Крыму никогда не бы-

вал. Это отличает его от многочисленных предшественников, писавших о Причерноморье по результатам личных наблюдений. В начале своей работы Дирборн перечисляет более семи десятков авторов, к трудам которых он обращается. Среди них значатся Геродот, Диодор Сицилийский, Страбон, Павсаний, Плиний, Ксенофонт, Плутарх, а также путешественники по Крыму: Мария Гатри, Петр-Симон Паллас, Эдвард-Дэниел Кларк и леди Кравен [5, р. xi–xiii]. Обращение Генри Дирборна к запискам путешественников было закономерным: на страницах этих сочинений сохранилась подробная новейшая информация о Крыме, состоянии его городов, его экономике, жизни населения и культуре, что и сегодня делает их для нас ценным историческим источником [6; 7, с. 78].

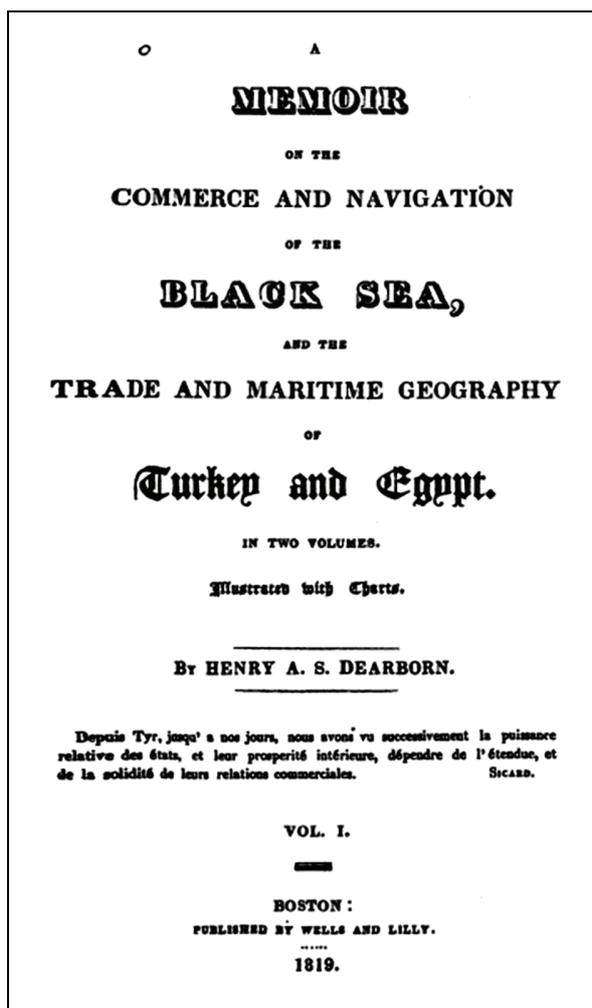

Рис. 2. Титульный лист сочинения Генри А. С. Дирборна «Научное исследование о коммерции и мореходстве на Чёрном море. Торговля и морская география Турции и Египта» (Бостон, 1819)

Не меньшую роль в написании труда Г. Дирборна сыграли люди, от которых он получал уточняющие сведения и дополнительную информацию. Помимо уже упомянутых судьи У. Бенгли, капитана Дж. Роупса и Дж. Холмэна из Сэйлема, в их числе было ещё семь человек: командор Уильям Бейнбридж (1774–1833); первый российский консул в Бостоне Алексей Григорьевич Евстафьев (1779/83–1857) – донской казак, писатель, переводчик, который прожил в Америке с перерывами свыше сорока лет (с 1808 по 1852 г.) и просвещал американцев в области русской истории [8]. Он перевёл на английский язык трагедию А. П. Сумарокова «Дмитрий Самозванец», написал книгу о Петре I (1812), трагедию «Царевич Алексей». Евстафьев сравнивал Петра I с Дж. Вашингтоном и Х. Колумбом. В 1812 году появилась его работа «Ресурсы России в случае её войны с Францией» об истории страны и её современном положении. Его драма «Казачи на пути в Париж» (1814) была поставлена в Бостоне. Ещё одним важным для Дирборна информатором был губернатор Вирджинии полковник Уилсон Кэри Николас (1761–1820) [9]. Кроме того, в перечне лиц значатся офицер, член Американского общества антикваров Чарльз Уильям Грин; Джон Уоли Лэнгдон (1772–1860/61), негодант, торговавший со Смирной; дипломат, глава американского консульства в Кадисе Джеймс Линдер Кэткарт (1767–1843) и путешественник, американский консул в Малаге Джордж Гвельф Баррел (1780–1838), автор «Журнала путешествия из Бостона в Малагу на борту брига “Венера” и возвращения на скутере “Луизиана” Джордж Баррела» (1806). Помимо этого, в семейном архиве Дирборнов хранится переписка Генри Дирборна – младшего за 1805–1851 годы с членами его семьи и многими известными деятелями той эпохи, включая политиков, коммерсантов и путешественников: с Д. Л. Чайлдом (переписка о русских провинциях на берегах Чёрного моря); Джоном Уилсоном (писал ему о Восточной Пенсильвании и торговле сосной); с Томасом Людвигом Огденом, Джорджем Кроссманом и Августом Митчелом, рассказавшим ему о революции во Франции, а также Уильямом Спэкпоулом, Джорджем Салливаном, Томасом Уайтмором и Альфредом Элай. В общей сложности – сотни писем, и в каждом из них – информация о волновавших его проблемах из первых уст.

Огромный интерес автора к причерноморскому региону был обусловлен рядом знаменательных исторических событий, для коих он стал ареной, и древностями, которыми богаты земли Причерноморья. Дирборн описал главные города Крымского полуострова: Севастополь, его бухты и военный порт, греческую колонию Балаклаву, а также города, в разные исторические эпохи бывшие столицами Таврики: Керчь – древний Пантикапей, «малый Константинополь» Каффу, Старый Крым – первую резиденцию крымских ханов, Бахчисарай и столичный Симферополь. Роль этих центров в экономике современного ему Крыма, по мнению автора, невелика. Это обусловлено тем, что их потенциальные возможности используются не полностью, как, например, это было в древности. Тогда в этих городах были сосредоточены все богатства Причерноморья, все товары и сокровища западных и восточных цивилизаций. Неслучайно автора интересуют остатки древностей, следы прежнего величия крымских центров. Говоря о Севастополе, Дирборн увлекается описанием всего Гераклеяского полуострова, ищет следы «Старого» и «Нового» Херсонеса. Автору интересны скалы в Инкермане с высеченными часовнями, монастырями,

комнатами, гробницами. Воображение Дирборна потрясает всё вокруг: и разнообразные скальные сооружения, и старинный арочный мост через реку Чёрная, и пещеры, *«столь многочисленные, что они занимают весь склон горы»*, башни и зубчатые стены крепости. При детальном рассмотрении становится ясно, что все эти описания и выводы относительно памятников Дирборн позаимствовал у авторов, на чьи труды ссылается. По крайней мере, точно так же за 20 лет до него Инкерман описывали П. С. Паллас и Э. Д. Кларк [10, с. 50–52]. Вместе с тем американского автора нельзя упрекнуть в отсутствии собственных умозаключений. Так, он продолжил рассуждения учёных о связи между крепостью в Инкермане и пещерами: *«Наличие лестниц, которые ведут к самим пещерам, делает очевидным, что крепость была возведена там в то же время, когда были сделаны первые высечения»* [5, р. 301].

Пересказывая труды древних авторов, Дирборн не забыл упомянуть о находках в Херсонесе (надгробие Феагена), о Евпатории Диофанта – городе, расположенном, по его мнению, на западной стороне Карантинной бухты, о некрополе и городских стенах Херсонеса, о полуострове Фанари на юго-западном побережье Гераклейского Херсонеса (полуострова), о монастыре Святого Георгия и Священном мысе, рассматриваемом многими историками как Парфениум Страбона, где проводились ужасные обряды в честь Таврической Дианы. *«Два других мыса между Севастополем и Святогеоргиевским монастырём, – как говорит автор, – были обозначены некоторыми путешественниками как места, напоминающие внешне образ демона. Хотя, кажется, не может быть никакого сомнения среди древних или современных писателей относительно кровавых жертвоприношений, подносимых этому Боже-ству, но существует сомнение, к которой из богинь языческих оно может быть отнесено – скифского или греческого происхождения»*. Два других мыса, о которых пишет Дирборн, – это м. Фиолент и Айя-Бурун. Последний сегодня часто путают с м. Айя; для путешественников XIX века Священный мыс (Айя-Бурун) располагался на месте современного мыса Лермонтова [ср.: 10, с. 43; 11, с. 227; 12, с. 534].

Наибольший интерес для автора представляют места, где родилась и процветала торговля в Северном Причерноморье: Каффа, в течение двух столетий бывшая самым влиятельным и цветущим городом Крыма за счёт торговли между Ост-Индией и Европой [5, р. 308], и Керчь, или русский Босфор [5, р. 312], расположенная на месте древнего Пантикапея. Древняя история этого города имела насколько огромное значение, что именно оттуда вымышленный Анахарсис-младший в сочинении аббата Бартелеми отправился в своё путешествие по Греции [5, р. 316].

Весьма интересна роль бывшей ханской столицы Бахчисарая, которую отводит ей автор [5, р. 298]. Новая столица Ак-Мечеть, или Белая Мечеть, названная русскими Симферополем, как описывает её Дирборн, находится на берегу реки Салгир. Город, отличающийся особым местоположением в плодороднейшей долине, по мнению автора, заслуживает внимания путешественников. Описывая достопримечательности столичной округи, Дирборн стал жертвой собственной компиляции и перепутал некоторые ключевые объекты Крыма. *«В задней части города (Симферополя. – Т. П.), – пишет он, – находится крепость Манкуп (Монкоор) необыкновенной величины, о которой можно поэтично сказать, что она расположена буквально в облаках. Она занимает вершину полукруглой изолированной горы. Грозный вид, высота и скалистые*

перпендикулярные стороны этой горы, представляющей собой независимо от точки обзора величайшее творение природы, наполняют разум изумлением при входе в ущелье, которое ведёт на её вершину. При этом не видно ничего, что могло бы облегчить восхождение к этим высотам, и гораздо меньше возможностей транспортировать материалы было у тех, кто проделал колоссальную работу (были ли это генуэзцы или кто-то другой) и построил цитадель, возможно, не имеющую параллелей во всей Европе. Это результат их богатства, мастерства и предприимчивости. Последними владельцами Мангупа были евреи. Разрушенные мраморные плиты их могил лежат на кладбище под деревьями у подножия горы. Подъём в крепость был когда-то вымощен по всему пути и там была построена лестница, части которой всё ещё существуют во многих местах. Вершина горы покрыта остатками замка, церковей и других общественных зданий. На самой высокой части этой горы есть красивая равнина с прекрасной землёй, усеянной карликовыми розами. На северо-восточной окраине горы находится пещера, аккуратно высеченная в твердой породе, называемая татарами Мыс ветров. Большие арочные окна расположены с четырех сторон. Из-за потрясающего обзора, который отсюда открывается на всю окрестную территорию, он, вероятно, служил в качестве поста для военного наблюдения. Ниже этой пещеры ещё одна камера выводит к нескольким комнатам на разных его сторонах; все они были высечены в той же скале» [5, р. 319–320]. Таким образом, автор описывает гору, господствующую над Симферополем (Чатыр-Даг), и собственно Мангуп с его мысом Ветров (Элли-Бурун), смешивая, таким образом, совершенно разрозненные объекты. Вероятно, Дирборн посчитал, что из Симферополя хорошо виден именно Мангуп.

Симферополь, как считает Дирборн, может быть интересен и как резиденция профессора Палласа, и как изобилующая дичью долина, и как место закладки императорского ботанического сада с богатой коллекцией растений, типичных для южных регионов России.

Образ Крыма, который сложился на страницах сочинения Генри Дирборна, сводился к следующему. Крым – это некогда великий регион, но величие его всегда было условным, чужеродным, принесённым извне. Сначала тут создали могущественную цивилизацию древние эллины и римляне, следом за ними – византийцы, в средние века регион процветал благодаря торговле, налаженной через его порты генуэзцами, а позже и до недавнего времени – это вассал блистательной Порты с её роскошью и богатствами. Теперь же эта земля оставлена прежними владыками, а значит, впереди новая эпоха – эпоха американского влияния в регионе.

Как видится, дилетантизм Дирборна помешал ему подготовить грамотное описание Таврики, с тем чтобы жители Нового Света могли составить справедливое представление о далёком крае. Это относится и к его описанию Симферополя. Поскольку автор не сказал ничего ни об общественных зданиях нового города, ни о его населении, ни о двух разных частях Симферополя – русской и татарской, ни о его значении для Крыма, Дирборн, должно быть, не имел проверенных сведений о крымской столице. Поэтому американский читатель вряд ли мог узнать что-либо полезное о городе из труда Дирборна.

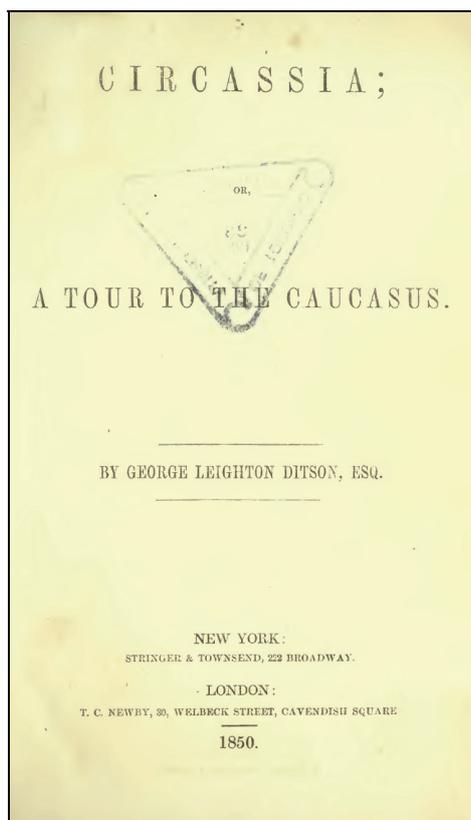

Рис. 3. Титульный лист сочинения Джорджа Дитсона «Черкесия, или путешествие на Кавказ» (Лондон, 1850)

Рис. 4. Черкешенка. Иллюстрация к сочинению Джорджа Дитсона «Черкесия, или путешествие на Кавказ» (Лондон, 1850)

Это предопределило незначительный интерес со стороны иностранцев к Симферополю в первой половине XIX века. Другой американский путешественник Джордж Дитсон, приехав в Крым через 30 лет после выхода труда Дирборна, мало интересовался городом, оставив в своём сочинении короткую заметку о Симферополе.

Сочинение Джорджа Дитсона «Черкесия, или путешествие на Кавказ», написанное после его путешествия по России в 1847–1848 годах, было издано в Нью-Йорке в 1850 году (рис. 3). Труд автора так и не был переведён на русский язык, поэтому важным видится обращение к запискам вояжёра, ведь они способны дополнить истинную картину о состоянии Крыма и его древних памятников в первой половине XIX века. Исключительность произведения доктора Дитсона заключается и в том, что он был первым американцем, который посетил Черкесию после её завоевания Россией и совершил переход через Кавказ. На этом фоне сочинение Джорджа Дитсона обладало несомненной новизной. Во введении к своему труду Дитсон от-

мечал: *«Об этих уголках планеты, чрезвычайно интересных, которым посвящены следующие страницы, в американской прессе нет ни одной работы. В этой связи данная работа может претендовать на новизну. Тот факт, что Крым с его необычными живописными татарскими городами и великолепными курганами и Черкесию, оплот непобедимых героев, родину прославленных во всём мире красавиц, не посещал ни один другой американский путешественник, может служить достаточным поводом для того, чтоб извинить меня за дерзость опубликовать журнал моего тура. Для тех, однако, кто не согласен с этим, я хотел бы сказать, что многие гении, как на нашей Родине, так и за рубежом, убеждали меня отдать сию работу на суд публике»* [13, р. v] (рис. 4).

Дитсон старался писать о России осторожно и справедливо. Щедрый на возвышенные отзывы, он в то же время не лишал описанные картины правдивых замечаний, не избегал повествований о суровых сценах и диких местах, которые он посетил. Но разительнее всего были гостеприимство и щедрость, с коими встретили его в стране «северных медведей», которые, по его выражению, *«способны укунить чужака за рубежом, но лизжут его руку у своей двери»* [14, р. 164].

Задаваясь вопросом, какая судьба ожидает это огромное государство, автор приводит читателя к мысли, что будущее страны зависит от подчинения всех и каждого единой власти, воле одного человека. А ведь Россия – это великолепная плеяда многочисленных народов: здесь и *«жизнерадостные»* поляки, и *«благородные»* венгры, и *«красивые»* грузины, и *«бесстрашные»* казаки, и *«непокорные»* черкесы. Наряду с другими писателями, Дитсон наделяет русских сообразительностью, изобретательностью и умом, а также невероятной выносливостью. Любой русский, как считает автор, всецело отдаёт свою жизнь в руки отца-императора и с радостью покажет любому чужаку на своей земле, что *«бескрайние просторы его бесплодной родины ему дороже, чем великолепные города и сарали, стоящие тысяч жизней»*. Общий тон произведения пропитан духом восхищения, тем более что автор попытался сконцентрировать свой взгляд на тех положительных аспектах, которые европейцы старались не замечать. Своё путешествие Дитсон начал с определённым настроением и никогда не изменял своей философии. Оказавшись в бедном адыгейском поселке или татарской деревне, он напоминал читателю, что *«под этими худыми крышами лучше возрастают прекрасные женщины и сильные мужчины, чем в мраморных дворцах Англии или Франции»*. В отличие от многих других сочинений иностранцев о России, Джордж Дитсон написал не избличающую работу, а красочный очерк, за что стал предметом для нападок со стороны критиков [14, р. 165].

Американский доктор, писатель и путешественник Джордж Лейтон Дитсон (1812–1895) также был известен своими странствиями по всему миру. В Крым он приехал в октябре 1847 года по пути в Черкесию, куда американский вояжёр отправился по приглашению и при содействии М. С. Воронцова (с 1844 года наместника и главнокомандующего русскими войсками на Кавказе).

Биографических сведений о Джордже Дитсоне известно немного: родился 5 августа 1812 года в Уэстфорде (штат Массачусетс), получил образование в академии Уэстфорда, изучал медицину в Бостоне. Из-за проблем со здоровьем Джордж Дитсон вынужден был бросить учёбу, после чего отправился в своё первое путешествие

в Египет и Индию по морю. Странствия увлекли Дитсона, много лет он путешествовал по Европе, Азии и Африке. Вернувшись в Соединённые Штаты, он получил медицинскую степень в университете Вермонта в 1864 году, но так никогда и не практиковал. Некоторое время Дитсон жил на острове Куба и попробовал себя на дипломатическом поприще, неоднократно назначался на должность действующего консула США в Нуэвитасе при президентах Джоне Тайлере (в 1841–1845 годах) и Джеймсе Полке (в 1845–1849 годах), открыл и разработал медные рудники в Баятаво на Кубе. Проживая в Пуэрто-Принсипе, в 1842–1843 годах был профессором английского языка в колледже Дюпюи.

Доктор Дитсон посетил немало стран на всех континентах, что дало ему богатейший материал для творчества, и написал несколько работ: «Черкесия, или путешествие на Кавказ» (Нью-Йорк, 1850); «Кримора» (Бостон, 1852); «Полумесяц и французские крестonosцы» (Нью-Йорк, 1859; переиздано как «Приключения и наблюдения на северном побережье Африки»); и «Федераты Италии» (Бостон, 1871). За свои общественные и литературные заслуги он был избран членом многих научных обществ, в том числе Геологического общества Франции, Теософского общества, Американского восточного общества [15, p. 182; 16, p. 49; 17, p. 440; 18, p. 146].

Прежде чем отправиться в поездку, Джордж Дитсон познакомился с рядом работ, авторы которых побывали в Крыму и Черкесии до него. Эти труды были источником компетентных сведений о посещённых местах для Дитсона и зачастую предоставляли особое мнение, отличное от его собственного. Среди своих источников Дитсон называет сочинения Дж. А. Лонгуорда, К. Оммер де Гелль, М. Гатри, Э. Спенсера, П. С. Палласа, шевалье Ж. В. Тэбу де Мариньи. И, хотя английский путешественник оставил без внимания ряд фундаментальных трудов о Крыме, принадлежащих перу Фр. Дюбуа де Монпере, П. И. Сумарокова, И. М. Муравьёва-Апостола и Н. Н. Мурзакевича (которые, вероятно, были неизвестны ему в англоязычном переводе), все перечисленные им работы создавали надёжный базис для написания полноценного исследования о Крыме.

Сочинение Джорджа Дитсона о Крыме написано последовательно, в дневниковом стиле, что позволяет детально реконструировать маршрут его путешествия. В Крым автор прибыл морем из Одессы 29 октября 1847 года и начал знакомство с полуостровом с осмотра Севастополя. Высадившись на Графской пристани, путешественник осмотрел центр города, совершил экскурсию по Севастополю и древнему Херсонесу, побывал в Инкермане и Балаклаве и отправился в Бахчисарай. Насладившись восточной экзотикой прежней ханской столицы, Дитсон отправился в Восточный Крым. По пути туда он заехал в Симферополь. Карасубазар, Феодосия и Керчь увлекли путешественника своими древностями – осматривая окрестности, древние курганы, статуи, храмы и гробницы, Дитсон провёл здесь девять дней и только 13-го ноября отправился на восточное побережье Чёрного моря.

Рассказ Дитсона о Симферополе, не столь информативный, сколько образный, содержит ряд интересных замечаний. Дневной переезд из Севастополя в Симферополь по бездорожью в дождливую погоду утомил путешественников. Устроившись на почтовой станции в Симферополе, Дитсону наконец удалось отдохнуть. Американского путешественника даже не смущало то, что за каждое удобство приходи-

лось отдавать дополнительную плату. К русским порядкам он относился снисходительно. Вероятно, Дитсон, знакомый с негативными отзывами о России из прошлых сочинений, был готов и к неудобствам в пути, и к отсутствию хороших гостиниц, и к дороговизне, и к лености прислуги, и даже к плохой погоде. Умудрённый дальними странствованиями, автор был готов к сложностям подобного мероприятия, он не сетует на задержки, неприятности и вымогательство местных хозяев, а, напротив, по-доброму сочувствует им. Дитсон отметил центральное положение Симферополя, множество прекрасных общественных зданий, церквей и частных имений в русской части города. Дитсона поразило многообразие народов, проживавших здесь: татары, греки, армяне, евреи, цыгане. В бывшей резиденции калги-султана, а теперь – месте пребывания здешних дворян и офицеров, в Симферополе, можно было совершить несколько приятных встреч: с П. С. Палласом в своё время или с супругой наследника крымских ханов Анной Нейльсон. В Симферополе Дитсон отведал местное вино, полученное из винограда, который выращивали на виноградниках её супруга Александра Ивановича Султан-Крым-Герая в долине реки Салгир. Но наиболее невероятными автору представлялись различия в русских, европейских и татарских национальных порядках. Татарская женщина, тщательно закутанная в её фередже – во избежание назойливого взгляда, скользящая в своих жёлтых ботинках, замирала в ступоре, поражённая смелым, смеющимся открытым лицом русской красавицы, когда та пролетала мимо в её нарядных дрожках. Спускаясь по грязной узкой тропинке, искусно проделывая путь через грязь и по беспорядочным камням, она бесшумно проскальзывала в ворота в высокой стене, которая скрывает её дом от прохожего. Русская же дама отправлялась в возвышенно-равнинную часть города, где широкие улицы, массивные здания и вооружённые солдаты символизировали богатство и власть. Она садилась у открытых окон в просторном особняке, кружилась в вальсе и попивала чай в кругу семьи или читала последний французский роман [13, p. 117].

Таким Джордж Дитсон увидел Симферополь. И благодаря ему город, где встретились две цивилизации, где сосуществовали различные народы и религии, смогли «увидеть» и жители Нового Света.

Пассаж Джорджа Дитсона, посвящённый другим городам, также содержит ряд ценных замечаний. Автор познакомил читателя с исторической ретроспективой Крыма, дав общий обзор событий с VI века до н. э. до XV столетия. Керчь и Восточный Крым описаны в его труде довольно детально, с упором на сохранившиеся древности (что для нас ценнее и интереснее), а отрывок о Феодосии содержит реконструкцию политической истории края. Из него становится ясно, что автор был ограничен в источниках, поэтому сведения его скудны и отрывчаты. В стремлении охватить как можно больше, Дитсон жертвует подробностями, допускает пропуски в изложении и ошибки. Отрицательным моментом стало и то, что автор упустил возможность познакомиться с феодосийским собранием древностей, так и не увидев музей. Однако значение Феодосии-Кафы он оценил справедливо, так что американский читатель имел верное представление об этом городе.

Джордж Дитсон, первый американский путешественник, посетивший Восточный Крым и Черкесию, продемонстрировал огромный интерес всего мира к чер-

номорскому региону. Автор предвидел, что перспектива дальнейшего продвижения России на юг ни в Западной Европе, ни на американском континенте не встретит одобрения. Дитсон понимал, что весь англиканский мир тотчас же осудит Россию безо всяких на то причин (что остро чувствуется и сегодня) за отстаивание своих национальных интересов.

На рубеже XVIII–XIX веков в России, Европе и Крыму гостей из Нового Света было немного. Американцы не спешили отправляться в далёкие путешествия по нескольким причинам. Во-первых, молодое государство США только оправилось от последствий кровопролитной войны за независимость, поэтому все их национальные силы были брошены на укрепление государственности. В путешествия, как известно из опыта европейских странствий, отправлялись учёные и важные чиновники, т. е. деятельные люди, можно сказать, лучшие умы своего времени, а эти силы были нужны Штатам для государственного строительства. Во-вторых, путешествовать за свой счёт, рискуя жизнью и здоровьем, решался далеко не каждый, особенно если речь идёт о вояже за океан. Без достаточных средств, без знакомств и связей, без поддержки своего и принимающего государства такая поездка была просто невозможной. Поэтому путешествовали в основном коммерсанты и дипломаты – они-то и были главными рассказчиками о далёких странах. В-третьих, столь немногочисленные путешествия американцев в Европу и Азию – это пример доктрины национальной безопасности США в действии. Ограничивая выезд своих соотечественников из государства до определённого возраста, правительство США укрепляло общество и национальную идею, воспитывало преданных граждан своего государства.

На этом фоне для рядовых американцев единственным источником о Европе и Азии становились сочинения европейских путешественников и немногочисленных пилигримов из своей страны. К примеру, в США полюбили произведение Э. Д. Кларка – путешественника, посетившего Россию и Крым в начале XIX века, лично знакомого с П. С. Палласом, описавшего древности нашего полуострова [19]. О России в Америке читали и в произведении Джона Ледьярда (1751–1789), известного не только как участника третьей экспедиции капитана Кука, но и как исследователя Сибири. Именно благодаря ему у американцев проснулся столь живой интерес к татарам Крыма, поскольку и они, по его мнению, и азиатские татары, и даже индейцы Америки являются представителями одной семьи, и Америка была в свое времена заселена выходцами из Азии [20, р. 331–332].

Сочинения двух американских путешественников позволили по-разному взглянуть на Крымский полуостров. Дирборн, скомпилировав все известные ему сочинения о странах в бассейне Черного моря, развил благую идею – о необходимости интенсивного культурного и интеллектуального обмена между Старым и Новым Светом. Однако не всегда благие намерения имели достойный результат, ведь любая спекуляция на политические темы охватывала Американские Штаты, проникала в прессу и просачивалась в сознание обывателей. Извечное соперничество США и Великобритании, подогреваемое настроениями после недавней войны за независимость, приводило к тому, что англичане, путешествовавшие по Америке, и американцы, приезжавшие в Англию, превращали свои сочинения в бич, направленный против соперника, избличавший все пороки общества. В то же время нелюбовь к

британцам заставляла гостей из Нового Света по-иному взглянуть на её противников, в том числе Россию.

Творческое начало, обнаруженное Дирборном, послужило и исследователям истории и культуры. Через 30 лет посетить эти же земли решил Джордж Дитсон, автор совершенно иного по характеру и настроению произведения. Справедливая картина, свободная от политических спекуляций, которую рисует Дитсон, позволяет нам расширить представления о роли Крыма в мировой истории и увидеть полуостров таким, каким он был более двух столетий тому назад, и исправить ошибки, допущенные предыдущим американским автором. Симферополь, который запомнился путешественникам более своим местоположением, нежели значительными постройками, оставался в середине XIX века тихим провинциальным центром губернии.

Имя Джорджа Дитсона, затерявшееся на фоне более авторитетных для Крыма фамилий П. С. Палласа, Фр. Дюбуа де Монпере, К. Г. Коха, всё же заслуживает того, чтобы быть вписанным в летопись исследований полуострова. В критической литературе неоднократно отмечалось, что американцы и англичане перешли на новый этап межнационального противостояния. На смену военному пришло культурное и интеллектуальное соперничество. Сравнивая сочинения двух путешественников – американца Джорджа Дитсона и британца Олифанта, одновременно побывавших в Севастополе в середине XIX в., – рецензенты отмечали бóльшую наблюдательность и прозорливость американского автора, которому принадлежит не только гениальная догадка сравнить генеалогию шотландских кланов, индейских племён Америки, индусов и черкесов, но и попытка проинспектировать военные укрепления в России за несколько лет до начала Восточной (Крымской) войны. Американцы, как ревностно отмечалось в британской прессе, становятся одной из самых читающих наций. И в то время как в Великобритании тысячи книг в старых публичных библиотеках гниют на полках, американцы посылают в Англию за новыми и старыми книгами.

Новые работы о Крыме, в особенности это касается малоизвестных и не переведённых на русский язык трудов, дополняют наши знания о полуострове. Джордж Дитсон, первый американский путешественник, посетивший Восточный Крым и Черкесию, продемонстрировал огромный интерес всего мира к черноморскому региону, что позволяет в очередной раз утвердиться в мысли о роли и значении нашего полуострова для крупнейших держав мира. Изучение записок иностранцев и, что более важно, перевод их на русский язык, всецело оправданы, поскольку лишь с привлечением разнообразных источников становится возможным восстановить правдивую картину прошлого.

Список использованных источников и литературы

1. Art. IV. A Visit to Europe in 1851 by Professor Benjamin Silliman of Yale College with Illustrations. New York. 2 vols. 8vo. 1854 : [book review] // The Eclectic Review. – London, 1854. – Vol. VII. – P. 171–192.
2. Holman D. E. The Holmans in America, concerning the descendants of Solaman Holman / D. E. Holman. – New York : The Grafton Press, 1909. – Vol. 1. – 295 p.
3. Genealogical and Family History of the State of Maine, compiled under the editorial supervision of George Thomas Little, A. M., Litt. D. : [in 4 vols.] / ed. by G. T. Little, Rev. H. S. Burrage, A. R. Stubbs. – New York : Lewis historical Pub. Co., 1909. –Vol. 2. – P. 501–1050.

4. Duyckinck E. A., Duyckinck G. L. *Cyclopedia of American literature, embracing personal and critical notices of authors and selections from their writings from the earliest period to the present day* : in 2 vol. / E. A. Duyckinck, G. L. Duyckinck. – New York : Charles Scribner, 1866. – Vol. 2. – 784 p.
5. Dearborn H. A. S. *A memoir on the commerce and navigation of the Black Sea and the trade and maritime geography of Turkey and Egypt* : [in 2 vol.] / H. A. S. Dearborn. – Boston : Wells & Lilly, 1819. – Vol. 1. – 376 p.
6. Непомнящий А. А. *Мандрівництво по Криму у першій третині XIX ст. та його роль у розвитку краєзнавства та туризму* / А. А. Непомнящий // Туристично-краєзнавчі дослідження / Ін-т туризму ФПУ. – Київ, 1998. – Вип. 1 : матеріали III Всеукраїнської науково-практичної конференції «Туризм в Україні : економіка та культура» : у 2-х ч. – Ч. 2. – С. 138–144.
- Непомнюшчыу А. А. *Mandrynytstvo po Krymu u pershiy tretyni XIX st. ta yoho rol' u rozvytku kraeyznavstva ta turyzmu* / A. A. Nepomnyashchyu // Turystychno-kraeyznavchi doslidzhennya / In-t turyzmu FPU. – Kyiv, 1998. – Vyp. 1 : materialy III Vseukrayins'koyi naukovo-praktychnoyi konferentsiyi «Turyzm v Ukraini : ekonomika ta kul'tura» : u 2-kh ch. – Ch. 2. – S. 138–144.
7. Непомнящий А. А. *Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX века)* : библиография. – Киев : [б. и.], 1999. – 211 с.
- Непомнюшчыу А. А. *Zapiski puteshestvennikov i putevoditeli v razvitii istoricheskogo kraevedeniya Kryma (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XIX veka)* : bibliografiya. – Kiev : [b. i.], 1999. – 211 s.
8. Wiener L. *The First Russian Consul at Boston* / L. Wiener // *The Russian review*. – New York : The Russian Review Pub. Co., 1916. – Vol. 1. – № 3. – P. 131–140.
9. Weeder E. J. *Wilson Cary Nicholas, Jefferson's Lieutenant* : M.A. thesis / E. J. Weeder ; University of Virginia. – Charlottesville, 1946. – 144 p.
10. Паллас П. С. *Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах* / П. С. Паллас ; пер. с нем. ; отв. ред. Б. В. Левшин ; сост. Н. К. Ткачева. – М. : Наука, 1999. – 246 с. – (Сер. : «Научное наследство» ; т. 27).
- Pallas P. S. *Nablyudeniya, sdelannye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh* / P. S. Pallas ; per. s nem. ; otv. red. B. V. Levshin ; sost. N. K. Tkacheva. – M. : Nauka, 1999. – 246 s. – (Ser. : «Nauchnoe nasledstvo» ; t. 27).
11. Кёппен П. И. *О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических* / П. И. Кёппен. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1837. – 412 с.
- Керпен Р. И. *O drevnostyakh Yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh* / P. I. Keppen. – SPb. : Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1837. – 412 s.
12. Тункина И. В. *Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.)* / И. В. Тункина. – СПб. : Наука, 2002. – 676 с.
- Tunkina I. V. *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.)* / I. V. Tunkina. – SPb. : Nauka, 2002. – 676 s.
13. Ditson G. L. *Circassia : or, a tour to the Caucasus* / G. L. Ditson. – New York : Stringer & Townsend, 1850. – 453 p.
14. *Tour to the Caucasus* // *The United States Democratic Review*. – New York, 1850. – Vol. 26. – P. 164–173.
15. Ditson // *Appletons' Cyclopaedia of American Biography* : in 7 vol. / ed. by J. G. Wilson, J. Fiske. – New York : D. Appleton & Co., 1898. – Vol. II : Crane – Grimshaw. – P. 182.
16. Shavitt D. *United States Relations with Russia and the Soviet Union : a historical dictionary* / D. Shavitt. – Westport, CT : Greenwood Press, 1993. – 176 p.
17. Ditson George // *The National cyclopedia of American biography* / ed. by G. Derby, J. T. White. – New York : J. T. White & Co, 1906. – Vol. 1. – P. 440.
18. Ditson // *A library of the world's best literature* : in 46 vol. / ed. by C. D. Warner. – New York : International society, 1896. – Vol. XLII : Dictionary of Authors (A-J). – P. 146.
19. [Phillips W.] *Art. 9. – A memoir on the commerce and navigation of the Black Sea, and the trade and maritime geography of Turkey and Egypt, in two volumes, illustrated with charts. By H. A. S. Dearborn.* Boston, Wells & Lilly, 1819 // *The North American Review and miscellaneous journal*. – Boston, 1820. – Vol. X. – P. 168–183.
20. Sparks J. *Life of John Ledyard, the American traveler* / J. Sparks. – Boston : Little, Brown and Company, 1828. – 325 p.

Prochorova T. A. “The another Crimea” : the retransmission of historical myths of Russia in American literature about travels through the Crimea in the XIX century / T. A. Prochorova // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science. – 2015. – Vol. 1, No. 3. – P. 14–47.

At the turn of XVIII–XIX centuries the first travelers from America have appeared in Russia and in the Crimea – the Southern part of the vast Russian Empire. The young U.S. government had a significant interest in the Northern Black Sea region in light of the potential political and economic benefits to the American continent. The article describes the works, which came from the pen of two American travelers Henry Dearborn and George Ditson, who had created a special image of the Crimea – far and once great region, place of the existence and flourishing of the great civilizations of antiquity. The author makes an attempt to analyze the scheme of imposing a general historical myths about Russia on the Crimean reality. Travelers told to contemporaries in the writings about their time on the peninsula, what makes their work a valuable historical source, transporting us to the Crimea for two centuries ago.

Key words: Crimea travelers of the late XVIII – early XIX century, historical myths about Russia, Crimea, Simferopol, America.

УДК 902

«ПРАКТИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО КРЫМУ» ГРИГОРИЯ МОСКВИЧА КАК ИСТОЧНИК О СОСТОЯНИИ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Стельмах И. Ф.

*Крымский университет культуры, искусства и туризма
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: irinastelm@mail.ru*

«Практический путеводитель по Крыму» Григория Москвича рассматривается как элемент культуры и как издательская продукция в соответствии с современным определением путеводителя как справочника, содержащего сведения о каком-либо географическом пункте или культурно-просветительском учреждении, расположенные в порядке, удобном для следования или осмотра. Определено, что путеводитель – это, прежде всего, справочник, в котором органично сочетается практическая информация с рекламно-информационными материалами, представляющими культурно-исторические особенности определенной территории в соответствии с маршрутом следования путешественника. Москвич как один из первых организаторов российского туристического бизнеса в XIX веке создал путеводитель, вполне соответствующий требованиям XX века.

Ключевые слова: Г. Г. Москвич, путеводитель, справочник, путешественники, рекламно-информационные материалы,

Жанр путеводителя, совмещающий в себе черты справочного издания и издания для досуга с практической информацией об определенной территории, известен как одна из наиболее эффективных систем поиска информации. Согласно Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова, путеводитель – это «справочник о каком-нибудь историческом месте, музее, туристском маршруте» [1, с. 583]. В энциклопедическом словаре конца XIX в. путеводитель определен как «книга, содержащая описание какой-либо области или страны и служащая руководством для путешественников» [2, с. 411]. В XVIII–XIX веках путеводители носили названия «справочник», «дорожник», «гонец и путеуказатель», «дорожная книга», «бедекер» и др., а также сопровождалась иллюстрациями, схемами и картами. Большая советская энциклопедия в XX в. рассматривала путеводитель как краткое справочное издание по стране или городу, предназначенное главным образом для туристов и содержащее сведения о местных достопримечательностях, учреждениях культуры, путях сообщения, отелях, географических, историко-художественных и других особенностях страны [3, с. 238]. Иногда путеводителем называют издание об отдельных учреждениях культуры, научных учреждениях, библиотеках, архивах. На сегодня (в соответствии с ГОСТом 7.60 – 2003) путеводитель – это справочник, содержащий сведения о каком-либо географическом пункте или культурно-просветительском учреждении (мероприятии), расположенные в порядке, удобном для следования или осмотра. Таким образом, в соответствии с современным определением, путеводитель – это справочник, содержащий сведения о каком-либо географическом пункте или культурно-просветительском учреждении, расположенные в порядке, удобном для следования или осмотра, но, прежде всего, это справочник, в котором органично

сочетается практическая информация с рекламно-информационными материалами, представляющими культурно-исторические особенности определенной территории.

В то же время путеводитель может рассматриваться и как текст, и как элемент культуры, как своеобразная визитная карточка, обеспечивающая связь между представителями разных стран в культурном пространстве [4]. В путеводителях находят отражение ценности российской культуры. Эти ценности можно проследить на материале путеводителей по историко-культурным местам, содержащим информацию о древних полуразрушенных археологических и архитектурных сооружениях, которые стали неотъемлемой частью истории, культуры и ландшафта страны и дают возможность знакомиться с историческим и культурным наследием определенной территории. Путеводитель не только сообщает необходимые сведения о достопримечательностях, но и служит памятным сувениром и одновременно расширяет и углубляет знания читателя-туриста о самой достопримечательности в более широком контексте, об истории и культуре страны [5]. Отдельно выделялись путеводители справочного характера, в которых помещались данные по разным аспектам жизни края [6, с. 135].

Развитие книжных и журнальных изданий, в основном специализированных, путеводителей в России связано с 50-ми годами XIX столетия. В конце XIX века появились серийные путеводители. К началу XX века путеводители в России приобретают особые закономерные черты. Эти издания содержали сведения, которые были необходимы и полезны для туристов, а также служили гидом во время путешествия. Особой популярностью пользовались издания Г. Г. Москвича, и сегодня поражающие своей компактностью и насыщенностью, – удачным сочетанием различных видов информации и рекламы [7, с. 15]. Москвич был одним из первых организаторов российского туристического бизнеса: поездок на теплоходах, поездках, автомобилях, верховых лошадях, пешеходных походов; издавал справочники-путеводители, знакомящие будущих путешественников с новыми местами. В предисловии к изданному в 1888 году «Путеводителю по Крыму» Москвич указывает, что путеводители по России были редкостью и, работая с любовью 25 лет, он создал единственное в России издательство путеводителей.

Григорий Москвич родился в Ялте в 1860 году. Некоторое время жил на Кавказе, где основал экскурсионное бюро, разросшееся множеством филиалов по стране. В Санкт-Петербурге создал издательство «Русский Бедкер» (по имени немецкого книготорговца и издателя К. Бедкер). Свой первый «Практический путеводитель по Крыму» Григорий Москвич выпустил в 1888 году. Затем издавались путеводители по Кавказу, Кавказским минеральным водам, Черному морю, Москве, Одессе, Варшаве и Финляндии. Всего было выпущено 14 путеводителей, переиздававшихся 223 раза общим тиражом 825 экземпляров. Частоту переизданий обусловила популярность, которой пользовался путеводитель. Профессор А. А. Непомнящий в своих работах обращает особое внимание на то, что именно Г. Г. Москвич первым в России поставил издание путеводителей на профессиональную основу [8, с. 165].

Путеводители Москвича можно отнести к путеводителям частного характера, посвященным отдельным местностям и курортам в период, когда особую популярность приобретает Крым. Появляются издания по Алушке, Евпатории, Ялте, авторы

которых стремились доказать преимущества историко-культурного наследия и курортов Крыма перед зарубежными, привлечь публику и максимально облегчить приезжему пребывание на курорте (заранее сообщить о ценах и пансионатах, указать адреса лечебниц, порекомендовать экскурсионные маршруты).

Практический путеводитель Григория Москвича может рассматриваться и как текст, и как элемент культуры. Это не только одно из первых справочных изданий по Крыму, это первое периодическое издание о полуострове, соответствующее современным требованиям, предъявляемым к путеводителю как справочнику и как к популярному периодическому изданию для досуга. В задачи издания входил показ привычных, популярных, интересных места отдыха в Крыму; рассказ об истории не только полуострова в целом, но и отдельных населенных пунктов, памятников истории и культуры; рассказ о жизни и религии народов, населяющих Крым; показ богатств природы полуострова. Но основная направленность путеводителя заключалась в передаче исчерпывающих сведений, избавляющих туристов от произвольной траты времени и расходов, что и отражало практический характер издания.

Более подробное рассмотрение «Практического путеводителя по Крыму» позволяет выделить несколько блоков информации. Первый и наиболее объемный блок – это информация научно-популярного характера, объединяющая очерки, посвященные административному делению, истории, географии, климату, лечебным свойствам природы полуострова. Для современного исследователя и краеведа этот раздел наиболее значим. Следующий блок может быть определен как информация повседневного, бытового характера, включающая сведения о расписании поездов и пароходов, о ценах и многое другое. Для путешественника того времени, заинтересованного в экономии средств и времени, именно этот блок представлял основной интерес. Особо следует выделить раздел рекламы, имеющий большое значение для приезжающих и жителей полуострова как потенциальных потребителей рекламируемых услуг, для издателя – как источник доходов, а также для рекламодателей и производителей, заинтересованных в реализации продукции. Удачное сочетание различных блоков информации и рекламы, лежащее в основе путеводителя, и сегодня поражает своей компактностью и насыщенностью [9, с. 38–39].

Научно-популярные очерки послужили фоном для рекламы и информации бытового плана. В первое издание 1888 года вошли данные по административно-территориальному делению полуострова, сведения о географическом положении, характеристики степной и горной частей Крыма. Отдельные очерки посвящены истории, климату, системе орошения, лечебным свойствам природы. В следующих изданиях блок научно-популярной информации был дополнен очерками о флоре, фауне полуострова, народностях, населяющих Крым, основным видам деятельности и образованности населения.

К информации насущного, бытового характера могут быть отнесены именно те сведения, которые избавляли заинтересованное лицо от произвольной траты времени и расходов. В этот блок были включены характеристики всех маршрутов проезда на полуостров сухопутными и морскими путями с подробным описанием транспортных средств, их техническими характеристиками, точным временем отбытия и прибытия, расписанием движения по дням недели, с указанием цен на про-

езд в зависимости от класса; если речь шла о пароходе, то обязательно обращалось внимание читателя на режим питания и меню. В характеристику маршрута входили и описания достопримечательностей, которые путешественник мог наблюдать из окна или с палубы. В путеводителе полностью приведено зимнее и летнее расписание почтово-пассажирских рейсов пароходов Крымско-Кавказской, Азовской, Николаевской, Херсонской, Днепровско-Бугской, Черноморско-Балтийской и заграничной линий. По мере того как читатель выяснял, как и когда он может приехать на полуостров и вернуться домой, его все больше волновал вопрос пребывания в Крыму. И автор всеми силами старался избавить путешественника от проблем. Приведены характеристики маршрутов передвижения по полуострову, цены и условия использования любого транспортного средства, от парохода до дилижанса или верховой лошади, в соответствии с местностью, продолжительностью поездок, временем суток и другими деталями путешествия. В «Путеводителе» дан подробный перечень по городам и окрестностям гостиниц, пансионатов, дач, домиков внаём с точными адресами и ценами. Автор предлагает читателю адреса и прейскуранты модных, книжных, гастрономических, бакалейных и винных магазинов, книжно-газетных киосков, аптек, библиотек, парикмахерских, фотографов, портных, агентов по прокату карет, колясок, ландо, кабриолетов, экипажей, шарабанов, к услугам путешествующих – уроки живописи и прогулки верхом. Для тех, кто приехал в Крым поправить состояние здоровья, давалась исчерпывающая информация о лечебных курортах. Месторасположение, подъезды, стоимость транспортных услуг, количество номеров, ванн, подробный внутренний распорядок каждого заведения, стоимость процедур и полный перечень болезней, с которыми следует обращаться, – все эти сведения создавали живую картину лечения и отдыха на таких курортах, как Майнакское, Лиманное и Чокракско-Булганакское грязелечебные заведения.

Блок вышеприведённой информации нуждался в постоянных уточнениях и дополнениях, а заинтересованный в достоверных сведениях путешественник – в постоянных переизданиях путеводителя. Издание дополнялось и корректировалось не только автором, но и самими читателями, к которым издатель постоянно обращался с просьбой указать все погрешности, неточности и желаемые дополнения. В благодарность за замечания и дополнения высылались экземпляры путеводителей следующего издания.

Более подробно следует остановиться на разделе рекламы. В первом издании 1888 года к 220 страницам текста отдельным блоком прилагались рекламные объявления на 96 страницах [10]. В пятом издании 1896 года к тексту на 500 страницах прилагался рекламный раздел из 47 страниц. Существенное различие между путеводителями заключалось в том, что в пятом издании около ста объявлений было размещено в тексте, удачно дополняя и иллюстрируя рассказы о городах и населённых пунктах Крыма. Интересен процесс размещения объявлений, оплата за которые производилась не заранее, а после выхода путеводителя, по счету, представленному рекламодателю вместе с экземпляром путеводителя.

Григорий Москвич также активно занимался саморекламой. На страницах издания всегда указывались места, где можно было приобрести путеводитель: вокзалы железной дороги по пути от Петербурга до Севастополя, крымские пароходы,

швейцары всех крымских гостиниц, магазины Петербурга, Москвы, Варшавы, Харькова, Киева, Одессы [11, с. 80]. В рекламных объявлениях автор предлагал свои услуги по предоставлению сведений и справок о Крыме в частном порядке, подписке на газеты, приему объявлений для размещения в любой газете России или за рубежом, посредника при продаже, покупке, аренде, найму дач, имений и квартир, по отправке южнобережных вин.

Возвращаясь к блоку научно-популярных очерков, следует более подробно остановиться на истории Крыма и личности составителя и издателя. В процессе работы изменяется отношение автора к полуострову, и наиболее ярко отражены эти изменения именно в историческом очерке. По мере углубления в историю Крыма неприязнь Москвича к некоторым городам сменяется восторженностью, на смену коммерсанту приходит лирик, очарованный Крымом. Ярким примером тому служит описание Симферополя. В 1888 году Москвич пишет, что Симферополь не представляет никакого интереса ни для туристов, ни для больных, чем вводит в заблуждение неискушенного путешественника. Среди достопримечательностей города отмечены обелиск в память Долгорукова, сады Стевена, городской и Воронцовский бульвары, Ак-Мечеть и остатки жилища Калги-Султана. Спустя 8 лет в издании 1896 года автор пишет о том, что Симферополю даны все шансы на жизнь богатую и полезную, описывает Симферополь как город идеальной чистоты, местности и воздуха. Перечень достопримечательностей значительно расширился за счет Неаполя Скифского, имения Балашовой «Салгирка», сиротского дома имени филантропа Фабра, музея древностей и ряда других памятников.

От общих исторических зарисовок автор переходит к истории отдельных городов и их окрестностей. При описании Севастополя небольшой очерк посвящен Георгиевскому монастырю, в котором использованы цитаты из «Очерков Крыма» Евг. Маркова. В разделе «Осмотр окрестностей» даны описания Херсонеса, Инкермана, монастыря Святого Георгия. Текст, посвященный Балаклаве, из простого описательного превращается в яркий, образный, насыщенный эпитетами и сравнениями, сухая констатация фактов превращена автором в живое яркое полотно событий. Следует обратить внимание на то, что описания отдельных городов часто перемежаются критическими замечаниями в адрес городских властей, которые не следят за сохранением городов.

В целом в исторический очерк вошли описательные статьи, посвященные большинству городов Крыма. Путешествие в Евпаторию и ее окрестности сопровождается рекомендацией посетить развалины древней крепости и мечеть Джума-Джами. Следующим объектом посещения стала Керчь, внимание читателя обращено на церковь Иоанна Предтечи. Описывая Золотой и Мелек-Чесменский курганы Керченского полуострова, автор сравнивает их с египетскими пирамидами. Следующая страница – Феодосия, основная достопримечательность которой галерея Айвазовского [12, с. 96]. Отдельные разделы посвящены восточному колориту Карасубазара и столице ханов – Старому Крыму. Ярким и живым городом с живописными улочками, как один из немногих сохранивших мусульманские нравы, предстает перед нами Бахчисарай, в окрестностях которого путешественник может посетить Успенский монастырь, Чуфут-Кале, Иосафатову долину, Тепе-Кермен, Качи-

Кальон, скит святой Анастасии, Мангуп-Кале [13]. Характеристика и описание южного берега являет собой заключительную часть общего очерка о Крыме. Южный берег определяется узкой полосой от Байдарских ворот до Кучук-Узеня [14, с. 97]. Автор описывает климат Южного берега, растительность, обращает внимание на лечебные свойства горного воздуха, напитанного запахом сосны. Характеристика Ялты включает географическое описание старого и нового городов, перечень улиц, гостиниц, дач, звучат критические замечания в адрес некоторых дачевладельцев, предлагаются маршруты прогулок по Ялте. За описанием Ялты следуют описания Ялты, Ливадии, Ореанды, Айтадора, Гаспры, Кореиза, Мисхора, Алупки, Гурзуфа, Никитского сада и других достопримечательностей Крыма [15].

Анализ материала рекламно-информационного справочника по Крыму – «Практического путеводителя по Крыму» Григория Москвича – показал принципиально новый вариант путеводителя. При различном объеме содержания и целевой установке консервативная, базовая часть всех изданий одинакова и составляет основную часть путеводителя. Она включает историческую справку, описание достопримечательностей, карту, информацию о месторасположении, времени и стоимости посещения, экскурсионных программах, гостиницах, ресторанах. Вариативный блок информации представлен в путеводителе за счет значительного расширения консервативной части информационными и рекламными блоками. В справочно-описательном издании путеводителя Москвича содержится также и информация культурологического плана, расширяющая знания читателя-туриста.

Выступая в роли справочника, путеводитель Москвича представляет информацию в удобной для быстрого получения форме. Фактический материал является достоверным и актуальным. Тексты путеводителя, как правило, систематизируются в соответствии с целями, определенными изданием. Как рекламное издание путеводитель обладает сигнальной и экспрессивной функциями, привлекающими туристов и посетителей к определенному месту, памятнику, достопримечательности. Более того, путеводитель обладает рядом специфических черт. Первая – иерархичность материала в период отбора и иерархия уже внутри отобранного материала. Вторая специфическая черта путеводителя – идеологичность, которая проявляется в формировании образа описываемой местности. Григорием Москвичом активно использовался прием мифологизации местности, что было характерно для путеводителей XIX века. Немного приукрашенная действительность должна была заинтриговать читателя и сформировать позитивное мнение. Третья особенность – диалогичность. Путеводитель выступал в роли своеобразного собеседника. Москвич специально провоцировал читателя к диалогу, оставляя пустые листы для заметок, на которых путешественник мог поделиться своими впечатлениями и почувствовать себя не просто читателем, а непосредственным участником событий и собеседником.

Текст путеводителя, представляя Крым XIX века, в то же время отражает культуру этого времени, характеризуется связностью, целостностью, информативностью. Рекламный стиль путеводителя представляет собой самостоятельное функционально-стилевое образование.

Таким образом, известный краевед, издатель и путешественник Григорий Москвич в конце XIX века создал путеводитель, соответствовавший требованиям, ко-

торые были точно сформулированы в стандартах конца XX века. Удобное справочное издание содержало сведения о географических пунктах, исторических памятниках, местах, подходящих для остановки и проживания, расположенные в порядке, удобном для следования или осмотра.

Список использованных источников и литературы

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 28 е изд., перераб. – М.: ООО «Издательство «Мир и Образование»; ООО «Издательство Ониск», 2012. – 1376 с.
Ozhegov S. I. Tolkovij slovar' russkogo yazyka: Ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenij / S. I. Ozhegov; pod red. prof. L. I. Skvorcova. – 28 e izd., pererab. – M.: ООО «Izdatel'stvo «Mir i Obrazovanie»; ООО «Izdatel'stvo Oniks», 2012. – 1376 s.
2. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андриевского, К. К. Арсеньева, проф. Ф. Ф. Петрушевского. Т. XXV. – Санкт-Петербург: тип.-лит. И. А. Ефрона, 1898. – 480 с.
Enciklopedicheskij slovar' / pod red. prof. I. E. Andrievskogo, K. K. Arsen'eva, prof. F. F. Petrushevskogo. T. XXV. – Sankt-Peterburg: tip.-lit. I. A. Efrona, 1898. – 480 s.
3. Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. – М.: «Советская энциклопедия», 1975. – 640 с.
Bol'shaya sovetskaya ehnciklopediya. – 3-e izd. – M.: «Sovetskaya ehnciklopediya», 1975. – 640 s.
4. Курортный олимп // Издательский дом «Кonti-Пресс» [Электронный ресурс]. URL : <http://www.kontipress.ru/?pid=8> (дата обращения 14.11.2015)
Kurortnyj olimp // Izdatel'skij dom «Konti-Press» [EHlektronnyj resurs]. URL : <http://www.kontipress.ru/?pid=8> (data obrashcheniya 14.11.2015).
5. Лобин А. М. Анализ концепции периодических изданий: Методические указания для студентов специальности «Издательское дело и редактирование» [Электронный ресурс]. URL : <http://window.edu.ru/library/pdf2txt/828/71828/49096/page2> (дата обращения 22.09.2015).
Lobin A.M. Analiz koncepcii periodicheskikh izdaniy: Metodicheskie ukazaniya dlya studentov special'nosti «Izdatel'skoe delo i redaktirovanie» [EHlektronnyj resurs]. URL : <http://window.edu.ru/library/pdf2txt/828/71828/49096/page2> (data obrashcheniya 22.09.2015).
6. Молочко Е. В. Путеводители второй половины XIX – начала XX века как форма популяризации памятников истории и культуры Крыма [Электронный ресурс] / Е. В. Молочко // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. – Т. 23 (62), № 1. – 2010. – С. 133–139.
Molochko E. V. Putevoditeli vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka kak forma populyarizacii pamyatnikov istorii i kul'tury Kryma [EHlektronnyj resurs] / E. V. Molochko // Uchenye zapiski TNU im. V. I. Vernadskogo. – T. 23 (62), № 1. – 2010. – S. 133–139.
7. Стельмах И. Ф. Единственный в своем роде // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. – Симферополь, 1996. – № 13. – С. 15–20.
Stel'mah I. F. Edinstvennyj v svoem rode // Izvestiya Krymskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeya. – Simferopol', 1996. – № 13. – S. 15–20.
8. Непомнящий А. А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX века) / А. А. Непомнящий; Институт української археографії та джерелознавства НАН України. – Київ, 1999. – 212 с. – (Серия: Научно-справочные издания по истории Украины; вып. 46).
Nepomnyashchij A. A. Zapiski puteshestvennikov i putevoditeli v razvitii istoricheskogo kraevedeniya Kryma (poslednyaya tret' XVIII - nachalo XX veka) / A. A. Nepomnyashchij. – Kiiv : Institut ukrains'koї arheografii ta dzhereleznavstva NAN Ukraїni, 1999. – 212 s.
9. Москвич Г. Практический путеводитель по Крыму. – 14-е изд. – Одесса : Типография Л. Нитча, 1905. – 204 с.
Moskvich G. Prakticheskij putevoditel' po Krymu. – 14-e izd. – Odessa : Tipografija L. Nitcha, 1905. – 204 s.
10. Москвич Г. Практический путеводитель по Крыму. – Одесса : Типо-хромолитография К. И. Фесенко, 1888. – 227 с.
Moskvich G. Prakticheskij putevoditel' po Krymu. – Odessa : Tipo-hromo-litografiya K. I. Fesenko, 1888. – 227 s.

11. Москвич Г. Практический путеводитель по Крыму. – 6-е изд. – Одесса : Центральная типография, 1897. – 450 с.
Moskvich G. Prakticheskij putevoditel' po Krymu. – 6-e izd. – Odessa : Central'naya tipografiya, 1897. – 450 s.
12. Москвич Г. Практический путеводитель по Крыму. – 11-е изд. – Одесса : Типография Л. Нитча, 1902. – 296 с.
Moskvich G. Prakticheskij putevoditel' po Krymu. – 11-e izd. – Odessa : Tipografiya L. Nitcha, 1902. – 296 s.
13. Москвич Г. Практический путеводитель по Крыму. – 12-е изд. – Одесса : Типография Л. Нитча, 1903. – 335 с.
Moskvich G. Prakticheskij putevoditel' po Krymu. – 12-e izd. – Odessa : Tipografiya L. Nitcha, 1903. – 335 s.
14. Москвич Г. Практический путеводитель по Крыму. – 19-е изд. – Одесса : Типография и стереотипия И. Копельмана, 1910. – 335 с.
Moskvich G. Prakticheskij putevoditel' po Krymu. – 19-e izd. – Odessa : Tipografiya i stereotipiya I. Kopel'mana, 1910. – 335 s.
15. Москвич Г. Практический путеводитель по Крыму. – 24-е изд. – С.-Петербург. : Редакция «Путеводителей», 1912. – 312 с.
Moskvich G. Prakticheskij putevoditel' po Krymu. – 24-e izd. – S.-Peterburg. : Redakciya «Putevoditelej», 1912. – 312 s.

Stelmach I. F. // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science. – 2015. – Vol. 1, No. 3. – P. 48–55.

A practical guide Gregory Muscovite is considered as an element of culture and as a publishing product in accordance with the modern definition of the guide as the guide contains information on any geographical or cultural-educational institution, located in the order convenient for follow-up or inspection. It is determined that the guide is primarily a reference book which combines practical information with advertising and information materials representing the cultural-historical peculiarities of a certain territory in accordance with the itinerary of the traveler. Muscovite as one of the first organizers of the Russian tourist business in the nineteenth century created the guide perfectly meets the requirements of the twentieth century.

Key words: G. G. Moskvich, guide, directory, business, advertising and information materials.

УДК 930.24 (477.75)+94(477.75).207

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПОКАЗАНИЯ СУДАКСКОГО СИНАКСАРИЯ И ДАТИРОВАНИЕ КРЫМСКОГО ПОХОДА БАТЯЯ

Цыб С. В.^{1,2}, Чичинов В. А.²

¹ *Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ*

² *Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация
E-mail: info@asara.ru, chi4inov.vlad@yandex.ru*

В середине XIX в. ученые нашли церковную книгу Синаксарий, которая на протяжении XII–XV вв. использовалась в служебных ритуалах церкви св. Софии в крымском городе Судак. На полях страниц этой книги разные поколения священников делали приписки, в которых отмечали современные им события. Приписки помещались рядом с календарными датами Синаксария, которые совпадали с датами событий и, кроме того, сопровождались дополнительными хронологическими элементами (номера лет, дни недели, элементы пасхального счета). В 1863 г. начальник Русской Духовной Миссии на Святой Земле архимандрит Антонин опубликовал все приписки вместе с собственным переводом и комментариями. Авторы этой статьи поставили задачу осуществить анализ хронологических элементов, входящих в состав приписок, а также применить результаты этого анализа для уточнения хронологии похода монголов в Крым и на Южную Русь. Исследование хронологических показаний приписок показало, что большинство из них были вычислены по годам константинопольской эры летосчисления, и эти годы начинались с сентября 5509 года до Рождества Христова. Одна из приписок (№ 10) датирует 26 декабря 6747 (1238) г. появление у городских стен воинов монгольского хана Батая. Большинство русских летописей датируют начало похода монголов на Южную Русь 6747 г., не указывая каких-то календарных дат. Только две летописи (Летопись Авраамки и Псковская 1-я летопись) указывают даты штурма двух городов Южной Руси (Переяславль-Русский – 3 марта; Чернигов – 18 октября). Сравнение даты Синаксария с сообщениями русских летописей позволяет следующим образом выстроить очередность событий: декабрь 1238 г. – вторжение монголов в Крым; 3 марта 1239 г. – захват монголами г. Переяславль-Русский; 18 октября 1239 г. – захват г. Чернигов; зима 1239–1240 г. – поход монголов на Мордовскую землю. В этой хронологической схеме новым моментом является установление факта вторжения Батая в Крым еще накануне похода в Южную Русь, тогда как историки всегда считали, что Крым был покорен моголами во время этого похода.

Ключевые слова: Судак, Синаксарий, хронология, приписки, летописи, монголы, нашествие, Южная Русь, Крым.

Датирование одного из самых трагических событий отечественной истории – монгольского нашествия – до сих пор остается приблизительным, поскольку историки продолжают полагаться на выводы своих предшественников, возникшие еще в XIX в. и основанные на поверхностных знаниях о правилах счета времени, отразившихся на страницах древнерусских текстов. Только недавно в ходе специального историко-хронологического исследования было установлено, что наши привычные взгляды на датировку северорусского похода Батая нуждаются в серьезной корректировке [1; 2], а точное время южнорусской монгольской экспедиции так и остается неустановленным. Не выяснен также и вопрос о хронологическом соотношении продвижения монгольских войск по Южной Руси со вторжением завоевателей в Крым. Традиционно, еще со времен Н. М. Карамзина, нападению на полуостров не находилось места при описании монгольских завоеваний в междуречье Волги и Днестра (сравни.: [3, с. 9–12; 4, с. 46–47]). Во всех учебных и справочных историче-

ских картах стрелки, показывающие направление походов Батя, проходят севернее Крыма. Лишь в конце 60-х гг. XX в. историки «вспомнили» о нем и без долгих раздумий отвели завоеванию Крыма промежуток времени между захватом монголами первых городов русского Юго-Востока (Переяславль-Русский, Чернигов) и осадой Киева [5, с. 34; 6, с. 196–197]. Задачей настоящего исследования является реконструкция достоверной хронологии вторжения монголов в Южную Русь и Крым с помощью сравнения датирующих показаний русских летописей и едва ли не единственного «внешнего», по отношению к ним, источника – богослужебной книги Синаксарий из крымского г. Судака.

1. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПРИПИСОК СИНАКСАРИЯ

В 40-х гг. XIX в. в библиотеке богословской школы на турецком острове Хейбелиада ученые обнаружили харатейную рукописную книгу на греческом языке, которая была написана еще в XII-м столетии в крымском городе Сугдея (ныне – Судак). В научной литературе за этой книгой закрепилось название Синаксария, хотя правильной было бы отнести ее к типу Прологов, поскольку она представляет собой собрание синаксариев (исторических сведений о каком-либо православном празднике или о каком-то святом), расположенных в последовательном хронологическом порядке по дням юлианского календаря. Книга дефектна: первые листы утеряны, и начинается сохранившаяся рукопись не с сентября, а с середины декабря. По всей видимости, книга на протяжении нескольких столетий практически использовалась в службе кафедрального Софийского собора г. Судак, потому как круг упомянутых в ее приписках лиц не ограничен представителями какого-то одного церковного заведения: здесь упоминаются и судакские архиепископы (приписки №№ 1, 18, 19, 44, 85, 101), и синопский епископ (№ 43), и архиепископ кавказский (№ 87), и рядовое сугдейское духовенство (№№ 4, 7, 9, 14–16, 23 и др.), разные городские церковные объекты (№№ 17, 43, 103, 151, 184), в том числе и Софийская церковь (№№ 1, 103, 135, 190), многочисленные горожане и представители высшей городской администрации (№№ 8, 24, 48, 56, 65 и др.). Наконец, автор одной из приписок (№ 11) отмечал, что его рукоположили в священнический сан как раз в стенах Софийского собора.

Упомянутые приписки и представляют собой главную историко-хронологическую ценность данного памятника. Размещались они на полях Синаксария рядом с теми его календарными датами, которые совпадали с юлианскими числами приписанных сообщений. Содержание большинства из них некрологическое, но также встречаются праздничные (освящения храмов, церковные ритуалы) и трагические (нашествия врагов, природные катаклизмы) сообщения, описания различных эпизодов из истории города, нравоучительные рассуждения и пр.

В 1863 г. начальник Русской Духовной Миссии на Святой Земле архимандрит Антонин (А. И. Капустин) опубликовал все читаемые приписки Синаксария вместе с собственным переводом и комментариями в «Записках Одесского Общества истории и древностей» [7]. Мы полагаемся на греческую транскрипцию, перевод и нумерацию приписок Антонина, тем более, что нам интересны, прежде всего, историко-хронологические показания записей и их пояснения публикатором, которые оказываются в целом верными и нуждаются только в некотором дополнении и исправ-

лении. Сразу отметим две принципиальные ошибки автора публикации. Анализируя приписку № 47, которая содержала такие хронологические элементы – «...μηνὶ φεβρουάριου τῆς β' ἡμέρας τοῦ ψ' αἰῶνος...» – месяца февраля 12 (дня), индиктиона 15, 6750 (1242) года, ... в среду», - архимандрит почему-то указал, что в 1242 г. (он соответствует 6750 г. от Сотворения мира; далее – С. М.) 12 февраля было четвергом, что позволило ему сделать вывод об ошибочности этой записи [7, с. 603], хотя на самом деле в том году двенадцатый февральский день как раз и был средой. В другом случае (приписка № 7 у даты 22 декабря), трактуя хронологическое показание, не содержащее номера года («...κβ. ἡμέρα εἰς ἡμέρας...» - ...22, в пятницу, индикта 11, год...»), Антонин предположил, что годовое обозначение могло выражаться числом 6820 или 6866, хотя в действительности набор возможных вариантов можно расширить (6732 и 6911 гг.).

Хронологический диапазон приписок широк: самая ранняя (№ 52) относится к середине 80-х гг. XII в., позднейшая (№ 4) – к концу второго десятилетия XV в. Одна из заметок (№ 135), описывающая перестройку Софийского храма, по своей дате претендует на глубокую древность («ἐν τῷ σταθμῷ...» – в 6301 (793) г.» [7, с. 615]), но она, без сомнения, носит ретроспективный характер. Большинство приписок содержат номера лет от С. М. (160 из 194, опубликованных Антонином), причем, в 11-и случаях отсутствие годовых номеров объясняется дефектностью сохранившихся записей. Сочетание годовых дат с юлианскими календарными числами само по себе не дает оснований для точного перевода старинной хронологии на современный счет времени, но такая возможность появляется в тех случаях, когда рядом с годовыми и юлианскими показаниями авторы приписок помещали дополнительные элементы датирования (дни недели, индикты, Круги Луны и Солнца), образуя тем самым сложные хронологические комплексы.

Такие комплексы на страницах Синаксария мы встречаем 41 раз. Абсолютное их большинство (39) указывает на то, что разные поколения авторов приписок последовательно применяли так называемую константинопольскую эру летосчисления, полагавшую от С. М. до Рождества Христова (далее Р. Х.) 5509 лет. Впрочем, для архимандрита Антонина такой вывод и не требовал каких-либо доказательств, поскольку историко-хронологическая наука середины XIX в. пока еще была уверена в неизменном господстве в православной письменности константинопольского счета лет, начиная с ранневизантийских времен и заканчивая современностью. Эта уверенность позволила Антонину даже реконструировать недостающее число единиц в годовой дате «...ἡμέρας τῆς β' τοῦ ψ' αἰῶνος...» – ...индикт 12, 679(2) г.» из приписки № 102 [7, с. 611].

В двух случаях, однако, такой определенности у публикатора приписок не было. Запись № 13, соединенная на страницах Синаксария с числом 29 декабря, содержала следующие датирующие элементы: «...ἡμέρας τῆς εἰς ἡμέρας...» – ...года 6915 (1407), индиктиона 5». Совершенно справедливо отметив, что 6915-у константинопольскому году должен соответствовать не 5-й, а 15-й индикт, Антонин предположил ошибку в обозначении номера индикта: невнимательный автор при написании числа 15 (15) пропустил десятковую цифру 1 (10) [7, с. 598], и это объяснение представляется весьма вероятным. Затруднения вызвали также хронологические показания

приписки № 167: «...μηνὶ ἰυλίῳ εἰς τὰς κβ ἐν ἡμέρα κυριακῆ... ἐπὶ ἔτους ζσϛβ... - ...месяца июля 22 числа, в воскресенье,... в 6842 (1334) г.». Совершенно справедливо отметив, что в 6842-м константинопольском году 22 июля не было воскресным днем (добавим, 22 июля было в том году пятницей), в качестве поправки Антонин предложил ближайший год с подобным сочетанием юлианских и недельных элементов – 6849 (1341) г. [7, с. 619]. С этим можно согласиться, но остается неясным, почему вместо правильного 6849-го номера года на полях Синаксария был записан все же 6842-й? Конечно, если бы речь шла о копировании какой-то ранней записи, можно было предположить, что переписчик перепутал нечетко написанную в протографе последнюю годовую цифру Ϡ (9) с цифрой β (2), но графическая первичность судакских приписок исключает такую возможность. Единственным приемлемым объяснением становится предположение об использовании в этой записи не константинопольского, а антиохийского счета лет (от С. М. до Р.Х. 5500 лет), по схеме которого 6842 г. от С. М. близок 1341 г. от Р.Х., хотя и не совпадает с ним идеально. Не вдаваясь в детали соотнесения антиохийского, константинопольского и современного летосчислений (об этом см.: [8, с. 183–191]), отметим, все же, что в приписках 30-х гг. XIV в. мы можем ожидать обнаружения каких-то оригинальных времяисчислительных элементов.

Вопрос о календарном стиле судакских приписок перед архимандритом Антонином не стоял, поскольку он исходил из того, что в церковной письменности непременно применялся служебный сентябрьский стиль, тем более, что сама книга Синаксария начиналась сентябрем и заканчивалась августом. Историко-хронологический анализ приписок в целом подтверждает это мнение. Записи, помещенные в начальной части Синаксария (декабрь – февраль включительно), соответствующей первой половине сентябрьского года (сентябрь – февраль), по сочетанию хронологических элементов могут быть уверенно отнесены к сентябрьским годам константинопольской эры (29 декабря 6915 г., индикт 15; 3–4 января 6810 г., индикт 15; 18 января 6821 г., индикт 11; 18 января 6722 г., индикт 2; 12 февраля 6750 г., среда, индикт 15; 15 февраля 6694 г., индикт 4). С позиций современного уровня историко-хронологического знания, мы можем предполагать и ультрамартовскую принадлежность этих показаний. Во времена архимандрита Антонина переменное старшинство мартовского и сентябрьского годов еще не было признано ученым миром, хотя его «коллега» по Одесскому обществу истории и древностей, московский любитель хронологии П. В. Хавский активно отстаивал это мнение в научных дискуссиях [9, с. 55–66]. Впрочем, дальнейшие записи на полях Синаксария, помещенные во второй половине книги (март–август), исключают возможность использования ультрамартовского новогодия, поскольку могут быть отнесены к годам сентябрьского или мартовского календарных стилей: 2 марта 6811 г., индикт 1; 2 марта 6813 г., индикт 3; 13 марта 6785 г., индикт 5; 14 марта 6853 г., понедельник; 21 марта 6775 г., индикт 10; 25 марта 6770 г., индикт 5; 26 марта 6783 г., индикт 3; 6 апреля 6800 г., Круг Луны 17, Круг Солнца 24 (реконструкция Антонина); 20 апреля 6815 г., индикт 5; 24 апреля 6847 г., суббота, индикт 7; 25 апреля 6792 г., индикт 12; 3 мая 6797 г., индикт 2; 7 мая 6822 г., вторник, индикт 12; 17 мая 6816 г., индикт 6; 24 мая 6835 г., индикт 10; 25 мая 6781 г., индикт 1; 25 мая 6782 г., индикт 2; 26 мая

6727 г., в воскресенье Пятидесятницы, индикт 7; 28 мая 6786 г., индикт 6; 6 июня 6785 г., индикт 5; 6 июня 6895 г., четверг; 19 июня 6819 г., индикт 9; 1 июля 6812 г., индикт 2; 9 июля 6786 г., индикт 6; 18 июля 6852 г., воскресенье; 11 июля 6772 г., индикт 7; 1 августа 6778 г., индикт 13; 8 августа 6830 г., воскресенье; 9 августа 6770 г., индикт 5. Таким образом, присутствие в обеих полугодových частях книги календарных показаний сентябрьского года указывает на преимущественное употребление авторами приписок именно этого календарного стиля.

Этот вывод подтверждают и астрономические сведения судакских записей. Так, например, приписка № 51 содержит такое сообщение: «ἡ Ἑκλειψις ἔγινε τῆς σεληνῆς νύκτι ἕως ὥρας Θ´. ἰνδ. δ´ τοῦ ζψεϑ. – было затмение Луны ночью до часа 9-го, индикта 4, года 6799 (1291)» [7, с. 605]. Здесь описывалось лунное затмение 14 февраля 1291 г., отмеченное в русских летописях под тем же самым 6799 или под 6798 г. [10, с. 192], что подтверждает установленную нами хронологическую характеристику приписок Синаксария. Этот вывод дополняют и описания солнечного затмения 1 апреля 6769 (1261) г. (приписка № 86) и лунного затмения 30 апреля 6800 (1292) г. (№ 175) [7, с. 603, 620].

Наш вывод о преобладании в приписках сентябрьских календарных элементов подтверждает еще один фрагмент текста Синаксария, не замеченный, кстати, архимандритом Антонином. Прекрасно разобравшись в причине несовпадения нескольких относительных показаний о времени основания города (приписки №№ 61–63 к дате Синаксария 29 февраля), публикатор почему-то оставил без внимания датирующие показания последней из этих записей (№ 63): «...ἔτη ζεῖθ ἰνδ δ. κυκλ ☉ γ. κυκλ ☾ γ. Θεμ ζ, –...6919 (1411) г., индиктиона 4, круг солнца 3, круг луны 3, основание 6» [7, с. 605]. Рядом с безупречным сочетанием таких хронологических элементов, как 6919-й номер года от С. М., индикт 4, Круг Солнца 3 и Круг Луны 3, указывающих, кстати, на использование в этой записи сентябрьского или мартовского календарных стилей, проставлен 6-й номер Основания, который, согласно схеме греко-российской Пасхалии, должен сопровождать не 3-й, а 6-й Круг Луны [8, табл. 17]. Несоответствие объясняется тем, что под старинным названием Основание (Θεμ), заимствованным из архаичной сиро-византийской пасхалистики, здесь указывался номер Эпакты из другого, не менее древнего, александрийского варианта пасхальных расчетов (о соотношении Оснований и Эпакт в восточнохристианской Пасхалии см.: [8, с. 237]). Самое примечательное здесь то, что 6-я Эпакта должна соответствовать 4-у, а не 3-у Кругу Луны, как это отмечается в судакской записи, но только в случае мартовской календарной принадлежности обоих пасхальных элементов (Круг Луны и Эпакта); совмещение же 6-го номера Основания с 6919-м годом от С. М. и 3-м номером Круга Луны указывает на то, что этот год был не мартовским, и совсем не ультрамартовским, а именно сентябрьским.

Среди безусловно господствующих элементов сентябрьского календарного стиля мы можем отметить в приписках Синаксария два исключения, не замеченные архимандритом Антонином. В первой сентябрьско-февральской половине книги к календарному числу 20 февраля в середине XIV в. была сделана приписка о смерти некоей Ирины, дочери Василия (№ 57), с такими хронологическими элементами:

«Τῆ αὐτῆ ἡμέρα... ἡμέρα β ἔτους ζω̄νυ... - в тот же день,... в понедельник, года 6813 (1345)» [7, с. 604]. Не случайно, вероятно, Антонин оставил это (и следующее) сообщение без историко-хронологического комментария, потому что этот случай, без сомнения, противоречил его воззрениям: 20 февраля было понедельником не в 1345 г., как это предполагала ультрамартовско-сентябрьская принадлежность всех прочих приписок первой половины Синаксария, а годом позже, в 1346 г., что без сомнений указывает на употребление в дате приписки мартовского календарного стиля. Следующая запись о смерти Мелеки, дочери попа Антония (№ 58), сделанная тем же автором, дословно повторяла те же самые элементы мартовского года [7, с. 604], тем самым подтверждая совсем не случайное их присутствие на страницах служебного текста. Вспомним, что в одной из записей середины XIV в. (№ 167) мы уже отметили отступление от константинопольского сентябрьского времяисчислительного стандарта, и, по всей видимости, эти факты не случайны и свидетельствуют о каких-то особых событиях в истории церковной организации Судака, происшедших в 40-е гг. XIV-го столетия.

Хронологическая характеристика приписок судакского Синаксария позволяет нам использовать их информацию для уточнения датирования русско-монгольских военных конфликтов в 20-е – 30-е гг. XIII в. Такую возможность предоставляют две записи. Первая – приписка № 33 к дате 27 января: «Τῆ αὐτῆ ἡμέρα ἦλθ(ον) οἱ πρῶτα οἱ τάταροι τοῦ ζω̄λα ἔτ. – в тот же день пришли впервые татары 6731 (1223) года» [7, с. 601]. В свое время к ее информации обращался А.Б. Салтыков, пробуя доказать невозможность датирования первой русско-монгольской битвы на р. Калке 1223-м годом. Пересчитав дату Синаксария как 27 января 1223 г. (сделано это было, правда, произвольно) и, ссылаясь на сообщение арабского автора Ибн-аль-Асира о долгом пребывании монголов в Половецких степях после нашествия в Крым и накануне военного столкновения с русскими, А.Б. Салтыков отнес Калкскую битву к 1224 г. [11, с. 9–12]. Наши выводы помогают укрепить мнение о несостоятельности общепринятой в современном научном мире версии датирования битвы на Калке (31 мая 1223 г.), поскольку запись о появлении монголов под стенами Судака без какого-либо сомнения может быть отнесена к 27 января 1223 г. (подробнее о всех сложностях этой историко-хронологической проблемы см.: [12, р. 1–18]).

Другое известие монгольской тематики содержит приписка № 10, сделанная рядом с чтениями Синаксария под датой 26 декабря: «Τῆ αὐτῆ ἡμέρα ἦλ(θ). τάταροι οἱ βευτρῆ. τοῦ ζω̄μζ ἔτ. – в тот же день пришли впервые татары ... 6747 (1238) года» [7, с. 597]. Это сообщение переносит нас во времена нашествия Батые; не случайно, видимо, Антонин написал в комментарии к этой приписке: «Племенное имя Татар (имелось ввиду слово “βευτρῆ” – С. Ц., В. Ч.) подлежит историческому исследованию. Нет ли в нем созвучия с именем Батые?» [7, с. 597].

2. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПОКАЗАНИЯ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

Большинство русских летописных источников относят начало военных действий монголов в южнорусских землях к 6747 г. от С. М., и лишь два памятника содержат оригинальные показания. Ипатьевская летопись датирует это событие двумя годами раньше, но такая дата не вызывает у исследователей никакого доверия, по-

бѣжить от страха» [16, с. 144]. Такой же рассказ мы встречаем в Львовской, Ермолинской, Симеоновской, Типографской и Никоновской летописях, в Московском летописном своде конца XV в. и, в урезанном виде, в новгородо-софийских сводах.

Сходство двух вариантов не вызывает сомнений, что позволяет предполагать их текстологическую связь (краткая редакция списана с пространной, или же, что вероятнее, обе они имели общий протограф), но несомненен также и факт отсутствия в этой линии передачи исторической информации каких-либо точных временных ориентиров. Единственное хронологическое показание этого рассказа имеет относительную форму («на зиму взяша Татарове Мордовьскую землю...», «на ту же зиму взяша Татарове Мордовьскую землю...») и дает возможность считать, что разорение завоевателями Днепровского левобережья состоялось раньше зимнего вторжения в Поволжье.

Конкретизировать хронологию начала южнорусского похода, казалось бы, позволяют сведения двух других летописных памятников. В Летописи Авраамки пишется: «В лѣто 6747. Взяха Татарове Переяславль, Марта 3. Того же лѣта взяша Татарове Черниговъ, Октября 18...», правда, вслед за тем помещено известие из окончания северорусского похода Батыя: «...и ходиша до Игнача креста» [17, с. 51]. Очевидно, эти известия являются сокращенным вариантом того текста, что отразился в Псковской 1-й летописи: «И по Рязаньском взятии на другое лѣто Переславль Руский взять бысть в средокрестныя недели в четверг месяца марта въ 3 день... Того же лѣта, на осень, град Черниговъ взять бысть от Тотар от царя Батыя, месяца октябрья во 18 день, во вторникъ» [18, с. 11, 12]. Недостающий абсолютный номер года можно восстановить от помещенного далее и находящегося явно не на своем месте такого сообщения: «В лѣто 6746. Прииде царь Батыи ратию и силою Татарьскою на землю Рускую, и плѣниша грады многи, и идоша и до Игнаца креста, и ту взвратишася» [18, с. 12]; здесь весьма кратко описывается нашествие монголов на Северную Русь, следовательно, фраза Псковской летописи «и по Рязаньском взятии на другое лѣто» означает 6747 г. Кстати, помещенное в окончании второго «псковского» фрагмента известие об «Игнаце кресте» объясняет появление «Игнача креста» в 6747 г. Летописи Авраамки после описания захвата юго-восточных русских городов.

Историко-хронологический анализ этих известий («в средокрестныя недели в четверг месяца марта въ 3 день», «месяца октябрья во 18 день, во вторникъ») указывает на применение здесь мартовских годов константинопольской эры, что заставляет считать временем взятия двух юго-восточных русских городов 3 марта и 18 октября 1239 г.

Могут возникнуть определенные сомнения в точности именно такого пересчета летописных дат. Конечно же, оба памятника (Летопись Авраамки и Псковская 1-я летопись) имели общий протограф южнорусского (?) происхождения, и каждый из них мог по-своему исказить его показания. На первый взгляд, кажется, что летописный сборник второй половины XV в., именуемый Летописью Авраамки, сократил важнейшие хронологические показания протографа («в средокрестныя недели в четверг», «во вторникъ»), сохраненные Псковской летописью, но, с другой стороны,

контекст их расположения в северо-западном источнике заставляет усомниться в их первичности. Известие о походах Батые, происходивших в 6747 г., вставлено без годового номера в летописную статью 6738 г., затем следует участок текста с грубыми нарушениями правильной хронологической последовательности: после связанных известий 6851-6856 гг. следует вновь 6747 г., потом – 6746 (!), 6748, 6749, 6744 (!) и вновь 6747 г. Этих нарушений нет в сборнике XV в., где, кроме того, целостней и подробнее излагается рассказ о взятии монголами Киева (сравни: [17, с. 51; 18, с. 12–13]). Сравнение известий о южнорусских действиях Батые из разных списках Псковской 1-й летописи оставляет нас в неведении об их первоначальном виде: так, в Тихановском списке не говорится о том, что Переяславль-Русский был взят «на другое лѣто» после Рязани, а в Архивском 1-м списке отсутствует указание четверга при юлианской дате «месяца марта въ 3 день» [18, с. 11, прим. 51, 55]. Тем не менее, с определенной долей условности мы можем, все же, воспринимать монгольские известия Псковской 1-й летописи в качестве «опорных» ориентиров для построения выводов.

Главный из них заключается в том, что совмещение хронологии Псковской летописи и судакского Синаксария заставляет считать ошибочным традиционное мнение о вторжении монголов в Крым уже в ходе их военных действий на Юго-Востоке Руси, потому как события выстраиваются в следующей последовательности: 26 декабря 1238 г. – появление завоевателей под стенами Судака; 3 марта 1239 г. – захват Переяславля-Русского; 18 октября 1239 г. – штурм Чернигова; зима 1239–1240 гг. – разорение Мордовской земли, Муром и Гороховца.

Представление о вторжении монголов в Крым как о побочном эпизоде южнорусского похода Батые сложилось в исторической науке под воздействием двух принципиальных, но при этом умозрительно определенных позиций. Во-первых, все историки были уверены в том, что завоевание русских земель было главной целью военной экспансии монголов в Восточную Европу, поэтому любые географические отклонения от «магистрального» пути следования завоевателей воспринимались как случайные и посторонние события. Этот своеобразный и малопонятный патриотизм приводил ученых к выводу о том, что обитатели русских земель были не только главными жертвами, но и основными противниками завоевателей. Начало этой версии положил едва ли не наш великий поэт, написавший в 1836 г.: «Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена» [19, с. 596-597]. Мы прекрасно знаем, что А. С. Пушкин ошибался: русские земли не смогли «поглотить» азиатскую экспансию, и завоеватели все же перешли «наши западные границы» и лишь по случайному стечению обстоятельств вернулись назад, но совсем не «в свои пустыни». Необоснованность выделения русских приоритетов в восточноевропейских завоеваниях потомков Чингиз-хана достаточно убедительно доказал недавно петербургский исследователь Ю. В. Кривошеев [20, с. 136–138, 158–164].

Настолько же неуместным являлось и представление монгольских завоеваний в виде последовательного и едва ли не планомерного присоединения новых районов к имперской территории. В реальности западная экспансия чередовала события раз-

личной временной и географической интенсивности, перемежая периоды быстрого продвижения огромных коллективов вооруженных людей с эпизодами затишья военных действий, когда завоеватели «осваивали» новые пространства в форме их усиленного грабежа с целью пополнить ресурсы и обеспечить тыловую безопасность в дальнейшем. В этом смысле северорусский поход Батыя действительно выглядит стремительным рейдом (срок – 4 месяца) в Верхнее Поволжье, после которого сразу же началось многомесячное «освоение» огромной территории, простиравшейся на сотни верст к северу и югу от Оки. По сведениям Рашид-ад-Дина, уже на Владимирской земле, только что разоренной завоевателями, состоялся курултай участвовавших в походе Чингизидов, решивших «идти туменами облавой и всякий город, область и крепость, которые им встретятся, брать и разрушать» [21, с. 39]. Эти разнонаправленные потоки «облавы», автономные на протяжении многих месяцев, в 1238 г. постепенно стекались в междуречье среднего и нижнего течения Волги и Дона, где Батый разместил свою основную «базу» для проведения дальнейших завоеваний.

По всей видимости, уже тогда хан принял решение основать в этом районе место своего постоянного обитания в «послевоенные» времена и предпринимал какие-то действия по восстановлению недавно им же самим разоренной местности. Со всем не случайно Рашид-ад-Дин сообщал: «Тогда они (монголы после северорусского похода) расположились *в домах* (вставка и курсив наши. – С. Ц., В. Ч.) и отдохнули» [21, с. 39]. Опять же не случайно именно сюда Батый целенаправленно поспешил вернуться из западноевропейского похода в 1242 г., получив известие о смене власти в Каракоруме. Придание этому району «столичного статуса» потребовало обеспечить безопасность его границ, тем более, что в самом ближайшем будущем хану предстояло покинуть его на неопределенное время. Неприкосновенность северных границ будущего Сарайского улуса Золотой Орды была обеспечена предыдущим разорением Волжской Булгарии и Северо-Восточной Руси, наведением порядка на юге активно занимались в 1238–1239 гг. родственники Батыя (их деятельность описывалась Рашид-ад-Дином после северорусского похода [21, с. 39–40]), а вторжения в Крым и в Днепровское Левобережье гарантировали безопасность западного направления. Крымский и днепровские походы не предполагали территориальной аннексии, их целью было создание «зоны безопасности», своеобразной нейтральной полосы на границах базового региона. Не случайно, описывая разорение Переяславля-Русского и Чернигова, многие русские летописи, и не только те, что передают самый популярный рассказ, намекают на то, что Батый лично не участвовал в этих экспедициях и обходился силами специальных карательных отрядов: Ипатьевская летопись – «...поча посылати на градъ Роусьскые. и взать градъ Переяславль... в то же время посла на Черниговъ...» [13, стб. 781, 782]; Воскресенская летопись – «...нача Батый посылати на грады Рускіа; послани же Батыеви, пришедше в Русь, взяша градъ Переяславль... иную же рать посла на Черниговъ; пришедше же послани оступиша градъ Черниговъ въ силѣ тяжцѣ...», [16, с. 144], также в Львовской, Симеоновской, Ермолинской, Новгородской 4-й, Софийской 1-й и Никоновской летописях, в Московском своде конца XV в. и в Тверском сборнике [22, с. 158; 23, с. 60; 24, с. 77; 25, с. 222, 223; 26, стб. 300; 27, с. 114; 28, с. 130]. Па-

мятники, которые не упоминают о батыевых посланниках, подобно Лаврентьевской летописи пишут о том, что после каждого из трех походов (на Переяславль, на Чернигов и в Мордовскую землю) враги «ѡидоша» и «идоша в станы своѡ» [15, стб. 469, 470; 28, с. 77; 29, с. 319, 320]. Почти во всех названных источниках специально подчеркивается факт послания «иных», по сравнению с предыдущим походом, воинских отрядов. Именно такой специально сформированный монгольский отряд и совершил в декабре 1238 г. набег на Крымский полуостров, открывавший серию превентивных действий по созданию «зоны безопасности» на западных границах нового улуса. Череда таких походов завершилась год спустя зимним нападением на Мордовию, Муром и Гороховец; опять же по причине ошибочных представлений о четкой географической последовательности монгольских завоеваний, это событие произвольно относилось к началу 1238 г. [5, с. 34; 6, с. 169], хотя все летописи согласно друг с другом отводят ему место вслед за разорением Переяславля-Русского и Чернигова.

Список использованных источников и литературы

1. Гартман А.В., Цыб С.В. Хронология похода Батыя на Северную Русь / А. В. Гартман // *Palaeoslavica*. – Cambridge – Massachusetts, 2012. – Vol. 20, № 1. – С. 83–133.
2. Gartman A. V., Tsyb S. V. Chronologiya pochoda Batyia na Severnyiu Rus' / A. V. Gartman // *Palaeoslavica*. – Cambridge – Massachusetts, 2012. – Vol. 20, № 1. – P. 83–133.
3. Гартман А.В., Цыб С.В. Монгольское нашествие на Северную Русь: Хронология исторических событий / А. В. Гартман. – Барнаул: Изд-во Алтайского госуд. ун-та, 2013.
4. Gartman A. V., Tsyb S. V. Mongolskoe naschestvie na Severnyiu Rus': Chronologiya istoricheskikh sobytii / A. V. Gartman. – Barnaul: Izd-vo Altaiskogo gosud. un-ta, 2013.
5. Карамзин Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – М.: Наука, 1992. – Т. 4.
6. Karamzin N. M. Istoria gosudarstva Rossiiskogo / N. M. Karamzin. – M.: Nauka, 1992. – T. 4.
7. Черепнин Л. В. Борьба русского народа с ордами Батыя / Л. В. Черепнин // История СССР с древнейших времен до наших дней. – М.: Наука, 1966. – Т. 2.
8. Cherepnin L. V. Bor'ba russkogo naroda s ordami Batyia / L. V. Cherepnin // *Istoria SSSR s drevneishchikh vremen do naschich dnei*. – M.: Nauka, 1966. – T. 2.
9. Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: Феодальная Русь и кочевники / В. В. Каргалов. – М.: Высшая школа, 1967.
10. Kargalov V. V. Vneshnepoliticheskie factory razvitiya feodalnoi Rusi: Feodalnaia Rus' i kochevniki / V. V. Kargalov. – M.: Vyschaia schkola, 1967.
11. Черепнин Л. В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) / Л. В. Черепнин // Татаро-монголы в Азии и Европе / отв. ред. С. Л. Тихвинский. – М., 1977. – С. 185–207.
12. Cherepnin L. V. Mongolo-tatary na Rusi (XIII v.) / L. V. Cherepnin // *Tataro-mongoly v Azii i Evrope / otv. red. S. L. Tichvinskii*. – M., 1977. – P. 185–207.
13. Антонин (Капустин А. И.), архимандрит. Заметки XII–XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судак), приписанные на греческом Синаксаре / Антонин (А. И. Капустин) // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1863. – Т. 5. – С. 595–628.
14. Antonin (Kapustin A. I.), arhimandrit. Zametki XII–XV veka, odnosyashiesya k krymskomu gorodu Sug-dee (Sudak), pripisannye na grecheskom Sinaksare / Antonin (A. I. Kapustin) // *Zapiski Odesskogo obshestva istorii i drevnostey*. – Odessa, 1863. – T. 5. – P. 595–628.
15. Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет» / С. В. Цыб. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2011.
16. Tsyb S. V. Drevnerusskoe vremyaistchislenie v "Povesti vremennykh let" / S. V. Tsyb. – SPb.: Dmitriy Bulanin, 2011.
17. Кайгородова Т.В., Цыб С.В. Историческая хронология в России в XVIII - начале XX в. / Т. В. Кайгородова. – Барнаул: Азбука, 2011.

**ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПОКАЗАНИЯ СУДАКСКОГО СИНАКСАРИЯ
И ДАТИРОВАНИЕ КРЫМСКОГО ПОХОДА БАТЬЯ**

Kaigorodova T. V., Tsyb S. V. *Istoricheskaia chronologia v Rossii v XVIII – nachale XX v.* / T. V. Kaigorodova. – Barnaul: Azbuka, 2011.

10. Святский Д. О. *Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения* / Д. О. Святский // *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук.* – СПб., 1915. – Т. 20, кн. 2. – С. 193–288.

Sviatskii D. O. *Astronomicheskie iavlenia v russkikh letopisiach s nauchno-kriticheskoj točki zrenia* / D. O. Sviatskii // *Izvestia Otdelenia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk.* – SPb., 1915. – T. 20, kn. 2. – P. 193–288.

11. Салтыков А. Б. *Хронология битвы на р. Калке* / А. Б. Салтыков // *Ученые записки института истории Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.* – М., 1929. – Т. 4. – С. 5–12.

Saltykov A. B. *Chronologia bitvy na r. Kalke* / A. B. Saltykov // *Uchenye zapiski instituta istorii Rossijskoj Assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk.* – M., 1929. – T. 4. – P. 5–12.

12. Гартман А. В., Цыб С. В. *Хронология первых русско-монгольских сражений* / А. В. Гартман // *Palaeoslavica.* – Cambridge - Massachusetts, 2009. – Vol. 17. № 1. – С. 1–27.

Gartman A. V., Tsyb S. V. *Chronologia pervykh russko-mongolskych srajenii* / A. V. Gartman // *Palaeoslavica.* – Cambridge - Massachusetts, 2009. – Vol. 17. № 1. – P. 1–27.

13. *Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ).* – М.: Языки славянской культуры, 2001. – Т. 2.

Polnoie sobranie russkikh letopisei (next – PSRL). – M.: Iazyki slavianskoj kultury, 2001. – T. 2.

14. ПСРЛ. – Л.: Наука, 1982. – Т. 37.

PSRL. – L.: Nauka, 1982. – T. 37.

15. ПСРЛ. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – Т. 1.

PSRL. – M.: Izd-vo vostochnoi literatury, 1962. – T. 1.

16. ПСРЛ. – СПб., 1856. – Т. 7.

PSRL. – SPb., 1856. – T. 7.

17. ПСРЛ. – М.: Языки русской культуры, 2000. – Т. 16.

PSRL. – M.: Iazyki russkoj kultury, 2000. – T. 16.

18. *Псковские летописи* / приг. к печати А. Н. Насонов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – Вып. 1.

Pskovskie letopisi / prig. k pečati A. N. Nasonov. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR. 1941. – Vyp. 1.

19. *Пушкин А. С. Полное собрание сочинений* / А. С. Пушкин. – М.: Наука, 1966. – Т. 10.

Puschkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenii* / A. S. Puschkin. – M.: Nauka, 1966. – T. 10.

20. *Кривошеев Ю. В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси* / Ю. В. Кривошеев. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2003.

Krivoscheev J. V. *Rus' i mongoly: Issledovania po istorii Severo-Vostochnoi Rusi* / J. V. Krivoscheev. – SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2003.

21. *Рашид-ад-Дин. Сборник летописей* / Рашид-ад-Дин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1966. – Ч. 2.

Raschid-ad-Din. *Sbornik letopisei* / Raschid-ad-Din. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1966. – Ch. 2.

22. ПСРЛ. – СПб., 1910. – Т. 12, ч. 1.

PSRL. – SPb., 1910. – T. 12, ch. 1.

23. ПСРЛ. – СПб., 1913. – Т. 18.

PSRL. – SPb., 1913. – T. 12.

24. ПСРЛ. – СПб., 1910. – Т. 23.

PSRL. – SPb., 1910. – T. 23.

25. ПСРЛ. – Пгр., 1915. – Т. 4, вып. 1.

PSRL. – Pgr., 1915. – T. 4, vyp. 1.

26. ПСРЛ. – М.: Языки русской культуры, 2001. – Т. 6, вып. 1.

PSRL. – M.: Iazyki russkoj kultury, 2001. – T. 6, vyp. 1.

27. ПСРЛ. – СПб., 1885. – Т. 10.

PSRL. – SPb., 1885. – T. 10.

28. ПСРЛ. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 25.

PSRL. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1949. – T. 25.

29. *Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста.* – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Priselkov M. D. *Troitskaia letopis: Rekonstruktsia teksta.* – M.: L.: Izd-vo AN SSSR, 1950.

Tsyb S. V., Chichinov V. A. Chronological additions of Synaxarion from Sudak and date of Batu's campaign to the Crimea // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science. – 2015. – Vol. 1, No. 3. – P. 56–68.

In the middle of the XIX century scientists found the church book Synaxarion which for the XII-XV centuries was used in office rituals of church of St. Sofia in the Crimean city Sudak. On the fields of that books pages different generations of priests put addition in which they marked contemporary modern to them events. Additions were written near the calendar dates of Synaxarion which coincided with dates of events and, besides, were followed by additional chronological elements (numbers of years, days of the week, elements of the Easter calculation). In 1863 the chief of the Russian Spiritual Mission on the Holy Land archimandrite Antonin published all additions together with the own translation and comments. Authors of this article set the task to carry out the analysis of the chronological elements which are a part of additions and also to apply the results of this analysis to the specification of the chronology of a campaign of the Mongols to the Crimea and to the Southern Russia. Research of the chronological indications of additions showed that the majority of them were calculated by years of a Constantinople era of chronology, and these years began from September of 5509 B.C. One of the additions (No. 10) emergence in city walls of teams of the Mongolian khan Batu dates on December 26, 6747 (1238). The majority of the Russian chronicles date the beginning of a campaign the Mongols to the Southern Russia in 6747, without specifying any calendar dates. Only two chronicles (Letopis Avraamki and Pskovskaia 1st letopis) specify the dates of the storm of two cities of the Southern Russia (Pereyaslavl-Russian – on March 3; Chernigov – on October 18). The sequence of the events allows to build comparison of the date of Synaxarion with the messages of the Russian chronicles as follows: December, 1238 – invasion of the Mongols into the Crimea; on March 3, 1239 – capture by Mongols of the Pereyaslavl-Russian; on October 18, 1239 – capture of Chernigov; winter of 1239–1240 – a campaign of the Mongols on the Mordovian land. In this chronological scheme the new moment is the establishment of the fact of Batu invasion into the Crimea on the eve of the campaign to the Southern Russia whereas the historians always considered that the Crimea was subdued by the Moguls during that campaign.

Keywords: Sudak, Synaxarion, chronology, additions, chronicles, Mongols, invasion, Southern Russia, Crimea.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

УДК 908=03(093)(47)=(1-82)

**ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА АБДУЛЬ ТЕЙФУК
В ВОЕННОЙ ПЕРЕПИСКЕ
(ДОКУМЕНТЫ ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ ИСТОРИИ КРЫМСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ В. И. ВЕРНАДСКОГО)**

Орехов В. В., Юнусов Ш. Э.

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: v-orehov@mail.ru*

Впервые публикуются уникальные документы, хранящиеся в фондах музея истории Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского и проливающие свет на факты биографии выпускника университета Героя Советского Союза Абдуля Тейфука.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, история, Крым, Абдуль Тейфук.

Абдуль Тейфук родился 24 декабря 1915 г. в Партените в семье ветерана русско-японской войны. У Тейфука было двое братьев – Али и Мустафа, и три сестры – Васфие, Фатьма и Лютфие. После смерти отца (1921 г.) шестерых детей воспитывала мама – Айше.

Как следует из автобиографии, в 1932 г. Абдуль Тейфук окончил семилетку и поступил в Ялтинский педагогический техникум, из которого вышел, получив звание народного учителя. С 1935 по 1937 г. работал сельским учителем (с. Ускут, ныне – Приветное), с 1937 по январь 1938 г. – заведующим начальной школой (с. Курру-Узень, ныне – Солнечногорское), затем, с января 1938 по ноябрь 1939 г. – школьным инспектором в отделе народного просвещения Алуштинского района. Работу Абдуль Тейфук совмещал с дальнейшим обучением: в 1935 г. он поступил в Крымский пединститут им. М. В. Фрунзе (ныне – Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского), который окончил в 1939 г.

В том же году был призван в армию. 12 июня 1941 г. окончил Орловское военное пехотное училище. На фронте – с первого дня войны.

Воевал на Западном, Юго-Западном, Калининском, Донском, Степном и Втором Украинском фронтах. Прошел путь от рядового до командира батальона. Пять раз был ранен, дважды – тяжело. Награжден орденом Ленина, орденами Красного знамени, Отечественной войны первой и второй степени, медалями. Звание Героя Советского Союза присвоено 20 декабря 1943 г. за мужество, проявленное в боях за Днепр.

В битве за Днепр Абдуль Тейфук командовал 2-м стрелковым батальоном 175-го гвардейского стрелкового полка 58-й гвардейской стрелковой дивизии 57-й армии. Вот выдержка из наградного листа, составленного командиром 175-го полка

гвардии полковником В. И. Былинкиным: «Тов. Абдуль, командуя 2 стрелковым батальоном, произвел 24 и 25 сентября 43 г. умелый маневр, в результате чего упорное сопротивление противника в р-не Шульговки и Яковлевки Петриковского р-на Днепропетровской области было сломлено. Полк продвинулся вперед на 10-12 км и прочно закрепился на левом берегу Днепра. 26.9.43 г., имея уверенность в победе и располагая подручными средствами для переправы, (Абдуль Тейфук. – В. О.) форсировал р. Днепр без потерь в личном составе и закрепился на Пушкаревском острове, организовал очистку и броском под прикрытием дымовой завесы с батальоном достиг восточной окраины с. Пушкаревки.

Благодаря этому полк имел основательный плацдарм на правом берегу р. Днепр для развития дальнейшего наступления на г. Верхнеднепровск.

В результате ожесточенных боев было уничтожено до 750 солдат и офицеров противника, 12 минометов, 42 легких и станковых пулеметов, 800 винтовок и выведены из строя 2 орудия».

Сухие формулировки рапорта не могут в полной мере передать современному читателю драматизм тех событий. Потому стоит прибавить несколько подробностей:

1). Захват 2-м батальоном Пушкаревского острова был вопросом жизненно важным, поскольку позволял значительно обезопасить переправу всего 175-го полка (в том числе техники) на правый хорошо укрепленный противником берег Днепра.

2). «Подручные средства», о которых упомянул полковник В. И. Былинкин и которые позволили Абдулю без потерь добраться до острова, представляли собой не специально подготовленные приспособления, а зарядные ящики и бревна, наспех собранные в округе и обеспечившие скрытную переправу бойцов.

3). На острове был размещен гарнизон противника, который был истреблен переправившимся батальоном Абдуля Тейфука – до единого солдата.

4). Остров батальону Абдуля Тейфука пришлось оборонять 18 суток, не имея при этом достаточного снабжения.

5). Оборона острова от десанта противника перерастала порой в рукопашные схватки, во время которых Абдуль Тейфук воодушевлял подчиненных собственным примером.

6). Дымовая завеса, организованная перед атакой 2-го батальона на восточную окраину с. Пушкаревки, была инициативой самого комбата и единственной возможностью вытеснить с позиций превосходящие силы противника.

7). После описанных сражений батальон Абдуля Тейфука насчитывал в строю всего 12 бойцов.

Даже после столь значительных потерь батальон Абдуля Тейфука не был расформирован. Он пополнился бойцами и продолжил путь на запад. Командир батальона после днепровских боев окажется в госпитале, но потом снова вернется на фронт.

В марте 1945 г. на территории Германии гвардии майор командир батальона Абдуль Тейфук лично возглавил разведгруппу. Во время этой операции 18 марта он погиб вместе со своими бойцами.

Могила Абдуля Тейфука находится во Львове на Холме Славы¹.

У Абдуля Тейфука остались вдова Мария Степановна Кочкина. Она была лейтенантом медицинской службы, начальником медицинского полка и стрелковой дивизии Юго-Западного фронта² [2, с. 150]. Видимо, знакомство Абдуля Тейфука и Марии Кочкиной произошло на фронте, и в боевых условиях состоялась свадьба. В уже цитированном нами наградном листе указано, что М. С. Кочкина является женой Абдуля Тейфука. 12 июня 1944 г. у молодоженов родился сын Юрий, которого Абдуль Тейфук так и не успел увидеть.

Сын Абдуля Тейфука – Юрий Абдуль – по примеру отца стал военным. Ныне он полковник медицинской службы, доктор медицинских наук, живет в Санкт-Петербурге.

В мае 2010 г. Юрий Тейфукович Абдуль и его сын Темир посетили родной для Абдуля Тейфука Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского (в далеком прошлом – Крымский государственный педагогический институт им. М. В. Фрунзе, а ныне – Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского).

В том же году по инициативе ректора Таврического национального университета Н. В. Багрова у вуза появились крепкие связи с той ветвью семьи Абдуля Тейфука, которая ныне живет в с. Доброе Симферопольского района. Племянница Абдуля Тейфука Алиме Исмаилова передала в музей истории ТНУ целый ряд уникальных документов из семейного архива: 8 подлинников писем, открывающих нам подробности биографии Абдуля Тейфука; оригинал похоронного свидетельства, отправленного матери Абдуля Тейфука 4 мая 1945 г.; более 2 десятков фотографий, среди которых есть и фронтовые фотографии Абдуля Тейфука.

Располагая этим бесценным архивом, мы сочли своим долгом познакомить читателей «Исторического наследия Крыма» с содержанием перечисленных документов, сохраняя особенности лексики, по возможности – грамматические обороты и знаки препинания, использованные в письмах.

Письмо Абдуля Тейфука матери и сестре (б.д.)¹

Здравствуйте, дорогая мамочка и сестренка Лютфие!

Передавая свой теплый привет Вам и всем остальным – сестре, зятю, семье дяди (по отцу – Ш. Ю.), Али ага и всем соседям; сообщаю, что чувствую себя прекрасно.

¹ Биография Абдуля Тейфука реконструирована по следующим источникам: Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь в двух томах. – М., 1987-1988. – Т. 1. – С. 18; *Рокотов Г. Н.* Холм Славы. Путеводитель. – Львов, 1974. – С. 61-63; *Юрьев П.* Отвлекающий маневр // Звезды немеркнущей славы: Очерки о крымчанах – Героях Советского Союза. – Симферополь, 1984. – С. 20-24; *Велиев А.* Герои бессмертны. Крымские татары во Второй мировой войне. Том 1. – Симферополь, 2009. – С. 62-67; *Пупкова Н.* Три освободителя // Крымская правда. – 28 октября 2014. – №196 (25979). С. 3; Боевой путь Абдуль Тейфука // Сайт «ANA URT» <http://anaurt.com/qrt/boevoy-put-abdul-teyfuka>; Наградное лист на звание Героя Советского Союза // Сайт памяти – Победа! <http://pobeda.oper.ru/news/read.php?t=105160625>.

² См.: *Ишутин О. С.* Из истории медицинской службы Минского Суворовского военного училища. В связи с 60-летним юбилеем училища // Военная медицина. – 2013. – №4. – С. 150.

Мама, если спросите обо мне, то знайте, что я чувствую себя очень хорошо и «работаю» как и прежде.

После того как выписался из Рязанского госпиталя, был отправлен на Запад. Однако на этот раз нахожусь вдали от врага. Вы за меня не беспокойтесь. Буду писать по мере изменения адреса.

Мама, как только получите это письмо, отстучите телеграмму. Не знаю, получите Вы мои письма или нет. Я свой денежный аттестат или 2/3 своих денег переписал на твое имя. Однако не ведаю, получили ли Вы мое заказное письмо с денежным аттестатом. Если получите, то ежемесячно, начиная с сентября месяца, получайте по 500 рублей. Кроме этого, я отправил 2100 р. из города Рязани. Всего я Вам переслал 3 денежных перевода. Отвечая на это письмо, сообщите, сколько денежных переводов Вы получили. На этом свое короткое письмо заканчиваю теплым приветом (ввиду ветхости бумаги и особенностей почерка отдельные слова не прочитываются – Ш. Ю.).

Из Рязанской области. До востребования Абдуль Тейфук.

[Приписано сбоку страницы] Если не сможете получить отправленный мной денежный аттестат и 2100 руб. денег, сделайте запрос в Рязанский обл. военкомат, поскольку о своем обратном адресе я оповестил Рязан. обл. военкомат.

Комментарий:

1. Текст письма приводится в переводе с крымскотатарского языка.

Письмо Абдулю Тейфуку (27.10.43).

Привет из Казахстана!

Здравствуй уважаемый воин нашей славной Красной Армии, герой Отечественной войны Тейфук, «Кардашим»¹!

Поздравляю тебя <с> правительственной наградой и военным званием и желаю еще больших успехов в твоей военной жизни.

Толя! Я твое письмо получила 22/X.43 г. и очень-очень обрадовалась. Давно от тебя письма не было. Но я от Нариджан знала, что ты жив-здоров. Я тоже жив<a>-здорова<a>.

Толя! мне пришлось очень много пережить. Нам пришлось отступать очень [неразб.]. Немец был 18 км [неразб.]. Чтобы не остаться у зверей, я шла пешком 500 км. Вещей у нас не было. Словом, что было у меня и брата, в том и вышли. Но не дала догнать зверям. В Баку жили 5 дней. Тогда 3 раза звонила в Агдам² узнать об Ахмедовой и поехать к ним жить. Не удалось, и переплыла Каспий – доехала до Юж. Казах. области. Устроилась на работу в д/дом и так работаю. Воспитываю одних мальчиков. Их у меня 36 человек. Работаю днем и ночью, чтобы вырастить и воспитать смелых здоровых воинов. Это письмо пишу в корпусе мальчиков. Они спят – я дежурная и от радости сижу до 2-х часов, пишу письмо другу.

Толя, твоя последняя фраза в письме от 10.9.43. меня очень насмешила. Вот она: «Катя! Если этот раз тоже от тебя письма не будет, то все с вами. Толя». Нет, Толя, еще не все со мной. Ведь наша дружба – настоящая длительная комсомольская дружба. Она родилась на основе общественной политической жизни нашей страны в мирное время и растет в дни Отечественной войны. Наша дружба должна

помогать и помогает в деле разгрома проклятого врага и победы над фашизмом. Так, Толя! Со мной еще не все. Мне тоже очень радостно от тебя из фронта письмо получить.

В этом ни я, ни ты не виноваты. Виновата война. Я очень много писала и 3 раза фото послала. Видно, до тебя не дошло. Но я <за> тебя спокойная была. Каждый месяц от Нариджана получала письмо, и <в> каждом письме твой новый адрес был, и <по> каждому адресу я писала 3-4 письма.

Я получаю письмо от Хайрулаева³, Джелилева Ифта⁴ – зав. райфо Алушты. Они находятся в г. Сочи. Адрес ихний [неразб.] Кавказ, Сочи, Крымсовнарком, такому-то.

Письмо получила от Салиева – <в> данное время в армии. В г. Сочи прибыли из Крыма партизаны, и они очень жуткие вещи рассказывают. И наши крымские писатели находятся в г. Сочи, сочинили стихи. На следующем письме напишу ихние тексты.

Тейфук! Как освободим Крым, я дам телеграмму Васфие апте⁵, что ты жив-здорв и дам твой последний адрес.

Тейфук, «Кардашим»! [Далее текст письма приводится в переводе с крымско-татарского языка]. Я была уверена в том, что на твоей груди будет государственная награда. Эту награду ты должен был получить в 38 году, однако из-за неповоротливости районных организаций она задержалась (учительская награда).

Тейфук, если можно, сфотографируйся в новой форме и отправь мне. Я все свои новые фотографии тебе переслала. Получили? Для более близкого знакомства с Нариджан отправила фотографию и ей. Скоро отправлю еще одну, хотя и не очень красивую. А ты обязательно перешли. Письмо, отправленное тобой из Солнечногорска, до сих пор лежит. Как только поеду в Крым, передам твою фотографию твоей семье.

Жизнь моя идет своим чередом. Прошлый год выдался сложным. Огород вспахала. Наш д/дом богатый. Нет никакой информации ни от сестры, ни от родных. В Советском Союзе остались только мы с тобой (из родных). Живем победами нашей Красной Армии.

Тейфук! С учетом времени доставки твоего письма ты, видимо, находишься весьма далеко от меня. Письмо шло 40 дней. Если не ошибаюсь, ты уже близко к Берлину (строка не прочитывается, поскольку изогнута бумага. – Ш. Ю.). Я очень хочу вернуться в Крым. Каждый день во сне вижу Крым. А я тебя еще до получения письма видела в белом одеянии в нашем Алуштинском доме, читающим газету.

Тейфук! Я знаю, что тебе, наверняка, некогда читать письма. Но очень прошу, подробно напиши о себе, о здоровье и изменениях в твоей жизни, пиши, не стеснясь (подробно напиши о награде). Скорее напиши письмо.

Заканчиваю писать, сестра Хатидже Меннове (? – Ш. Ю.)

[Дописано сверху последней страницы] Передавай мой пламенный привет всем-всем бойцам, командирам и т.д.

Комментарий:

1. Корень слова «кардашим» является общим для многих тюркских народов, буквально – «единоутробник». Так, у ногайцев кардаш – «родственник», «брат», «младший брат»; у казахов кардаш – «брат»; у крымских татар кьардаш – «брат

(младший)», «сестра (младшая)» (Отаров И. М. Основные проблемы лексикологии карачаево-балкарского языка. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. д. ф. н. по спец. 10.02.06. – тюркские языки. – Нальчик, 1997. – С. 25). Слово «кардашим» заимствовано либо из турецкого языка (Kardaşım – брат), либо из азербайджанского (Qardaşım – брат). В обоих языках «кардашим» зачастую используется в качестве обращения – «брат». Учитывая ситуацию, описанную далее в письме, логично предположить, что адресант Абдуля Тейфука, недавно побывав в Азербайджане, заимствовала слово именно из азербайджанского языка.

2. Агдам – город в Равнинном Карабахе неподалеку от Степанакерта.

3. Хайрулаев (Хайруллаев) Исмаил (Иззет) р. в 1907 г в с. Сейтлер-Вакуф (ныне с. Разливы Нижнегорского р-на), ум. в 1980 г. в г. Сухуми. Был председателем Алуштинского райисполкома. В декабре 1943 г. был с Большой земли заброшен в леса Крыма, стал комиссаром 22 отряда 6 бригады (10.01.44-24.01.44), затем – комиссаром 4 бригады Южного соединения партизан, член Крымского штаба партизанского движения, отличился в боях (См.: Мальгин А. В. Партизанское движение Крыма и «татарский вопрос». 1941 – 1944 гг. – Симферополь, 2009. – С. 112, 143, 170; Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым: Кн. 3. – Симферополь, 2006. – С. 17).

4. Джелилев Ифта с 1937 г. возглавлял финансовый отдел Алуштинского райисполкома (райфо Алушты), после войны был в Средней Азии одним из активистов национального движения крымских татар (Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым: Кн. 3. – Симферополь, 2006. – С. 17), похоронен в с. Чистенькое Симферопольского района.

5. «Апте» по-крымскотатарски – старшая сестра. Речь идет о сестре Абдуля Тейфука.

Письмо Абдулю Тейфуку от сослуживца Танта́на Ниязи (29.12.43)

Привет из фронта.

29.12.43 г.

Добрый день, дорогой брат Анатолий! Во первых строках своего письма я хочу вам написать несколько слов о своем здоровье. Я пока жив и здоров. Желая тебе такого здоровья, которое имею я в настоящее время. Анатолий! От души поздравляю вас с высокой правительственной наградой. С присвоением вам звания (Герой Советского Союза) с вручением Ордена Ленина и медали Золотой Звезды. Так, на вечере встрече Героев я заменял тебя, напился до пьяна – за ваше здоровье. Скорей выздоравливайся.

Анатолий, первой по списку в газете – твоя фамилия, которое (так в тексте. – В. О.) мне очень обрадовала.

Анатолий! Сегодня, 28 числа, мы выслали конника до Маруси¹, чтобы получить адрес твой. Вот Шаповалов мне адрес <дал>, и я сейчас уже пишу тебе письмо.

Абдуль! Напиши, какова (так в тексте. – В. О.) у вас сейчас здоровья; пропиши, как можешь.

Губанов и Усеев выехали учиться, теперь совсем другие люди. Да, Тейфук, немало не дождал, мы бы погуляли вместе. Позавчера пришлось делать (Янтых²) и долго тебя вспоминали за столом.

Абдуль, я сейчас живу хорошо. Мне на днях из самого высшего хозяйства для того, чтобы <мне> перейти к ним. Два дня спорили, а Былинкин³ не отпускает. Он им сказал: если его от меня берете, то уберите и меня отсюда.

На этом я думаю кончить свое маленькое письмо и желаю тебе хорошей встречи нового 1944 года, <в> который будет окончательный разгром гитлеровской банды и очищение от немецкой нечисти солнечной горы (Аюдага); еще мы с тобой придем, и нас будут неожиданно принимать <как> самых дорогих гостей.

Пока всего хорошего!

С приветом твой двоюродный брат Тантана Николай.

ТН 59217

Комментарий:

1. Возможно, речь идет о Марии Степановне Кочкиной, жене Абдуля Тейфука.
2. Янтых (янтык) – традиционное блюдо крымских татар – чебуреки, приготовленные на сухой сковородке.
3. Былинкин В. И. – гвардии полковник, командир 175-го гвардейского стрелкового полка.

Письмо Абдулю Тейфуку от личного состава операционного взвода [б. д.]

Привет Герою Советского Союза гв. капитану Абдулю Тейфуку!!

Тов. Абдуль, мы получили письмо, написанное Вами 23/ХІІ.43, которое нас очень обрадовало, и мы от всей душ благодарим Вас, наш дорогой герой. Мы очень рады, что Вы не забыли наш единый операционный взвод. Нас очень обрадовало и до глубины души взволновало известие о присвоении Вам Правительством такого высокого звания. Оно по заслугам оценило ваши героические подвиги, которые Вы совершили в боях за свою любимую Родину с извергами рода человеческого. Желаем Вам, наш дорогой герой, быстрейшего выздоровления и скорого возвращения к нам, в нашу родную дивизию, для того чтобы снова вместе с нами в одних рядах окончательно добить фашистского зверя.

Весь личный состав нашего взвода просит Вас написать нам письмо, где сообщить о Вашем здоровье. Жизнь нашего батальона и взвода имеет большие изменения, обо всем этом расскажет Вам (далее строка была зачеркнута карандашом другого цвета, а потом – вырвана из письма – В. О.).

Тов. Абдуль, прошу по улучшению состояния здоровья выехать в солнечную Грузию в г. Лагодехи¹ и вместе с моим отцом поднять бокал и произнести тост за наши общие славные дела, за любимого вождя т. Сталина, за славный и кропотливый труд тыла, а также выпить за наш операционный взвод, за его работу по оказанию помощи раненым бойцам и командирам Кр. Армии.

Будьте здоровы. Крепко жмем Вам руку. С приветом к Вам: [далее следуют 15 подписей – В. О.].

Комментарий:

1. В то время город Лагодехи, расположенный на берегу одноименной реки в Кахетинском регионе, еще имел статус поселка, городом стал в 1962 г.

Письмо Абдулю Тейфуку от сослуживца (12.01.44)

Здравствуй друг!

Далеко ты сейчас от нас... От всей души поздравляю тебя с заслуженной славной наградой!

Очень часто приходится вспоминать прошедшее. Жаль, что мало пришлось побыть вместе.

Уже по<во>евал немного с твоими друзьями: Усеевым, Губановым. Не обижайся, а Усеев<у> далеко от толкового, настоящего командира. Преобладание личного, перенесение личных обид на подчиненных, зазнайство. Положительное – смелость и кое-что другое, но все это недостаточно для него. Правда, я не могу ничего плохого сказать о его отношении ко мне. Он меня уважал. Сейчас они оба далеко отсюда – в Москве. В б<аталь>нах все новые. Мне пришлось оставить б-н. Сейчас парторг полка. Кое-что узнал, увидел неприятное. Об этом в следующий раз.

Былинкину теперь намного труднее будет продвигаться. (Говоря о нем, я невольно вспоминаю последние часы, когда ты был ранен). Чувства к нему как к командиру после этого у меня изменились. О его заместителях – тоже оставим до следующего письма. Обидно было, что никто не разрешил добраться до тебя, когда ты еще был в МСБ.

На характер моей работы не могу обижаться, ничего не поделаешь, как говорится – партийная работа, но на кое-кого из начальства – надо бы снизить их в должности. Не заслуживают. Бестолковы и не задумываются над тем, что делают.

Обстановка... О ней Маруся подробнее расскажет.

А теперь прошу сообщить, как ты живешь, чувствуешь себя. Если бы точно знал, что ты скоро будешь в Тбилиси, кое-что передал бы.

Желаю всего наилучшего.

Выздоровливай.

Когда-нибудь да свидимся.

С плам<енным> др<ужеским> приветом

Шав[неразб.]

12.1.44. Пиши. Жду.

P. S. Еще по твоим рекомендациям принимаем в партию.

Как память храню твой пистолет, единственное, что осталось после тебя. Чуваев (твой ординарец) уже награжден, сам я подписывал боевую характеристику.

Письмо Абдуля Тейфука матери, брату и сестрам (16.12.44)

Здравствуйте, дорогие родные: мама, брат и сестры.

С горячим фронтовым приветом сообщаю, что я жив-здоров и того Вам желаю. Конечно, Вам давно должно быть известно, где я. Я нахожусь на фронте за рекой Вислой. Правда, от Вас очень далеко.

Мамочка, я Вам, не знаю, сколько писем послал. Ответы не мог получать <по> причине, что я часто менял свое нахождение и адрес свой, только поэтому. Я теперь

<в> свою часть приехал, где раньше служил. Люди все меня <знают>, и я их знаю. Приняли, как Вам известно, своего героя, как надо.

Мама, пишите, как Вы живете, как вообще жизнь в новом месте жительства. Как к Вам как к семье Героя Советского Союза относятся. Пользуетесь ли Вы военторгом? Я Вам послал справку о том, что я Герой Советского Союза. Вы закрепляетесь за военторгом. Вы должны [получать] по твердой цене. Вообще, семьям героев-фронтовиков отпускают каждый м-ц паек. Вы пользуйтесь от этого.

Вы пишите письма почаще. Мама, пишите, как Ваши документы заполняются: Айше Абдуль или Абдуль Айше? Или же Эмир-Усеинова Айше Абдуль? И еще пишите, Вы <в> каком районе или же месте <с> братом Алешей¹ находитесь. И еще пишите, где Васфие, Фатъма² и вообще все родственники.

Я несколько дней тому назад послал 1000 рублей. С получением пишите.

С горячим приветом кончаю,

Ваш сын, брат, Герой Советского Союза

Абдуль Тейфук.

Передайте привет всем родственникам и знакомым.

16.12.44 г.

От Мустафы³ письма получаете вы или нет? Я нет. Кто пишет с фронта письма, сообщите.

Мой адрес: Полевая почта 18895 «у», Абдуль Тейфук.

Пишите почаще.

Люба где работает?

Пишите Качанову письмо и благодарите за хороший прием меня.

Комментарии:

1. Имеется в виду брат Абдуля Тейфука – Али.

2. Васфие и Фатъма – сестры Абдуля Тейфука.

3. Мустафа – брат Абдуля Тейфука, пропал без вести во время битвы за Сталинград.

***Письмо (26.03.45) Тантана Ниязи своей матери с известием
о гибели Абдуля Тейфука.***

Г. Львов 26.03.1945

Дорогая мама, спешу вам сообщить о том, <что> в настоящее время <я> жив и здоров и передаю привет вам и сестре Д[неразб.]ре и всем сестрам и Эмирусеину...

Дорогая, 18.03.1945 года в Германии погиб мой лучший товарищ и брат Абдуль Тейфук, <я> его привез из Германии в Советский Союз в город Львов и похоронил его в Лычаковском¹ кладбище.

Я потерял в лице Тейфука самого лучшего брата. Мы все время были вместе, а теперь я вам высылаю его фото. Фотографировал, когда хоронил и высылаю вам свое фото. На этом заканчиваю свое маленькое письмо и желаю остаться очень здоровой.

Передавайте привет всем знакомым и родным. Целую вас, ваш сын Ниязи.

Комментарий:

1. Лычаковское кладбище во Львове – одно из старейших кладбищ Украины.

***Письмо (26.03.45) от сослуживцев Абдуля Тейфука
его матери Айше Абдуль с сообщением о гибели Героя Советского Союза.***

Многоуважаемая Айше Абдуль!

Командование и весь личный состав нашей воинской части с глубоким при-
скорбием извещает вас, что ваш сын Абдуль Тейфук 18 марта 1945 года погиб в бо-
ях с немецко-фашистскими захватчиками. Мы все соболезнуем вам и вместе с вами
переживаем эту тяжелую утрату. Ваш сын любим всеми, он был лучший командир и
лучший друг. Тейфук дрался геройски и погиб как герой, идя в первых рядах, он не
боялся опасности и беспощадно уничтожал врагов. Вечно останется у нас о нем
светлая память. Мы все поклялись над его гробом, что отомстим врагам за его
смерть.

Ваш сын Абдуль Тейфук похоронен в городе Львове 24 марта 1945 года на Лы-
чаковском кладбище.

26.03.45 г. Гвардии майор Комаров
Гвардии мл. лейтенант Тантана Ниязи
Высылаем [лист оборван] его фото.

Orekhov V. V. Hero of the Soviet Union Abdul Teyfuk military correspondence (documents from the
collections of the Museum of History of the Crimean Federal University V. I. Vernadsky) // Scientific Notes
of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science. – 2015. – Vol. 1, No. 3. – P. 69–
78.

This is the first publication unique documents that are stored in the museum of history of the Crimean
Federal University V. I. Vernadsky, and shed light on the facts of the biography of a graduate of the Univer-
sity of the Hero of the Soviet Union Abdul Teyfuk.

Keywords: Great Patriotic War, the history, Crimea, Abdul Teyfuk.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 929(092)

**ПОРТРЕТ ИЕРАРХА НА ФОНЕ НИКОЛАЕВСКОЙ ЭПОХИ
(РЕЦ. НА КН.: КЛЕЙТМАН А. Л. ЕПИСКОП САРАТОВСКИЙ
И ЦАРИЦЫНСКИЙ ИАКОВ [ВЕЧЕРКОВ] В ЦЕРКОВНОЙ
И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА. ВОЛГОГРАД, 2013. 232 с.)**

Калиновский В. В.

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: kalinovskyi@ukr.net*

В рецензии рассмотрена монография волгоградского историка А. Л. Клейтмана «Епископ Саратовский и Царицынский Иаков (Вечерков) в церковной и общественной жизни России первой половины XIX века». Определены основные смысловые узлы исследования. Отмечено широкое привлечение ранее неизвестных архивных материалов, в первую очередь, переписки.

Ключевые слова: рецензия, Иаков (Вечерков), биографика, церковная история.

Биографический жанр традиционно считается одним из древнейших в истории человечества. Людям всегда было свойственно ориентироваться на примеры своих предшественников, находя в их судьбах и поступках ответы на вызовы времени. Этим объясняется изобилие жизнеописаний на книжных прилавках мира и Российской Федерации. В современной исторической науке интерес к биографическим исследованиям также остается неизменно высоким, а осмысление отдельной эпохи через призму деятельности одного человека давно стало важным и востребованным направлением в гуманитарных штудиях.

Особым видом биографических исследований следует считать работы, посвященные иерархам Русской православной церкви. У их авторов зачастую возникает объяснимый соблазн написания работы о священнослужителях исключительно в апологетическом ключе. Но как сделать так, чтобы жизнеописание не превратилось в житие? Для историка ответ очевиден: привлекать как можно большее количество источников и критически их анализировать. Кроме того, следует оставаться верным принципу объективности, отмечая положительные стороны деятельности архипастырей, но и не замалчивая негативных моментов. К сожалению, с подобным подходом, зачастую в резкой форме, не соглашаются и представители духовенства, и светские ученые. Тем значительнее становится любая попытка взглянуть на масштабные фигуры церковной истории России и оценить их деятельность во всем многообразии. К числу таких попыток, безусловно, следует отнести монографию волгоградского исследователя, кандидата исторических наук Александра Леонидо-

вича Клейтмана «Епископ Саратовский и Царицынский Иаков (Вечерков) в церковной и общественной жизни России первой половины XIX века».

Рецензируемое издание посвящено одному из наиболее значимых, но и наиболее противоречивых иерархов Русской православной церкви. Преосвященный Иаков (Вечерков) (1792–1850) известен как миссионер, богослов и ученый, а также активный борец с расколом и сектантством. Именно фанатичность в противостоянии с представителями неканонических учений повлияла на репутацию архиерея. Прямо противоположные оценки, существующие в историографии, и необходимость осмысления деятельности епископа Иакова (Вечеркова) стали мотивами для появления работы А. Л. Клейтмана (с. 10). Для выполнения задачи исследования была привлечена широкая источниковая база, включающая делопроизводственную документацию, личную переписку иерарха, научные работы преосвященного и воспоминания современников о нем. Данные материалы были получены в архивах Русского географического общества, Российского государственного исторического архива, архивов Саратовской и Нижегородской областей, Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Кроме того, активно использовались публикации епархиальной периодики и досоветских исторических журналов.

А. Л. Клейтман предельно кратко (иногда – даже излишне) и емко представляет читателям жизненный путь преосвященного Иакова (Вечеркова), делая особый акцент на его пребывании в Саратовской и Царицынской епархии. Несомненной заслугой автора следует назвать выработку универсальной модели, подходящей для составления биографий иерархов. Предложенная историком система построения текста исследования отражает основные аспекты деятельности большинства архиереев Российской империи. Она охватывает церковное администрирование и взаимоотношения с клиром, миссионерство и мероприятия, направленные против распространения раскола и сектантства, покровительство образованию и науке в духовной среде, литературную и издательскую работу. А. Л. Клейтман приводит полярные взгляды на методы распространения православия, активно поддерживаемые епископом Иаковым (Вечерковым), что дает объемную картину жизни в Поволжье, учитывая пестрый национальный состав и географическую специфику края. При этом отсутствует логичное, на наш взгляд, рассмотрение деятельности иерарха в контексте эпохи царствования Николая I. Противоречивое и до сих пор не имеющее однозначной оценки правление Николая Павловича, помимо прочего, отличалось выстраиванием отношений государства и церкви на новых принципах, где православие, наряду с самодержавием и народностью, стало одной из идеологических опор Российской империи. Николаевская эпоха породила целую плеяду иерархов, отстаивавших консервативные позиции и искренне поддерживавших начинания императорской власти. Владыка Иаков может быть отнесен к сонму именно таких архипастырей, поэтому его руководство Саратовской и Царицынской епархией вполне логично рассматривать и с этой стороны.

Для объективной оценки вклада церковного иерарха в развитие вверенной епархии важным является выявление его связей с видными светскими и церковными деятелями края. Это направление также внимательно исследовано А. Л. Клейт-

маном. Так, он представил богатую палитру мнений о взаимоотношениях Иакова (Вечеркова) с протоиереем Гавриилом Ивановичем Чернышевским, отцом автора романа «Что делать?». Исследователь пришел к выводу, что владыка ценил своего подопечного за добросовестную службу на благо епархии (с. 26). Интересен и сюжет, связанный с рассмотрением решения разногласий между церковной и светской властями по вопросу об отношении к старообрядцам (с. 71–73). Инициативы епископа Иакова по борьбе с расколом нашли поддержку у губернатора А. П. Степанова, который, в частности, с помощью военных команд усмирил и очистил от монахов Иргизский старообрядческий монастырь.

К числу несомненных удач рецензируемой монографии следует отнести рассмотрение А. Л. Клейтманом участия владыки Иакова и духовенства Саратовской епархии в научной жизни края. Долгое время эта сфера деятельности священнослужителей находилась под спудом умолчания, а стереотипное представление о священниках исключительно как о мракобесах укоренялось в массовом сознании. Благодаря попыткам объективного исследования деятельности духовенства, осуществленным за последние несколько десятилетий, образ служителей культа в Российской империи представляется более многогранным. Стремление многих духовных лиц к просвещению, к фиксации и распространению знаний о своих епархиях становится важной частью этого образа. А. Л. Клейтман приводит и анализирует свидетельства о масштабной работе, которая была проведена епископом Иаковым (Вечерковым) и его окружением (с. 96–114). Исследователем был выявлен ряд рукописей работ духовенства. Преимущественно они посвящены истории неканонических религиозных течений, однако большую историографическую ценность имеют церковно-исторические описания населенных пунктов и описания археологических памятников, составленные благочинными и приходскими священниками.

Для истории епархиальной периодики представляет интерес сюжет о предложении епископа Иакова (Вечеркова) издавать специальный «Духовный журнал», что не нашло поддержки в Синоде (с. 113–114). По мнению А. Л. Клейтмана, составленная иерархом программа издания напоминает программу начавших выходить позже епархиальных ведомостей. Известно, что последнюю составил архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий (Борисов). Логично предположить, что оба архипастыря ориентировались на содержание губернских ведомостей, готовя религиозные издания по образцу функционирующих светских.

В отдельных фрагментах текста монографии А. Л. Клейтман делает верные предположения там, где следует говорить со всей уверенностью. Так, он допускает (с. 94), что один из корреспондентов владыки Иакова – Иван Палимпсестов – был выпускником Саратовской духовной семинарии, а после избрал светскую карьеру. Иван Устинович Палимпсестов действительно окончил это духовное учебное заведение и даже преподавал в нем основы сельского хозяйства и естественные науки. Наибольшую известность он получил как секретарь Императорского общества сельского хозяйства южной России и автор «Словаря сельскохозяйственных растений».

Особо следует отметить обширное приложение, которое занимает почти половину рецензируемой монографии (с. 124–222). Это переписка епископа Иакова (Вечеркова), выявленная А. Л. Клейтманом в фондах Российского государственного

исторического архива и Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки и введенная исследователем в научный оборот. В ней нашлось место как фигурам, существенно повлиявшим на развитие Русской православной церкви (митрополит Московский Филарет [Дроздов], обер-прокуроры Святейшего Синода С. Д. Нечаев и Н. А. Протасов), так и рядовым священнослужителям, бывшим сподвижниками саратовского иерарха. Примечательно, что приложение содержит малоизвестный и важный материал для реконструкции полной биографии другого выдающегося церковного деятеля – архиепископа Таврического Гурья (Карпова). А. Л. Клейтманом опубликованы письма 40-х годов XIX века, освещающие участие святителя в православной миссии в Пекине (с. 195–203).

Таким образом, работа А. Л. Клейтмана занимает должное место среди биографических исследований об иерархах Русской православной церкви синодального периода. За счет привлечения ранее неизвестных архивных материалов она привносит немало нового в систему представлений об одном из наиболее противоречивых архиереев. Представленные А. Л. Клейтманом модели описания деятельности высшего духовенства являются универсальными и могут быть использованы при написании биографий руководителей других епархий Российской империи.

Kalinovsky V.V. Portrait of hierarchh on the background by the epoch of Nicholas (review for book: «Bishop Saratov and Tsaritsyn Iakov (Vecherkov) in the church and public life of Russia of the first half of XIX century». Volgograd, 2013. 232 pp.) // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science. – 2015. – Vol. 1, No. 3. – P. 79–82.

The review considered the monograph Volgograd historian A.L. Kleytman «Bishop Saratov and Tsaritsyn Iakov (Vecherkov) in the church and public life of Russia of the first half of XIX century». The basic is semantic components of the study. Reverend James (evening) (1792–1850) is known as a missionary, theologian and scholar, as well as an active fighter against schisms and sectarianism. That fanaticism in the confrontation with representatives of non-canonical teachings affected the reputation of the bishop. Directly opposite assessments, existing in historiography and the need for understanding the activities of Bishop Iakov (Vecherkov) become motives for the publication of A. L. Kleytman. To perform the tasks of the study was drawn wide source base including clerical documents, personal correspondence hierarch, His Grace scientific works and memoirs of contemporaries about him. Of particular note is the extensive application, which occupies almost half of the monograph. This correspondence of Bishop Iakov (Vecherkov) revealed A. L. Kleytman in the Russian State Historical Archive and Research Department of Manuscripts of the Russian State Library and the introduction of a researcher in the scientific revolution. It was a place as a figure significantly influenced the development of the Russian Orthodox Church (Moscow Metropolis Filaret (Drozдов), Procurators of the Holy Synod S. D. Nechayev and N. A. Protasov) and ordinary clergy, former associates of Saratov hierarchy.

Keywords: review, Iakov (Vecherkov), Biography, church history.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Задерейчук
Алла Анатольевна** кандидат исторических наук, доцент кафедры исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Калиновский
Владимир
Витальевич** кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Масленникова
Валерия Андреевна** студентка исторического факультета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Орехов
Владимир
Викторович** доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Музея истории Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация)
- Петрова
Элеонора Борисовна** доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древнего мира и Средних веков Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Прохорова
Татьяна
Александровна** старший научный сотрудник Научно-фондового отдела Историко-археологического заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь, Российская Федерация).
- Стельмах
Ирина Федоровна** кандидат исторических наук, и.о. доцента кафедры музеологии и библиотечно-информационной деятельности Крымского университета культуры, искусств и туризма (Симферополь, Российская Федерация).
- Цыб
Сергей Васильевич** доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Алтайского филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Российская Федерация).

**Чичинов
Владислав
Алексеевич**

магистрант исторического факультета Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Российская Федерация).

**Юнусов Шевкет
Эльвисович**

кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Задерейчук А. А., Масленникова В. А. «Золотое дно» Тавриды: труд женщин на табачных плантациях Крымского полуострова во второй половине XIX начале XX века	3
Петрова Э. Б. «Дом, где жила мадам де Ла Мотт» и воспоминания баронессы М. А. Боде	13
Прохорова Т. А. «Другой крым»: ретрансляция исторических мифов о России в Американской литературе о путешествиях по Крыму в XIX веке	32
Стельмах И. Ф. «Практический путеводитель по Крыму» Григория Москвича как источник о состоянии объектов культурного наследия	48
Цыб С. В., Чичинов В. А. Хронологические показания судакского синаксария и датирование крымского похода Батыя	56

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Орехов В. В., Юнусов Ш. Э. Герой Советского Союза Абдуль Тейфук в военной переписке (документы из фондов музея истории Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского).....	69
--	----

РЕЦЕНЗИИ

Калиновский В. В. Портрет иерарха на фоне николаевской эпохи (Рец. на кн.: Клейтман А. Л. Епископ Саратовский и Царицынский Иаков [Вечерков] в церковной и общественной жизни России первой половины XIX века. Волгоград, 2013. 232 с.)	79
Сведения об авторах	83